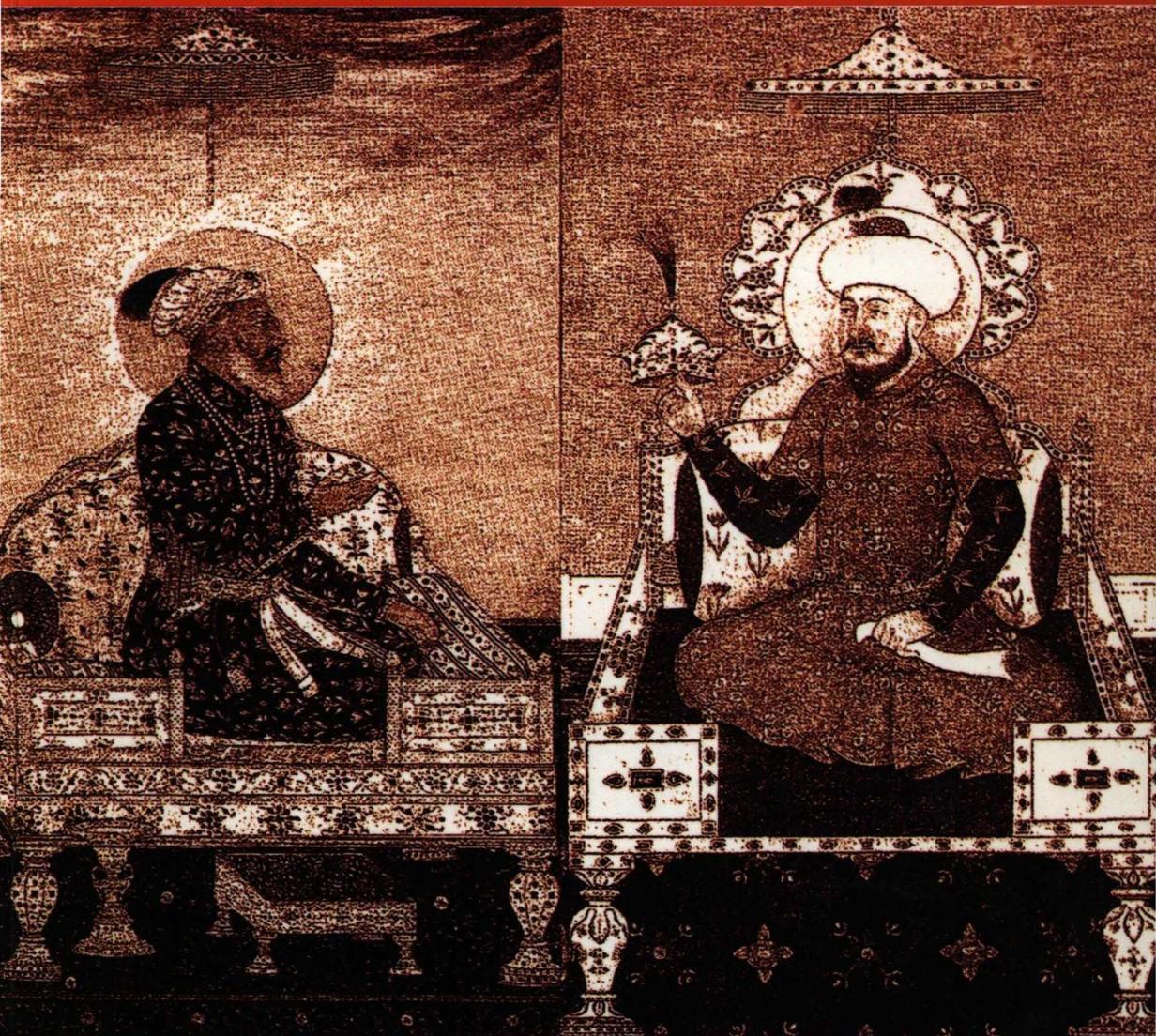

72
A 90

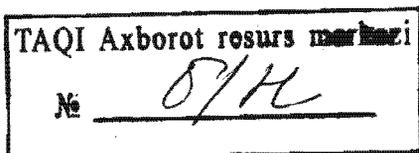
АРХИТЕКТУРА ТЕМУРИДОВ

ШУКУР АСКАРОВ

12
490

ШУКУР АСКАРОВ

АРХИТЕКТУРА ТЕМУРИДОВ

ТАШКЕНТ
Издательство «San'at»
2009

85.113(5)

A90

- Рецензенты: — **А.А. Хакимов**, профессор, доктор искусствоведения, академик Академии художеств Узбекистана.
- **Д.А. Назилов**, профессор, доктор архитектуры, Ташкентский государственный технический университет.

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке СП ООО «Miragemebel» и в целях просветительства архитектурных знаний распространяется бесплатно.

Аскарлов, Шукур Джураевич.

Архитектура Темуридов. / Ш.Д.Аскарлов. — Т.: Изд-во «San'at», главный редактор Н.Норматов, 2009. — 144 стр. + 80 стр. илл.

ББК 85.113(5)

Монография со ссылками на обширнейший список литературы иллюстрирована эволюцией архитектурных шедевров и сопровождается их объяснениями в словаре.

Пять веков (1360—1857 гг.) Темуридов раскрыты как выход Средней Азии от средневековья к Ренессансу и Реформации.

Впервые исследовано не только «что» и «как», но и «почему так» строили Темуриды выдающиеся здания и города согласно своему изменявшемуся мировосприятию.

ISBN 978-9943-322-66-0

© Аскарлов Шукур Джураевич, 2009 г.
© «San'at», 2009 г.

Содержание

Предисловие	4
Введение	10
<i>Ренессанс — Ренессансы — Родство — Изученность</i>	
1. Хонакох от зарождения до Темура	20
<i>«Правильный» путь — Зикрхона и самохона — Семь веков преемственности — Хонакох Темура</i>	
2. Первая и вторая столицы: Балх и Самарканд	30
<i>Султания — Балх и Витрувий — Самарканд и Флоренция — Бухара и Самарканд в Индии</i>	
3. Четыре этапа династии	40
<i>35 лет Темура (1370—1405) — 80 лет независимости (1408—1485) — 80 лет от Бабура до Акбара (1483—1571) — 80 лет от Акбара до Тадж Махала (1571—1648)</i>	
4. Возрождение хонакох	51
<i>Хонакох от Филарете в Бухаре — Хонакох от Филарете в Дели и хонакох Яссави в Агре — Акбар покидает Яссавия — В уединении-хилват</i>	
5. Феминизация	60
<i>Женщина — духовный партнер — Покорность Богу — Святимилице — Женщина-архитектор</i>	
6. Спасение в Фотихпур Сикри	69
<i>Божий суд — От монгол к Козимо I — Новое место молитвы — Новые троны</i>	
7. Трансформация хонакох: Тадж Махал	79
<i>Прототипы — Дворы — Создатели — Сценарий</i>	
8. Последняя столица: Шахджаханабад	87
<i>Миф о «Манасаре» — Балх и Шахджаханабад — Эскориал и цитадель — От лагеря к рынку</i>	
Заключение	98
Литература по ссылкам	103
Словарь	134
Источники иллюстраций	143
Иллюстрации	
<i>(ссылки на них даны по краю текста)</i>	

Предисловие

Историю нашей архитектуры мы привыкли видеть как подъем при Темуре и затем спад, получивший распространенное и устоявшееся определение: позднее средневековье. Советская система и некоторые западные мыслители внушили, что в то время, как Европа переживала Ренессанс, Реформацию и Просвещение, Средняя Азия-де застыла в своем средневековье. Среднеазиатская культура, в действительности, переживала подъемы у потомков основоположника династии. Однако, архитектуроведение Темуридов, в котором значительна роль так называемого «англоязычного мира», предпочитало не принимать в счет среднеазиатские корни, рассматривая их как «варварские» и ошибочно обособляя тех, кого называло Моголами Индии. Из такого искажения истории и расцвели оторванные от реалий жизни описания архитектуры как некоей чисто визуальной вещи. В их-то потоке Средняя Азия и оказалась вычеркнутой из общечеловеческого процесса Ренессанса и Реформации.

Средняя Азия издревле пребывала среди образованных регионов мира, но обнаружила себя отчужденной ввиду центрированности Ренессанса Европы преимущественно на Средиземноморье. Пять веков от правления Темура с 1360 г. до конца династии в 1857 г. были выходом от средневековья к новым временам, к колонизации европейским капитализмом. В эти века передовая мысль Средней Азии переживала собственные Ренессансы и Реформацию, — их и выразила архитектура Темуридов, явившаяся документом подъема региона в мировой истории. Общаясь с другими религиями и обращаясь к усиливавшейся светскости, Темуриды совершенствовали свою веру и свои четко установленные жизненные ценности. Распад государств Темуридов и их колонизация оставили странам-наследницам разрозненные и искаженные версии о прошлом. А европоцентризм принизил роль не только династии, но и самой Европы в том процессе.

По этой причине, тысячи исследований на Востоке и Западе рассматривали Темуридов сквозь фрагменты, упуская целое, — и это не соответствовало тем мирового масштаба трансформациям, через которые прошла династия. В результате, сближавшиеся тогда цивилизации Востока и Запада

были неверно истолкованы как разрозненные. Поскольку восприимчивые Темуриды рассматривали исламскую архитектуру в связях с культурами других религий, для многих исследователей тема их Ренессанса напрашивалась сама собой, однако, эти ученые не делали это предметом изучения ввиду сложности проникновения в духовность. Выделявшиеся ими несколько Ренессансов Средней Азии IX—XVII вв. иллюстрировались отдельными эпизодами, но не доказывались эволюционными историями.

Распад СССР, падение «железного занавеса», и раскрытие Узбекистана миру позволили охватить эту эволюцию, глядя из родины династии, все еще малоизвестной Средней Азии, и проследить, с полнотой информации, века трансформаций, уделяя внимание духовности, ибо она является центральной в Ренессансе. Вместо деления на Темуридов Средней Азии и Моголов Индии или на Ренессанс Европы и что бы там ни было в Азии, данная работа целостно охватывает свойственные тем временам особенности мышления династии.

Важно было ответить не только на «что» и «как» строили Темуриды, но и «почему так» они это делали, какие особенности эпох рождали их необычную архитектуру. Ведь то был мир иного мышления, всецело определенного религиями, и архитектура запечатлевала трансформации душ Темуридов. Их архитектура — это больше, чем типологические исследования (в СССР), историография представителей династии (в Индии) или же каталоги сооружений (на Западе). Увидеть духовные поиски мешало и мешает предубеждение о том, что религии разделяют. Такое предубеждение родилось из атеистического воспитания, питавшего и питающего скептицизм относительно общности Востока и Запада. Архитектура Темуридов искала ответы на вопросы о том, ради чего человек живет, праведна ли его жизнь, и что, поэтому, ждет его в конце пути. Вплотную столкнувшись с Индией, Тибетом, Монголией, Китаем и Европой, Темуриды в религиях обнаруживали общие ценности как полезную для архитектуры теорию.

Данное исследование начиналась тоже с персоналий и типологий, привлекаемая некоторые аспекты духовности. Вскоре, их дополнил впечатляющий перечень итальянских прототипов архитектуры Темуридов. Усложнившаяся композиция работы обрела ясность с детализацией культов и ритуалов, в которых тема женщин выросла в темы о феминизации и духовном спасении. Определились понятия, составлявшие духовное ядро Ренессанса. Их логическая связь подтвердилась в завершающих шедеврах династии.

тии — Тадж Махале и Шахджаханабаде. Таким образом, эти темы — Вознесение в суфийском *хонакох* — Праведность в градостроительстве — Единство этапов династии — Возрождение *хонакох* — Феминизация жизни и стиля — Спасение как совершенствование жизни — Тадж Махал — Шахджаханабад — отразили духовные поиски Темуридов и составили содержание глав исследования. Если главы раскрывают духовные цели, то их разделы объясняют использованные для их достижения архитектурные средства.

Там, где в однородной архитектурной типологии Темуридов обнаруживались новые формы, выяснялись привнесшие их социальные изменения, и прояснялись мотивы применения династией этих форм. При установлении этого, подлинные цитаты первоисточников помогали преодолеть противоречивые интерпретации или откровенные искажения, и дойти до подлинного смысла рассматриваемых объектов. Такой подход, как предполагалось, удовлетворит потребность студентов, специалистов и широкой публики в понимании подлинного характера архитектуры Темуридов.

Целью, таким образом, стало выяснение того, что стоит за декларациями о Ренессансах архитектуры Темуридов. При этом исследовались только созданные самими Темуридами оригиналы, а не так называемая темуридская архитектура, разросшаяся в огромную ветвь исламской архитектуры. Задачами исследования стало установление современного состояния знания, сравнение его с находками в прикладных науках, таких как градостроительство и реставрация памятников, выделение неоспоримого и объяснение той духовности, которая и формировала здания и города.

Исходя из вышесказанного, эта работа впервые:

— рассматривает гипотезы о **Ренессансах Средней Азии** в контексте многовековых контактов с Европой и восстанавливает прежде неизвестную ось из Италии через Россию в Бухарию и Индию (Введение);

— реконструирует ритуалы **вознесения** в *хонакох* суфизма — этой второй, после армии, опоры государств Темуридов, месте их молитв и сердцевине их духовных поисков (Глава 1);

— прослеживает воплощение **праведности**, то есть теологически и морально правильного, в городах-копиях Бухары, а также в Балхе и Самарканде Темура, — их модели произвели Шахджаханабад, вершину урбанизма Темуридов (Глава 2);

— доказывает **единство** Темуридов сквозь четыре 35+80+80+80—летних периода: их кочевая и стационарная архитектура, а также преемственность в политике систематизированы для понимания возрождения династии (Глава 3);

— выявляет, как под влиянием принявшей итальянский Ренессанс Москвы возродился *хонакох* в Бухаре, Дели и Агре, и как суфийскую концепцию **встречи**, то есть нахождения Бога в этом мире, Акбар продолжил в новом городе Фотихпур Сикри (Глава 4);

— раскрывает обновление в Азии и Европе архитектуры **экстаза**, то есть состояния эмоционального восторга: образ жизни Акбара и возросшая роль женщин феминизировали стиль Темуридов (Глава 5);

— объясняет одержимость Темуридов **спасением**, то есть освобождением от наказаний за грехи, в их городах и архитектуре, демонстрирующих поиск единства с Темуром и Богом (Глава 6);

— представляет, сквозь ряд прототипов, трансформацию *хонакох* в Тадж Махал, эту **корону** в поисках Темуридами Бога, — Тадж увенчал двухвековой процесс Ренессанса между Италией, Россией, Бухарией и Индией (Глава 7);

— доказывает влияние первой столицы Темура на имитирующий Божественное **созвездие** план Шахджаханабада, а влияние Милана и Мадрида — на цитадель этой столицы (Глава 8).

Данному исследованию содействовали специалисты ряда стран.

В Узбекистане, Г.А.Пугаченкова и М.С.Булатов поддержали план работы и консультировали ее. Новые данные и практическую помощь предоставляли Махмуд и Мухаммад Ахмедовы, М.М.Хайруллаев, Зокирджон Машрабов, Майсара и Фирдавс Набераевы, Д.А.Назилов, Тохирходжа Нуриддинов, Хайрулла Султанов, Х.М.Убайдуллаев, Асомиддин Уринбаев, Ибрагим Ёрматов, П.Ш.Захидов, Ш.Р.Шоабдурахимов, Ш.М.Мансуров, а также Ахмад Раджаб Мохамед Али Ризк из архитектурного факультета Каирского университета. Руководство Ташкентского архитектурно-строительного института в лице Б.А.Аскарлова, М.М.Мирахмедова, Н.А.Самигова командировало в соответствии с приглашениями института Бари и университетов Бостона и Нью-Йорка, и результаты докладывались кафедре «История

и теория архитектуры» и заведующим Х.Ш.Пулатову и Т.Ф.Кадыровой. Из Казахстана помогали мои друзья Искандер Азимов и Анна Кудиярова.

В Индии тему архитектуры Темуридов воплощает ее выдающийся ученый Рам Нат. Самые любопытные аспекты его пытливого ума включены в эту работу и развиты. За организацию поездок в Индию в 1995 и 2000 гг., за консультации и предоставление исследовательских материалов, а также за ознакомление с библиотеками, благодарю Сухаша Чакраварти, Баруна Де, С.П.Гупту, Ирфана Хабиба, Манзуру Хайдар, Калпану и Роми Хосла, Джозефа Лобо, Уму Сурьянараян Мишру, Ширин Мусви, Харбана Мукхия, Камара Раиса, Раджа Ревала, Саида Али Надим Резави и Шована К. Саху.

В Лахоре, Пакистан, в 1990 и 2002 гг. любезно помогали Халида Ахтар, Аманат Али, Башир Ахмад Бхатти, Максуд Ахмад Малик, Камил Хан Мумтаз и его сын Темур, Абдул Рехман и Мохаммад Сиддик.

Председателю Союза архитекторов Ирландии Брайену О'Коннелу я обязан приглашением в Дублин, где Деклан Грэхен ввел меня в Библиотеку Честер Битти. Мария Кернан в 1991—1992 и 2001 гг. знакомила с Брайеном Линчем, Артуром Даффом, Уильямом Симпсоном и Элэйн Райт.

В Италии в 2003 г. консультациями и материалами содействовали Аттилио Петруччиоли (Политехнический институт Бари) и Джанпаоло Гаравулья (Университет Милана).

Расширению масштаба исследования и его совершенствованию содействовали контакты с Сухой Озканом, Генеральным секретарем Премии Ага Хана по архитектуре, а в 2005—2006 гг. Программа Ага Хана по исламской архитектуре в Гарвардском университете, в лице Гульру Неджипоглу и Дэвида Дж. Роксборо, и в 2007 г. Университет Новой Школы Нью-Йорка.

Заслуживают упоминания библиотеки, музеи и архивы: в Андижане, Узбекистан, Библиотека музея Фонда Бабура; в Самарканде, Самаркандская областная государственная инспекция по сохранению и использованию памятников культуры; в Ташкенте, Библиотека Алишера Навои, Архив Управления по охране исторических памятников при Министерстве культуры Узбекистана, Библиотеки Индийского культурного центра, Французского института по изучению Центральной Азии и Института востоковедения; в Алигархе, Индия, Библиотеки Мусульманского университета; в Новом Дели, Библиотеки Школы планирования и архитектуры

и Университета Джавахарлала Неру; в Лахоре, Пакистан, Архивы Форты Лахора, Библиотека Музея Лахора, и Библиотека Пенджабского государственного университета; в Дублине, Ирландия, Библиотека Честер Битти, Библиотеки Тринити Колледжа и Университетского колледжа Дублина; в Бари, Италия, Библиотеки Политехнического института и Национальная библиотека; в Венеции, Библиотека Сансовино; в Милане, Библиотека Факультета истории искусств Миланского университета, Национальная библиотека Брайденсе; во Флоренции, Национальная центральная библиотека; в Риме, Национальная центральная библиотека; в Кэмбридже, Массачусеттс, США, Библиотеки Гарвардского университета Андовер, Хиллз, Ламонт, Лоуб, Изящных искусств, и Уайднер, а также Архивы Гарвардского университета; в Нью-Йорке, Библиотека Университета Новой Школы и Нью-Йоркская публичная библиотека.

Работа финансировалась Программой поддержки научных исследований и Программой совершенствования преподавателей вузов в Гарвардском университете и в Университете Новой Школы Нью-Йорка, Программой Темпус Европейского сообщества, и СП ООО «Miragemebel».

На кафедре «История и теория архитектуры» в 2005—2009 гг. под моим руководством дипломниками Савон И.К., Саламовым Р.Б., Головченко В.Э., Трудюлюбовой Т.Р. и Хабаровой А.В. исследованы и иллюстрированы положения Главы 1. В 2008 году им помогли натурными обследованиями студенты группы 1-06АУ под руководством А.А.Турдиева.

И наконец, эта работа была бы невозможна без постоянной поддержки, которую оказывали моя жена Малика и наши дочери Ойнисо, Гузал, Малика и сыновья Рустам, Бекзод, Мустафо.

Шукур Аскарлов

Лахор — Дели — Дублин — Флоренция — Бостон — Нью-Йорк — Ташкент

1990 — 2009 гг.

Введение

*Все, что предпринимали Темуриды,
даже самые материалистические и заурядные вещи,
обретало под их интеллектуальным руководством
чувство прекрасного и отражало идеалы их культуры.*

Перси Браун (1).

Современная мысль выдвигает гипотезы о пяти Ренессансах IX—XVII вв. в Средней Азии, родине нескольких кочевническо-оседлых империй. Этот процесс детально анализируется здесь и делается вывод, что Средняя Азия не только развивалась по схожим со Средиземноморьем образцам, но и влияла на его Ренессанс, а также на Ренессанс Индии. Прослеживается проникновение Ренессанса Италии в Россию и оттуда в Бухарию и Индию. Вдоль этой оси происходили знаменательные в ту эпоху перемены в архитектуре.

Ренессанс

Ренессанс изменил понимание центра и периферии мира. В 150 г. н.э. в труде «География» жившего в Александрии Птолемея центром мира были восточное Средиземноморье и Средняя Азия (2) — «регионы образованных людей вплоть до конца XV в.» (3). С XI-го золотого века ислама, когда центры экономики перемещались на запад, и «с Ренессансом возникло понятие Европы» (4), возник и европоцентризм, ограничивший «географию образованных людей» Средиземноморьем, где Турцию приняли за отчужденную Среднюю Азию. И слово «Turkish» (турецкий) заменило, даже для ученых умов Запада, слово «Turkic» (тюркский), которым означали жителей Средней Азии, называемых порой и по сей день татарами или тартарами. Даже общепризнанный, казалось бы, подъем Средней Азии в XV в. некоторые западные ученые пытаются и сегодня представить как «упадок Востока, варваров Средней Азии (то есть тюрков)» (5).

Что же в те времена переживала Азия и, в частности, Средняя Азия? В Турции, несмотря на ее близкие и интенсивные контакты с Европой,

Ренессанс рассматривался как чисто европейское и христианское явление, безо всякого воздействия на эту страну: «Мехмет II-й Завоеватель (правил в 1444—1446, 1451—1481 гг.), прозванный Победителем, интересовался вроде бы итальянским Ренессансом, но после него это было прекращено. Для ознакомления с принципами христианской религии, он собирал в своем дворце греческих и итальянских ученых. Это дало повод некоторым принять его за настоящего правителя эпохи Ренессанса, что вовсе не так. Он интересовался христианским миром только для того, чтобы стать его завоевателем и правителем. Культурно же он оставался мусульманином. Восторг его эпохи перед европейским стилем в искусстве и отдельные поверхностные заимствования не сформировали нового направления в культуре» (6). Перемещение с тем же вопросом в Среднюю Азию наталкивается на озадаченность местных ученых. «Свободная мысль» и «интерес к античной и средневековой культуре» восьмого в династии Темуридов императора Акбара (1556—1605 гг.) рассматриваются в Узбекистане как «отзвуки Восточного Ренессанса IX—XI и XIV—XV вв.» (7). В отличие от Мехмета, правление Темуридов ознаменовалось изменениями столь значительными, что они подняли перед ученой мыслью ряд вопросов: «Вскрывает ли термин Ренессанс Темуридов суть новых явлений в художественном творчестве, в самом строе отображаемых им общественных идей, и соответствуют ли эти идеи понятию Возрождения? Возрождения чего?» (8). Запад же рассматривает Среднюю Азию как вообще неспособную на что-либо, что могло бы быть возрождено Темуром или его потомками: «Согласно некоторым ученым, «ренессанс» предполагает предшествовавший расцвет, как то происходило в Италии времени Ренессанса по отношению к культуре классической Греции и/или Рима. Никто, однако, не доказал, что подобный культурный расцвет имел место при жизни Темура. Настоящее возрождение Темуридов произошло в северной Индии» (9).

Ренессансы

Расцвет и даже несколько Ренессансов имели место еще до Темуридов в державе Туркистан, установленной с середины VI в. в Средней Азии кочевыми тюрками. «Византийская империя — наследница политики Рима, культуры Греции и духовности христианства — искала союза с тюрками Средней Азии. И тюркская империя Хазария (от Волги до Кавказа) вошла в союз с Византией» (10). «С 250 г. до н.э. тюркские орды ассимилировали жителей западного Ирана, уподобив их жителям Турана (Средней Азии);

при Сельджукидах, Хорезмшахах, Монголах и Темуридах иранцы постоянно смешивались с народами Турана» (11). С VIII в. тюрки вторгались во многие государства и с IX в. становились дворцовой гвардией или могущественными правителями, и переняли «первый исламский классицизм у Омейядов и Аббасидов VII—X вв.» (12). В X в. на базаре Шаша (Ташкент) гвардия Саманидов купила молодого Себук Тегина из тюркских Карлуков с озера Иссык-Куль, и он в X—XI вв. основал династию Газневидов, которая проявила на севере Индии «характерную для тюрков способность ассимилировать чужую культуру и, в то же время, сохранять доминирующее положение завоевателей» (13). **Первый политический и культурный Ренессанс Средней Азии IX—X вв.** имел центром город Бухару, где в арабских переводах с греческого, сирийского, персидского и санскрита «науки и философия Аристотеля были подняты на новые высоты Авиценной (908—1037 гг.) и другими» (14), чтобы затем распространиться повсюду вместе с тюрками.

Тюркская империя Сельджукидов 1075—1318 гг. простерлась от Средней Азии до Средиземноморья, где столкнулась с крестовыми походами христианства 900—1492 гг. на Святую Землю. «Европа снова открыла для себя свое классическое прошлое в переводах как с греческого, так и с арабского» (15), и именно это столкновение способствовало там в 1050—1250 гг. «Ренессансу XII века, вызвавшему техническое совершенствование архитектуры и рождение готического стиля» (16). Принесенные из Азии стрельчатые арки, ребристые купола и поддерживающие кровлю аркбутаны уменьшили боковой распор и сменили полуциркульные арки и своды романского стиля, «неспособного возводить большие пространства» (17). Хотя происхождение готики приписывали Франции XI в. (18) или Ломбардии (19), многие «указывают на исламские ребристые купола» (20) и говорят об «исламских истоках западной готики» (21), заключая, что «своей славой готическая архитектура в немалой степени обязана введению стрельчатой арки» (22). Конструктивные нововведения Сельджукидов в Джума мечети Исфахана были немедля доведены до Италии и — как напрягающие кладку ребра, названные *спинапеше* (*spinapesce* — рыбий скелет), — широко распространились с XI в. в области Венето в возведении малых куполов (23). «Легкие арочные конструкции и двойные купола мавзолея Султана Санджара (1440-е гг., Мерв, Туркменистан) возникли на полтора века ранее подобных методов в мавзолее Олжейту (1305—1313 гг., Султания, Иран) и на три века ранее купола Филиппо Брунеллески (1418—

1470 гг.) над Санта Мария дель Фиоре во Флоренции» (24). Если романская Италия рассматривала готику «варварской» за ее связь с Германией (25), Запад в целом до сих пор рассматривает готику как «неклассическую, варварскую и нецивилизованную» (26) за ее восточное, тюркское происхождение. Готику породила технически совершенная и математически гармоничная архитектура, которую Сельджукиды распространили на Средиземноморье (27), и второй тюркский Ренессанс XI—XII-го вв., «золотой период в архитектуре Средней Азии, стал таким же классическим, каким являлось наследие Греции» (28).

Монгольское нашествие смешало различные религии настолько, что исследователи ныне говорят не о кровожадных ордах, но о третьем ренессансе в их империи XIII—XIV вв. В то время как внук Чингизхана Хубилай (1215—1294 гг.) правил Китаем, вербуя тюркских солдат из Средней Азии и назначив уроженца Ташкента Ахмада своим министром финансов 1268—1282 гг. (29), — на западе монгольской империи «нескольких доминиканских и францисканских монахов впустили в северный Иран. Здесь, в 1318 г. в Султании, учредили кафедру митрополита, а в 1320—1329 гг. доминиканские епархии учредили в Мараге, Тебризе и Тифлисе. Испанский посол Клавихо отметил огромное количество торгового люда на ежегодной летней ярмарке в Султании под покровительством купцов из Генуи и Венеции» (30). Затем, Италия направилась в Среднюю Азию второго сына Чингизхана Чагатая (1185—1242 гг.) и его потомков: их *Курултай* (Съезды) собирались в городе Алмалыке (в нынешнем Кыргызстане), который «описывался европейскими источниками как цветущий, с католической епархией и, возможно, с несторианским монастырем» (31). «С конца XIII в. монгольские правители приглашали христианских миссионеров в Азию, и к 1328 г. кафедра епископа была учреждена в Алмалыке, и затем в Куня-Ургенче и Самарканде. При монгольском правлении христианство переживало ренессанс по всему ханству, включая период правления Казанхана (1339—1346)» (32).

Флоренция же этого периода боролась с «кризисом христианства» (33) и запретила торговлю с «неверными» и арабские цифры (34) при всей их практичности в сравнении с римскими. И «опора христианства» промышленная корпорация Арти Мажжори заложила базилику Санта Мария дель Фиоре, чтобы ее архитектурой возродить мощь веры. Купол Санта Мария дель Фиоре архитектор Арнольфо ди Камбио спроектировал поначалу на колоннах, как в соборе соседней Сиены. Но, после учреждения в 1318 г.

второй епархии Папы Иоанна XXII-го в Султании (35) и после прибытия в 1325 г. консула Венеции в Тебриз (36), Арнольфо ди Камбио поменял колонны на пилоны — как в мавзолее Олжейту в Султании. Сделал он это в 1350-е гг., и в 1380 г. Флоренция заложила пилоны. Из Султании доставили и решение купола. Популярные до этого купола Византии были плоскими, поэтому их над базиликой Сан Марко в Венеции надстраивали деревянными куполами, как это делали в Каире. Подобного же куполу Султании —

1 высотой 54 м., на восьмиграннике диаметром 24,5 м., при толщине стен 7 м. — не видели Иран и ислам, не говоря уже о Европе. Мавзолей Олжейту, как видно в реконструкции А.А.Поупа, имел по периферии купольные помещения (37), — Флоренция заимствовала и их в качестве апсид, противостоящих распору купола.

XIV—XV века Темура подняли достижения тюрков и монгол до четвертого Ренессанса, который отчетливее воздействовал на Европу. Под

2 мозаичными орнаментами фасадов Дворца Дожей (1340—1441 гг.) Венеции, «заимствованными от архитектуры Темура XV в., капители колонн изображают латинян, тартар и тюрков» (38). С 1347 г., когда чума смела население Флоренции, эти тартары, как рабы, доставлялись итальянскими торговцами из кыпчакских степей, пока Темура не положил конец сделкам итальянцев со знатью Крыма (39). В 1410 г. Флоренция подняла, на пилонах из Султании, величественный барабан для купола. Поскольку «роль Брунеллески в его создании неясна» (40), о его происхождении говорит принятый итальянцами термин для слова «барабан». Итальянское слово *tamburo* (41) произошло от провансальского танца *tambourin* под звон бубнов и от барабанщика-*tamburino* (42), которого итальянская армия скопировала у армии арабов в Испании (43). Такие барабаны пришли из Азии от тюркского *домбира* (барабан, в том числе и архитектурный). Моделью для Брунеллески стали купола Темура, возведенные вдвое выше диаметров благодаря высоким барабанам. Это новшество и достигло Флоренции, искавшей уже 100 лет барабан и купол для своего собора. Христианство всерьез воспринимало тюрков и Темура и, чтобы лучше понять его, в Среднюю Азию зачастили послы Европы. В этой ситуации и было заимствовано тюркское название барабана и, закончив его в 1410 г. как *tamburo*, Италия способствовала распространению этого термина в другие языки Европы.

Филиппо Брунеллески повторил силуэт и две оболочки купола мавзолея Олжейту, а восемь каменных ребер произошли от каркаса тюркских коче-

вых юрт, чтобы символизировать восемь смертей или восьмой день воскресшего Христа. Соединенные девятью, по числу небес рая, горизонтальными кругами, они образовали облегчающую конструкцию кессонов, которыми Брунеллески восхищался в римском Пантеоне. Брунеллески заполнил кессоны сельджукидской кирпичной кладкой *spinapesce*, о которой он писал в 1426 г. Поскольку *spinapesce* заимствовались с XI в. для малых куполов Венето, Брунеллески впервые перенес их в гигантский купол. «Спиралеобразные *spinapesce* устремились к зениту купола и, под тяжестью пассивных горизонтальных кладок купола, сжали его словно цепкие жилы» (44). В 1536—1546 гг., для собора Св. Петра в Риме, архитектор Антонио Сангалло тоже рисовал *spinapesce* «купола, возведенного во Флоренции без арматуры». Его рисунок больше похож на спирали купола сельджукидской мечети в Эски Малатия (1224 г., Турция). Ребристый и на высоком барабане купол Сангалло стал моделью для соборов Европы эпохи Реформации и Просвещения.

3

Родство

Купол Брунеллески явил еще раз родство Средиземноморья и Средней Азии в использовании схожих моделей земной и небесной геометрии. «Подлинное совершенство достигается начертанием мирских вещей по цифрам вселенной, диктуемым движением звезд» (45), — писал греческий философ Платон (427—347 гг. до н.э.). Он рисовал мир по 12 знакам Зодиака и рекомендовал «делить территорию города на 12 частей» (46, 47). В градостроительстве Азии «VII—IX вв. отличались уйгуры, поручавшие это согдийцам и китайцам, и страна уйгур стала вскоре самой большой из тюркских, с их правителем-хаканом в столице Каракоруме с 12 воротами» (48). Монгольский город XIII—XIV вв. окружали 12 языческих храмов (49, 50). Город Балх (в сегодняшнем Афганистане) имел 12 ворот (51) до его превращения в первую столицу Темура. Шатер Темура стоял на 12 столбах, «а его дверь, привезенная из Бруссы (в западной Турции), изображала Святых Петра и Павла» (52). Центром императорского лагеря Акбара было круглое ограждение, поделенное внутри на 12 отсеков (53).

Во время Ренессанса IX в. Ал-Хоразми развил Платона и описал картину «неподвижной земли и 8 сфер, вращавшихся вокруг нее и несших солнце, луну, 5 планет и неподвижные звезды» (54). Европа рисовала «эти сферы небесного вращения от гениталий человекоподобного Бога, потому что че-

ловек стал центром ее Ренессанса» (55). Внук Темура Улугбек (1393—1449 гг.) изобразил на стенах своей обсерватории «небесный свод с небесами, 7 небесными сферами с 7 подвижными планетами, и с неподвижными звездами» (56). Этот образ вселенной определил мировосприятие Темуридов, и он дрогнул в битве Бабура в Индии в 1526—1527 гг. Бабур вспоминал: «единственными небесными телами, которые я видел, были стрелы, а единственными неподвижными звездами оказались крепко упертые в стремена ноги, и земли стало только шесть, а небес стало восемь» (57). То есть, взывавшаяся пыль битвы изменила соотношение земли и неба с 7—7 на 6—8. Вселенский порядок был глубоко укоренен в психике Темуридов, определял восприятие ими явлений жизни и вдохновлял геометрию их зданий и городов.

Бабур пришел в Индию, уже испытавшую влияние предшествовавших четырех Ренессансов Средней Азии: они были донесены до тюркских правителей Индии, которые планировали свои столицы подобно Бухаре, а усыпальницы строили подобно мавзолею Саманидов. Те, кто был верен исламской религии, бежали от Чингизхана в Индию, как бежал из Бухары дед Низамуддина Аулия (умер в 1325 г.), великого *шайха* всеиндийского ордена Чиштия. Слова П.Спиэра «Именно тюрки и ислам снова ввели Дели в историю» (58) сказаны о тех временах сближения Ренессансов Европы и Азии. Многоволновая арка тюркских правителей достигла Флоренции и украсила капеллу корпорации Арте делла Лана, движущей силы итальянского Ренессанса, а в Индии эти тюркские правители приветствовали приход Темура как продолжение тюркских Ренессансов. Подтверждением является следующее предсказание, данное Темуру: «Как император Себук Тегин был удостоен чести увидеть Пророка, Всевышний одарит властью Ваше (Темура — Ш.А.) потомство на многие поколения» (59). «Вторжение Темура завершило процесс децентрализации деспотической власти делийского султана, недостойного своих территорий. Были высвобождены силы реконструкции и реорганизации. Закончился период хаоса и беспорядка, и открылась эра культурного ренессанса в стране» (60). Темуриды продолжили «классическую исламскую архитектуру периода Султаната X—XVI вв.» (61) в течение пятого Ренессанса XVI—XVII вв.

В 1400 году похода Темура в Малую Азию, во Флоренции родился Антонио Аверлино ди Пьетро, прозванный Филарете. Он стал патриархом архитектуры Ренессанса, возрождая в своих проектах геометрию, объединявшую Средиземноморье и Среднюю Азию. Филарете идеализировал Индию и,

строю в 1456—1465 гг. в Милане Оспедале Мажжоре (Главную больницу), писал в своем «Трактате» (1461—1464 гг.) об идеальном городе Сфорцинда: «И место для Сфорцинды нашли в долине Инда, в счастливой стране долине Инда!» (62). Некоторые итальянские источники датируют кончину Филарете 1465-м или 1469—1970-м годами, но одно исследование утверждает, что он позже «направился из Стамбула в Москву, где проектировал для нового Кремля, а его ученик Антонио Бонфини остановился в Будапеште для перевода его «Трактата» венгерскому королю Матиасу Корвинусу» (63). Как бы там ни было, проекты Филарете воздействовали на Россию тех лет, и затем на Среднюю Азию, чтобы потом проследовать в Индию. На Западе «проектами Филарете для долины Инда» пренебрегают как «наивными и поверхностными» (64). Нам же они важны, ибо в «Индию, знаменитую со времен птолемеевской географии своим золотом и немислимым богатством» (65), работы Филарете донесли новое видение архитектуры, заложив основу, как мы убедимся, здешним шедеврам Темуридов.

В 1542 г. первый иезуитский миссионер Франсиско Хавьер причалил к португальской колонии Гоа в Индии и в этот же год родился Акбар (66). В 1573 г. Акбар пригласил Отца Антония Монсеррата из Гоа в свой новый город Фотихпур Сикри для бесед о духовности (67). В 1577 г. из Рима отплыла итальянская миссия во главе с П.Ридолфо и, остановившись в Толедо и Лиссабоне, вошла в 1580 г. в Фотихпур Сикри. До 1582 г. Акбар обсуждал с посланниками Европы литературу, поэзию, религию, философию, историю. В конце, он решил направить посольство к королю Испании Филиппу II (1556—1598 гг.), поздравляя его с восхождением на трон завоеванной Португалии и называя его правителем Европы. Отец Монсеррат был членом Общества иезуитов Римско-католического ордена, который содействовал в XVI в. Реформации официальных идеологий в Польше, Венгрии и южной Германии, и его миссионеры в Новый Свет, Индию и Китай несли христианство и его искусства, включая архитектуру Ренессанса, по-новому трактовавшую вечные религиозные каноны. Гости Акбара были верными сынами Европы, где «ислам противопоставлялся христианству и мусульмане рассматривались как язычники» (68, 69). «Моголы — отмечала миссия П.Ридолфо — это смешение местных индийцев и пришлых тартар: первые являются идолопоклонниками, тогда как вторые мусульманами, они не в миру меж собой из-за противоречий религиозных» (70). Вторая португальская миссия гостила весь 1591 г., а с третьей в Лахоре с 1595 г. (71) Акбар послал еще одно письмо Филиппу

II, предлагая политический союз и запрашивая мастеров-ремесленников (72). В Агре и Лахоре возникли колонии европейцев, и произведения искусства завозились прямо из Рима (73). Хотя переговоры потрясли основы мировоззрения Акбара, «в Гоа и, возможно, в Мадриде были весьма раздосадованы быстрым отбытием миссии в 1591 г., ибо многие полагали, что Акбар был готов к обращению в их веру. Его обращение могло иметь важные политические и религиозные последствия» (74). «Реформация помогла преодолеть психологические предубеждения и военные планы, разожгла яростную полемику среди христиан, и завершилась объективно в поддержку мусульман: католики и протестанты, обычно бичевавшие «попроки» враждебной веры, разглядели, наконец, и ее достоинства» (75).

Изученность

Ввиду отставания феодализма Азии от капитализма Европы, Запад приносил достоинства Темуридов: «Темур не смог создать структуру управления по увековечению своей империи, он также не установил жизнеспособную структуру, чтобы обеспечить преемственность после себя» (76). «Культурный ренессанс в Средней Азии» все же развивался в Самарканде внука Темура Улугбека (правил в 1409—1449 гг.) и в Герате сына Темура Шахруха (правил в 1405—1447 гг.) и пра-правнука Темура Хусайна Байкары (правил в 1469—1506 гг.) (77). Наступившие после Байкары политическая децентрализация и фрагментация (вокруг Балха, Мерва, Ташкента, Кабула и других городов) «привели к соперничеству и произвели культурные достижения, подобные таковым в городах Ренессанса Италии — и это позволяет востоковедам Запада говорить о Ренессансе Темуридов» (78). Но, если в капитализировавшейся Европе «в итоге Ренессанса религию превзошли торговля, наука и гражданская политика, и люди стремились сменить средневековые взгляды на новые либеральные» (79), — то для Темуридов в Индии религия оставалась важной. «Ренессанс в Европе повернул людей к человеку и миру, а в Индии — к Богу и секретам любви к Богу» (80). С этой особенностью среднеазиатская культура не застыла, а продолжала эволюционировать в эпоху Ренессанса XIV—XVI вв. и Реформации 1517—1555 гг.

...Вслед за королем и императором Индии Джорджем V, рекомендовавшим архитектору Э.Лаченсу использовать в проектах Нового Дели «могольский стиль, но не слишком дорогой» (81), советский академик архитекту-

ры А.В.Щусев рекомендовал «архитектуру Средней Азии и сопредельных стран XIII—XVII вв. как классику, которая может стать богатым источником вдохновения, если серьезно подходить к принципам ее эволюции» (82). Разделенная между странами-наследницами, архитектура Темуридов была на Западе рассмотрена как каталог (83). А вслед за книгой П.Брауна (84), индийские авторы Р.Нат (85) и С.Гровер (86) представили архитектуру Темуридов Индии по штатам страны и по видным представителям этой династии. Отсутствие в этих трудах внутренней связности их авторы мотивировали тем, что якобы «у мусульманской архитектуры не было собственной теории и она осуществлялась в Индии фрагментами, а не как всеобъемлющее целое» (87). «Кто или что руководили Акбаром и его строителями? Мусульманская теория архитектуры не существовала, тогда как обширная литература древних архитектурных текстов Индии были, конечно, доступны. Но нет никаких письменных свидетельств того, что он обращался к тем текстам» (88). Между тем, итальянцы обнаружили, что их метод *пьетра-диора* по инкрустации драгоценными камнями встречается и в ряде архитектурных объектов Индии (89, 90); они также нашли, что коридоры Акбара в Фотихпур Сикри напоминают тот *корридойо*, который возвел Козимо I над Флоренцией (91). Неизученность всеми этими авторами Средней Азии была компенсирована Г.А.Пугаченковой (92) и ее ученицей Л.Ю.Маньковской (93), исследовавшими архитектурную типологию эпохи Темура. Со временем, однако, выяснилось, что и эти типологические классификации архитектурных планов стали лишь еще одним каталогом, хотя и более строгим. Эти материалистические исследования представляли собой продукт ума, но не сердца, поскольку в них отсутствовали духовные первопричины, рождавшие архитектуру Темуридов, и прежде всего — религия, источник целостности той культуры.

Поэтому, предметом данной работы являются архитектурные пространства Темуридов, в которых от ежедневной рутины и всепоглощающего тлена они находили спасение на своем пути к Богу:

«Обещанья сего мира ненадежны и непрочен его фундамент,
 Милосердие небес скоротечно и никто ему не внимает.
 Не ступай же и ты в это мироздание доверчиво, —
 Ведь стары и непрочны его прогнившие устои.
 Порядок небес мы рисовали на многих планах,
 Но плана пути от нашей брэнной жизни к вечности, увы, не нашли»
 (94).

1. Хонакох от зарождения до Темура

*Не усомнись: сей мир всех нас переживет,
Не уповай на нажитое — в день от тебя оно уйдет.
Отец и мать, родня — ушли куда, подумай,
Четырехногий деревянный конь однажды и за тобой придет.*

Ахмад Яссави (1).

Суфизм (араб.: *тасаввуф*) искал встречу с Богом не посмертную, а в этом мире, чтобы жить в Его присутствии, и этим он воодушевлял Темуридов. Поскольку главное учреждение суфизма *хонакох* (буквально: большая комната), как полагала Г.А.Пугаченкова, «не существовал в IX—X вв.» (2), а АН УзССР заключила, что в монгольские XIII—XIV вв. «не было построено ни одного солидного общественного здания» (3), — возникал вопрос: как же тогда *хонакох* стал опорой государств Темуридов? *Хонакох* принимали за мавзолей (Г.А.Пугаченкова), «мечеть-мавзолей» (В.Л.Воронина, К.С.Крюков), «зимний зал всякой мечети» (Л.Ю.Маньковская) или дворец (П.Ш.Захидов). Далее восстанавливается типология этого здания: его знаменитый прототип, отличительная ориентация, устойчивый тип плана, главные помещения, канонизированные ритуалы. Показана степень изученности *хонакох* и их современное состояние. Предложены проекты реставрации.

«Правильный» путь

Издrevле «степные кочевники Средней Азии хоронили на дне глубоких колодцев» (4) и вокруг совершали ритуал. С приходом зороастризма, над колодцем возвели *оловхона* (комнату огня): «в зороастризме, тело сначала оставляли на платформе-*дахма*, и затем расклеванные птицами останки бросали в колодец, где они разлагались негашеной известью» (5). «При Сасанидах, каждому покойному полагалась своя *дахма*. Она стала общей с приходом ислама» (6). Суфизм возник во II—VIII вв. в Ираке и Сирии (7) и, распространившись в Среднюю Азию, оставил в городище Баба-Ата (южный Казахстан) свой первый *хонакох* VII вв. В его центре археологи нашли закопченную сажой и пеплом *оловхону* с колодцем, а кровля служила *дахмой*. План *хонакох* повторил базили-

ку Св.Софии (VI в.) в Константинополе: ее ориентацию 58 градусов на юго-запад, два входных коридора-*нартекс*, и трехчастные галереи. Идея базилики — вознесение к Богу — стала главной и в суфийском *хонакох*.

Ритуал в Св.Софии начинали с ночного бдения и встречи **восходящего солнца** в **правой** галерее второго этажа, затем **переходили налево** в галерею, и потом спускались к алтарю (8). Для аналогичных ночей бдения и молитвы Пророк Мухаммад приходил в пещеру близ Мекки, где ему снизошло Откровение (9). Книга Откровений Коран указывает «правильный» путь тем, кто ищет истинного Бога: «Когда вы покинете идолопоклонников и их идолов, найдите приют в Пещере. **Восходящее солнце** сядет **справа** от Пещеры и, с его заходом, **перейдите налево** мимо усопших в Пещере» (10). «Правильный» путь Корана, как видим, сходен с ритуальным путем в Св.Софии. На этом пути Коран одобряет «место молитвы» над усопшими (11). Поэтому, следуя Корану, турки на *дахме* Баба-Аты ожидали **восходящее солнце** в **правом** пещерообразном коридоре, и затем **переходили налево**, мимо покойных в *оловхоне*, к «месту молитвы». Последним было трехчастное помещение на северо-востоке плана *хонакох* Баба-Ата — это помещение стало одной из первых в Средней Азии мечетей. Когда же солнце заходило, совершавшие ритуал спускались в *оловхону* к останкам, уже расклеванным птицами, чтобы сбросить их в колодец.

Хонакох Баба-Ата в VIII—IX вв. надстроили, сохраняя ориентацию Св.Софии, а в X—XII вв. надстроили и верхнее третье здание, но уже по тюркской ориентации север-юг. Правый пещерообразный коридор нижнего здания ввели в среднее здание, а колодец подняли до самого верхнего здания (12). Эти три здания принимались археологами за сельскую усадьбу VII в., за жилье крупного феодала VIII—IX вв., и за жилье с мечетью X—XII вв. (13, 14). Архитекторы же называли нижнее здание VII в. захоронением (15) и храмом огня (16). Колодец, связывавший три этажа, очевидно, воплощал ад: в Коране, лицемеры падают в его самый низ, под дерево Заккум со смертельными плодами. Здание Баба-Ата стало первым тюркским *хонакох*, поскольку его главные черты, — такие как ориентация по Св.Софии, ее план как «правильный» путь, и связанный с планом ритуал, — развивались в последующие века именно в этом типе здания. В этом смысле, *хонакох* стал типологическим братом базилики.

Когда в XI в. надстраивали колодец Баба-Аты, в селении Мозори-Шариф близ Пенджикента (Таджикистан) тоже стали хоронить в идеализированной Кораном пещере. Над ней, как предписано

в Коране, построили «место молитвы» — трехчастную, как в Баба-Ате, мечеть, и сориентировали ее тоже почти как в Баба-Ате: 54 градуса на юго-запад. У входа в пещеру, в лучах заходящего солнца, суфии завершали погребальный ритуал.

Зикрхона и самохона

В Баба-Ате зародились и две комнаты *хонакох*: *зикрхона* и *самохона*. На втором этаже базилики Св.Софии, в середине коридора-*нартекс*, было место императора (17). В аналогичном месте *хонакох* Баба-Ата, то есть в коридоре над входом в *оловхону*, была ниша 3 x 2 м в плане, и в ней — *суфа* (платформа) шириной 1 м и высотой 0,5 м. (18). Эта ниша с *суфой* стала *зикрхоной* — местом чтения Корана, а шаманский ритуал вокруг колодца *оловхоны* сменил *само* — танец вознесения. *Зикрхона* всегда размещалась выше *самохоны*, и поэтому В.Л.Воронина, К.С.Крюков и И.И.Ноткин на-

8

зывали ее современным термином антресоль. Исполнение *само* возносило в духовный экстаз, во власть, как верили суфии, божественной силы (19). Поэтому, *шайх* Абу Абдулла Мухаммад ибн Али ал-Хоким ат-Термизи (800/810—869/910 гг.), автор «одной из первых мистико-метафизических систем в исламе» (20), называл *самохону* духовным центром, «сердцем — источником знания». *Зикрхону* же Термизи называл «внутренним сердцем», льющим свет набожности, местом познания (*илм*), видения невидимого (*гойиб*), и предвидения (*башор*) (21). *Шайх* Ходжа Ахмад Яссави (1103—1166 гг.) тоже размещал «*зикр* сердца» в «место выше сердца» (22). *Зикр* надлежало петь, а *само* — ритмически отбивать (23): «На рассвете, отбивай *чорзарб* (классическая музыка — Ш.А.) ритмами *кубуба* (музыкальный инструмент — Ш.А.)» (24). С XI—XII вв. суфизм был признан ортодоксальным исламом, и множившиеся *хонакох* стали идеологической опорой сельджукидских правителей.

«Монгольские правители приглашали христианских миссионеров проповедовать в Средней Азии, и учредили в 1328 г. престол епископа от папы Иоанна XXII в Алмалыке (Кыргызстан), Самарканде и Куны-Ургенче» (25). И близ двух последних городов поднялись новаторские *хонакох*. В Мозори-Шариф «место молитвы» XI в. расширили в *хонакох* Мухаммада Бошаро (1343 г.) с диаметром купола 7,6 м. А в кишлаке Остана близ Хивы мавзоль Казак-хана 1287 г. расширили в *хонакох* *шайха* Мухтора Вали с диа-

метром купола 8,5 м. Увеличение диаметров куполов стало возможным благодаря тому, что прежние пилоны под ними были заменены на продуманную систему стен. Углы подкупольного квадрата усилили четырьмя парами стен перпендикулярно главной оси этих *хонакох*. Поскольку такими парами стен отличительна базилика Св. Софии, следовательно, миссионеры способствовали дальнейшему, на этот раз конструктивному, совершенствованию *хонакох*. Примечательно, что в парах стен обоих *хонакох* расположены лестницы: подобно пандусам в парах стен Св.Софии, эти лестницы ведут наверх — в *зикрхону* и далее на кровлю. Специалисты расходились во мнениях относительно времени строительства таких подкупольных квадратов: В.Л.Воронина, К.С.Крюков и И.И.Ноткин датировали их началом XIV в., тогда как С.Г.Хмельницкий — домонгольским временем (26). Новые данные о миссионерах позволяют заключить, что подкупольные квадраты обоих *хонакох* были построены к середине XIV века.

9

Оба *хонакох*, однако, ориентированы по-разному: в Остане сильная тюрко-монгольская традиция сориентировала *хонакох* по сторонам света, даже михраб строго на юг. Для ритуалов перед михрабом и в *зикрхоне* нужно было выходить на кровлю и определять время: днем по длине тени от солнца, а ночью по положению луны, используя данные, уточнявшиеся в обсерватории Хулагу Хана в иранской Мараге. То есть, суфии *хонакох* были в курсе новшеств астрономии. Термизи прямо указывал, что откровение от Аллаха усваивалось в *зикрхоне* «рациональной» личностью в зависимости от ее интеллекта (*ақл*) и практического опыта (*тажриба*) (27). Архитектура *хонакох* в Остане подтверждает это. К западу от купола находятся две *зикрхоны*, — каждая с тесной камерой-*чиллахона* для уединения. Выход на кровлю из южной *зикрхоны* осуществляется из узкого колодца над камерой-*чиллахоной*. Выбравшиеся на кровлю спускались затем во вторую, северную, *зикрхону*. Это было вызвано тем, что в *хонакох* строго соблюдалась иерархия новичков и старших суфиев; поэтому, южная *зикрхона*, по всей видимости, предназначалась для первых, а северная — для вторых. В центральное подкупольное пространство *самохоны* глядят зарешеченные окна не только этих двух западных *зикрхона*, — на востоке кровли ступенчатые спуски ведут к двум другим окнам, тоже смотрящим в это пространство. То есть, здесь на востоке кровли, как и в Баба-Ате, суфии встречали солнце, сообщали об этом находившимся внутри, и затем, в течение дня, следили за траектори-

10

ей светила, чтобы завершить ритуал на западе в двух *зикрхона*. Таким образом, даже при изменившейся ориентации *хонакох* его кровля оставалась местом астрологического наблюдения. На западе кровли, над двумя *зикрхона*, в начале 1970-х гг. И.И.Ноткин нашел «следы пола и стен помещения» (28), очевидно, соединявшего выходы из обеих *зикрхона*. Это помещение целесообразно реставрировать для восстановления пространств суфийского ритуала.

Семь веков преемственности

В городе Куня-Ургенче, этом центре подготовки кадров для Золотой Орды, выучился Сайфиддин Бохарзи (1190—1261 гг.), основавший суфийскую общину за Каршинскими воротами Бухары, и упокоенный там же в мавзолее. В 1358 г., 27-й Хан улуса Чагатай Темуршах доставил в эту общину, для упокоения близ Бохарзи, убитого в Самарканде 26-го Хана Баенкули (29).

11

И для него суфийская община возродила *хонакох* Баба-Ата, утвердив тем самым семь веков преемственности в этом типе здания. План *хонакох* в Бухаре, однако, переориентировали по сторонам света, как это уже было сделано с *хонакох шайха*

12

Мухтора Вали. Главенствовавшая в Баба-Ате мечеть теперь отсутствует: вместо нее, в северной стене бухарского *хонакох*, находится пещерообразный коридор-*чиллахона*, место уединения и размышлений. Коридор же южной стены, как и в Баба-Ате, ведет на кровлю. Как и в Баба-Ате, имеется колодец (диаметром 0,5 м): он пробит в полу *зикрхоны*, чтобы из нее Божий свет и *зикр* лились к праху Баенкулихана и далее в большую комнату для танца *само*.

Мечеть уступила место пещерообразной *чиллахоне* в силу того, что уединение и размышления были изначально важны в *хонакох*. Божественное откровение нисходило как к тем, кто был в *зикрхоне* и *самохоне*, так и к тем, кто в уходил в *чиллахону* на сорокадневное уединение — *хилват*. «*Хилват* позволял Божественному свету засиять в сердце затворника и дать ему истинное знание о Боге и себе» (30). Как же этот свет доходил до уединившихся в темноте? — «Произнесение формулы *зикра* начинали в месте средоточия духовного света, т.е. в левой части груди, и затем плавно «двигали» его из нижней части груди наверх и вправо, пока он не вернется в свое исходное место. Таким образом, духовный свет совершал полный круг в груди отправлявшего *зикр*» (31). Легко заметить, что верхнее положение духовного света следует Термизи, а его перемещение в груди напо-

минает «правильный» путь Корана. *Зикр* — тихий или громкий — совершался ради экстаза, высвобождавшего напор страстей и просвещавшего сердце (32). Этим личность приближалась к Божественному. И в этом было отличие *хонакох* от мечети. Идея вознесения в экстазе заявлена на главном фасаде *хонакох* Баенкулихана ступенчатой формой портала.

Приняв от Темуршаха прах Баенкулихана, суфии свое место в его *хонакох* определили тоже по Корану. А в нем говорится, что «собака усопших лежала у входа в пещеру» (33). Собака-хранительница пришла в ислам из зороастризма, где она три дня сторожила усопшего, дабы подтвердить, что он мертв (34). Выражения «Не будите спящую собаку» или «Не тревожьте лежащую змею» значат: «Не меняйте порядок вещей, дабы не навлечь худшего». Английское *watchdog* (сторожевая собака) и поныне означает надзирающих за порядком. Поэтому, подобно собаке Корана, суфии уже в Баба-Ате расположились над входом: в нише-*зикрхоне*. Ввиду того же и Баенкулихана похоронили под *зикрхой*. Но в «священной Бухаре» захоронение и *зикрхону* расположили на обращенном к Мекке западе *хонакох*.

В 1369—1370 гг. по бухарскому образцу построили *хонакох* 28-го Хана Туглук Темура в Алмалыке (Кыргызстан) — летней стоянке (*яйлов*) и месте *курултаев* Чагатайдов (35). Туглук Темур продвинул 25-летнего Темура до *амира* и *хокима* Кашкадарьи (36): «Туглук Темур возложил на меня в 1362 г. правление всеми ордами Мовароуннахра, вплоть до города Балха», — вспоминал об этом Темур (37). План *хонакох* Баенкулихана, где мечеть заменена пещерообразной *чиллахоной*, здесь еще более изменен: захоронение вынесено из-под *зикрхоны* вперед — под центральный купол.

Зикрхону над Баенкулиханом снесли в XX в.: посчитали, что «устройство коридоров только для выхода на кровлю вряд ли оправдано» (38). И, поскольку пол *зикрхоны* был ниже кровли, после сноса *зикрхоны* под выровненной кровлей осталась пустота, и сегодня любой поднимающийся наверх с удивлением заглядывает в эту пустоту сквозь проем в стене. Автор этой «реставрации» подытожила: «Эти таинственные коридоры, вызывавшие различные домыслы по поводу их функции, — несомненно инженерная конструкция для облегчения веса стен и экономии строительного материала» (39). Пещерообразные коридоры *хонакох* Баенкулихана были для происходивших здесь суфийских ритуалов. Поэтому необходима реставрация *зикрхоны* в ее подлинном состоянии, зафиксированном в чертеже Красильникова 1935 г.

Хонакох Темура

14

Всеми признаками семивековой эволюции *хонакох* обладает еще одно здание, вызывавшее споры: мавзолеем это или дворец (40—42)? Его руины высятся близ бывших самаркандских ворот Феруза. Здание ориентировано под 62 градуса на юго-запад, то есть примерно как *хонакох* Баба-Ата и Мухаммада Бошаро. Коридор на втором этаже шириной 0,7 м соразмерен коридорам *хонакох* Баба-Ата (0,9 м) и Баенкулихана (0,8 м). Суфийские помещения расположены на востоке, а мечеть на западе. Слева от портала, и перед мечетью, на втором этаже, находится *зикрхона*. Михраб мечети покрыт 8-гранным куполом 2-метрового диаметра, — как в *хонакох* Мухаммада Бошаро, — и это говорит о сложении в то время самаркандского стиля архитектуры *хонакох*. От михраба винтовая лестница поднимается в *зикрхону*, которая даже по отношению к уровню пола второго этажа возвышалась на 44 см. Как и в других уже рассмотренных *хонакох*, эта *зикрхона* имела несколько суф. Но, исследователи романтично приняли эти суфы *зикрхоны* за полки кладовки для имущества принцессы, упокоенной в этом, как они полагали, мавзолее (43). Под этой *зикрхоной*, то есть за михрабом мечети, находится помещение первого этажа, предназначавшееся для усопших, которых приносили сюда ко времени молитвы на носилках — «четырёхногом деревянном коне» по Яссави. Исследователи XX века приписали *вакф* 1464 г. о захоронении принцессы «в западном углу сада Феруза» (44) к руинам этого здания в центре сада, и ошибочно назвали его «мавзолеем женщин и детей Темуридов Ишрат-хане» (45—47). Это слово, значащее «дом наслаждений, публичный дом», они слышали от простолюдинов, и поверили им, ибо не ведали о суфийском понятии *ишорат*. В IX—X вв. суфии обсуждали мистические поиски, прибегая к намекам-*ишорат* (48). В XIV в. *ишорат* значило «указание», и на него уповали в затворничестве (49). Суфии получали *ишорат* от Бога и вверяли его Темуру, — поэтому в XV в. Ходжа Убайдуллох Ходжа Ахрор и его окружение писали *Ишорати Аъло* (Высшее, Государево указание) (50). Само название говорит о типе этого здания: *Ишорат* + *хона* = Дом указаний Бога, то есть *хонакох*.

1464 год как дату этого здания аргументировали тем, что «лишь во второй трети XV в.» появились пересекающиеся арки его купола (51). Это не так. Уже в конце XIV в. Темуру служили мастера из иранского города Шираз, и они возводили подпружные и пересекающиеся арки. В 1389—1405 гг. Ходжа Хасан Ширази и Шамс Абдулла Ширази строили Темуру *хонакох* Яссави,

перекрыв его Большой Аксарай подпружными арками. Подпружные арки являются началом пересекающихся арок. И их с 1405 г. возводил Кавамиддин Ширази в Мешхеде над мечетью Гавхаршод, жены сына Темура Шахруха, и в Герате — над ее медресе-мавзолеем. Следовательно, пересекающиеся арки Ишоратхоны вполне могли быть возведены на рубеже XIV—XV вв., возможно, самим Кавамиддином Ширази, ибо стиль портала Ишоратхоны весьма схож с иранскими, скажем, в святыне *шайха* Баязида (XII—XIV вв.) в Бастаме. Рубеж XIV—XV вв. как дату Ишоратхоны подтверждают и синие с золотисто-оранжевыми росписи ее белых стен, — как в мавзолее (1385—1386 гг.) сестры Темура Ширин Бека Ака. Наконец, на дату Ишоратхоны указывает и развитие пригородов Самарканда в конце XIV в. К воротам и саду Феруза подходили две дороги: восточная от сада Темура Дилкушо (Радующий сердце, 1397—1399 гг.) и южная от его сада Давлатобод (Обитель власти, 1399 гг.). В этих трех садах их главные здания имели крестовокупольную композицию с обращенными на юг *пейштак*ами в Ферузе и Дилкушо и *айваном* в Давлатободе (52). Возвращаясь в 1399 г. из Индии, Темура направился сначала в Давлатобод и затем в Дилкушо «с властью и благоденствием» (53). «Властью» были *амиры* (военачальники), а «благоденствием» — ученые-суфии. Государственный совет Темура состоял из «*амиров*, ученых, и Саидов» (54). После армии, суфизм стал второй опорой империи, и *хонакох* в саду Феруза заказал он. Итак, рубеж XIV—XV веков как дату этого *хонакох* подтверждают его иранские строители, декор, а также архитектура пригородов Самарканда. Кстати, за северными воротами столицы святилище Хазрати Хизр тоже функционировало в то время как *хонакох*.

В архитектуре Ишоратхоны чрезвычайно важна кровля: к ней устремлены все четыре винтовые лестницы в центре здания. По ним, ритуал, начатый в восточной части здания, поднимался прямо на кровлю, а оттуда спускался в западную часть здания — в *зикрхону* и мечеть. С развитием астрономии, в *хонакох* по небесным светилам, сочетая рациональное и иррациональное знания, проверялось не только течение времени, но и истинность явлений жизни. В своих исканиях суфии использовали предпосылки науки. В силу своего широкого функционального предназначения, *хонакох* с самого зарождения был не «залом всякой мечети», как полагали, — напротив, мечеть была одним из его залов. Поэтому в Ишоратхоне суфийская *зикрхона* и заняла место впереди и над *михрабом* мечети.

Широкий спектр верований и учености, которые веками формировали *хонакох*, подвергался ортодоксами критике. Так, поскольку учение Яссави сочетало исламский *шариат* с монгольским законом *ясса*, «Чагатай за свою упорную привязанность к Яссави пользовался у мусульман чем угодно, только не любовью» (55). Чагатаидам и затем Темуру ставили на вид то, что «старотюркский закон *тура*, будучи связан с *ясса*, стояли в их государствах выше *шариата*» (56). Учитывая все это, Темур попытался сбалансировать эти верования в *хонакох* Ахмада Яссави (1389—1399 гг.). Поэтому, план этого *хонакох* ориентирован уже не под 62, как в Ишоратхоне, а под 32 градуса на юго-запад, то есть точнее на Мекку. Мечеть расположена на западе от захоронения Яссави, а суфийские залы на востоке, — как в Ишоратхоне. Помещения *хонакох* Яссави расположены в плане как в тюркской юрте. Яссави лежит на почетном севере. Слева от входа (где в юрте находится хозяйственный инвентарь) находятся *китобхона* (библиотека) и *халимхона* (кухня со столовой). Справа же от входа (где в юрте посуда и продукты) расположена *кудукхона* (помещение с колодецем). Напиток оттуда молящиеся испивали из котла, стоящего в центре *хонакох* подобно котлу в центре юрты. В конструктивном же отношении, *хонакох* Яссави опять последовал Св.Софии: обе стороны здания разделены на три части парными стенами — внутри этих контрфорсов по-прежнему находятся лестницы на кровлю. С кровли Божий свет льется, сквозь косые окна в барабане купола, на могилу Яссави. Он также льется, сквозь колодец в кровле, к похороненным в суфийском Малом Аксараяе. В этом *хонакох* паломники совершали «правильный» путь: Шейбанихан тоже проходил здесь «по тропе молящихся» (57). Если Туглук Темур похоронили не под *зикрхоной*, а в центре здания, то в *хонакох* Яссави вперед вынесли *зикрхону*: она стала нишей в величественном портале. Из нее суфии, совершав-

15

шие ритуал на кровле, обращались как в зал для *само*, так и на площадь перед *хонакох*. Так, прежде скрытый *хонакох* стал государственным общественным центром.

16

Хонакох сложился под влиянием разных верований как весьма специфичный комплекс, на протяжении семи веков объединявший захоронение, *зикрхону*, *чиллахону* и *самохону* с мечетью.

Зародившись на кочевническом севере Средней Азии, *хонакох* прошел хорезмским и согдийским путями, синтезировался в бухарском *хонакох* Баенкулихана, и возродился при Темуре. П-образный план как «правильный» путь к Богу сориентировал *хонакох* под 60 градусов на юго-

запад, тюрки и монголы повернули его по сторонам света, в Ишоратхоне план вернулся к первоначальной ориентации, но Темур скорректировал его под 32 градуса к Мекке. *Хонакох* трижды заимствовал ритуальные, планировочные и конструктивные особенности базилики Св.Софии, и при Темуре бросил ей вызов своими могучими формами над Ахмадом Яссави. Одновременно, в Ишоратхоне сложился самаркандский стиль *хонакох* с единством места для покойного, *зикрхоны* и мечети. Возникший как «дом молитвы» над погребением, *хонакох* постоянно занимался астрологией, однако, расцвет ее опоры астрономии вызвал строительство специализированных обсерваторий. И, если *хонакох* Турции уже к XIII веку выродились в приюты бездельников и поэтому Джалалиддин Руми (1207—1273 гг.) не учредил своего *хонакох* (58), то в Средней Азии развитие астрономии Темуридов продлило жизнь *хонакох*. Астрологические ритуалы здешних *хонакох*, однако, обесценились с успехами астрономии с 1420-го по 1450 гг. в обсерватории Улугбека. Кровля перестала использоваться для наблюдений, план «правильного» пути распался, семивековой тип этого здания прекратил эволюцию. И архитектуру *хонакох* стали вдохновлять другие факторы наступивших новых времен. Этические же нормы суфиев выжили, и свойственные им поиски самосовершенствования были провозглашены важными в XVI веке Реформации.

2. Первая и вторая столицы: Балх и Самарканд

Это Бог создал семь небес и землю.

И его заповеди нисходят оттуда.

Коран (1).

В темуридоведении градостроительство занимает скромное место в сравнении с архитектурой. Воздавая должное Самарканду, обязательно упоминали Герат, поскольку его литературный Ренессанс считали и градостроительным. На деле же, литература и градостроительство развивались своими путями, а поскольку план Герата являлся древнеиндийским по происхождению, Ренессанс Темуридов в градостроительстве оставался недоказанным. Здесь эта тема прослеживается впервые в ее наиболее яркой линии эволюции, которая, как это ни поразительно, оставалась неизвестной. Городам той эпохи надлежало быть символами праведности, то есть теологически и морально правильного. Поэтому план Бухары как «купола ислама» распространился в качестве образцового в тюркские государства на плато Деккан в Индии. Одновременно, Средняя Азия возобновила, как в древности, общение с греко-римским миром, и первая столица Темура Балх повторила восьмигранность плана идеального города Витрувия. Балх был постоянно в поле зрения Темуридов Индии, где вдохновил «второго после Темура» Шахджахана на новую столицу, — это и ознаменовало Ренессанс градостроительства династии в XIV—XVII вв.

Султания

От Аральского моря до Средиземноморья Сельджукиды XI—XII вв. распространили типы поселений, в которых ханы и *илики* (знать), как божественные олицетворения неба и солнца, жили в шелковых и атласных шатрах, в *карши* (дворцах), *орда* (командных пунктах) и *тура* (замках и крепостях) (2, 3). Их страны (*улус*) сформировали этно-политическую систему тюркских династий во главе с великим султаном и его сыновьями, правившими, как султаны, регионами или же, как шахи, провинциями; возглавлявшийся *вазиром* (премьер-министром) тайный совет *амиров* управлял административными, финансовыми, юридическими и военными делами (4). Семейные

узы спасли эту тюркскую традицию расселения, целостность городов и их *махалля* в разрушительный XIII в. Те, кто оседал, основывали самостоятельные и экономически процветавшие тюркские пригороды, как например города Халаб (Алеппо), который превзошел в XIII в. столицу Дамаск в торговле, ремеслах и населении, и стал первым городом Сирии (5). В Иране монголы основали новые города Марагу и Султанию, но в Средней Азии преобладали кочевые *орда*. Следуя решениям *курултаев*, монголо-тюркская знать держалась поодаль городов, игнорировала их знать, и грабила их *махалля* и ремесленные цеха. В *орда*, из лексикона тюркских и монгольских солдат, сложился новый тюркский язык Чагатай (6, 7, 8). Хотя многие события, празднования и приемы продолжали совершаться в *Орде* Темура, он установил свой правящий аппарат и в цитадели Самарканда (9).

В 1290 г., на торговом пути между Средней и Малой Азиями, монгольский правитель Аргун заложил летнюю столицу Султанию (Султанская) на предгорных пастбищах, необходимых образу жизни монголов. Сыновья Аргуна правили *улусом* Средней Азии после кончины Чагатая: Газанхан в 1295—1304 и его брат Мухаммад Олжейту Худобанда в 1304—1316 гг. (10), — это определило особые связи Темура и его династии с Султанией. С 1306 г. Олжейту сделал Султанию столицей Ильханидов, сельджукидского типа городом с цитаделью и двумя *рабатами*, обнесенными стенами. За стеной внутреннего *рабата* (в радиусе около 760 м) он начал строить стену внешнего *рабата* (в радиусе около 1900 м), но в возрасте 36 лет скончался от болезни желудка. Его окруженный садами мавзолеем и *хонакх* к юго-западу высились в каменной цитадели квадратного плана с 16 башнями и железными воротами. Образцом для мавзолеев обоих братьев стал мавзолей Султана Санджара в Мерве, XII в. (11). Во внешнем *рабате* Султании был дворец с квадратным (61х61м) внутренним двором и Залом государственных собраний, звавшийся Девонхона. Олжейту строил много дворцов и садов, и миниатюра 1537—1538 гг. (из манускрипта «Баени Маназил» Матраки Насуха, Библиотека Университета Стамбула) показывает живописно застроенную цитадель Султании (12, 13).

Темур был в Султании в 1385 г. во время похода на Иран и, при одном из постоянных визитов его двора в этот город, здесь родился его внук Улугбек. Девонхону Олжейту Темур превзошел в своем дворце Аксарай в Кеше. А ансамбль мечети Джамии Олжейту напротив *медресе* его любимой жены был повторен в самаркандском ансамбле *медресе* Сарай Мульк Ханым напротив мечети Биби Ханым (14). Веками Темуриды на завоеванных ими

землях копировали обмены между Султанией и Самаркандом. Так, Бабур лично контролировал поездки людей, архитектурные заимствования и доставку товаров между его любимым Кабулом и индийской Агрой (15). Интерьер мавзолея Олжейту вдохновлял строителей мавзолея Хумаюна в Дели, ибо во время изгнания в Иран Хумаюн с супругой побывали в Султании. Методу Олжейту по застройке Султании его соперничавшими приближенными последовали: Темура в Самарканде XIV в., Ахмадшах в Ахмадабаде XV в. и Шахджахан в Шахджаханабаде XVII в. Гордые звания Темура и Шахджахана «Счастливым, Благоприятный, Родившийся под удачливым созвездием» являются переводом смысла монгольского имени *Олжейту* (16). Сегодня мавзолей Олжейту высится посреди небольшого кишлака Султания.

Балх и Витрувий

Получив в 1362 г. город Балх от 28-го чагатайского хана Туглук Темура, молодой Темура прибыл туда, и с установленного на холме шатра наблюдал за окрестностями города и за своим отрядом, расположившимся внизу вдоль ручья (17). В 1366 г., вспоминал он, внук хана Казагана чагатайский «амир Хусайн спрашивал меня, следует ли ему превратить Балх в местоположение его правительства, и я отвечал ему ни в коей мере не думать об этом» (18). В 1368 г., Хусайн информировал Темура о своих планах управления чагатайским улусом из Балха и, с этой целью, о реконструкции его стен. В тот же год он отправился с Темуром в Балх, реконструировал цитадель, разрушенную Чингизханом, и переселил в нее население. В 1370 г., Темура, с ханским титулом и армией, два дня штурмовал Балх, цитадель была разрушена, Хусайн убит, а его воины сдались. Балхский, 9 апреля 1370 г., *Курултай* провозгласил Амира Темура правителем Мовароуннахра, население вернулось из цитадели обратно в укрепленный стенами город (19), и Темура перенес столицу в Самарканд (20). Цитадель была восстановлена в годы правления Шахруха (1405—1447 гг.) (21).

18-20

Забытый миром в беспокойном Афганистане, Балх никогда не был оценен по достоинству. Названный согласно тюркскому *балик* (город, столица) (22), он всегда был «центром торговли с Индией» (23). Как и оазисы Бухары и Самарканда, оазис Балха был огорожен против набегов кочевников стеной 70-километровой длины с 12 воротами (24, 25). Собственно город (в радиусе 1,6 км) (26) имел *шахристан* и *рабат*. Когда городская жизнь ушла из принадлежавшего земледельцам *шахристана* (27) в *рабат*

торговцев и ремесленников, и затем «Исмаил Самани предпочел Бухару Самарканду, Балх стал третьим городом Средней Азии, звавшимся *Куббат ул Исло*м (Купол Ислама)» (28), равным Бухаре в экономике и значительно превосходившим ее в удобствах и качестве жизни (29). Навстречу разраставшемуся Балху кочевые ханы и знать вступали внутрь ограждавших его оазис стен и разбивали здесь свои шатры. Назвав оазис *шахри берун* (внешний город) и пригороды *шахри дарун* (внутренний город), эти кочевники стали и город называть соответственно *шахри берун*, а его цитадель *шахри дарун* (30). В Самарканде, его оазис (окруженный стеной Девори Киемат) и пригород (охваченный стеной Девори Кундаланг), равно как и город с цитаделью, тоже получили такие названия (31). Это движение горожан и кочевников друг к другу с переносом загородных наименований на собственно город подтверждает диктат кочевников в урбанизации Средней Азии IX—XV вв.

21-22

На пути ко двору Темура в 1403—1406 гг., посол Испании Рюи Гонсалес де Клавихо пересек сначала обширную и ненаселенную западную территорию Балха, затем вошел в его заселенную территорию кушанского и греческого периодов, чтобы войти наконец в цитадель. На территории Балха французские экспедиции А.Фуше и Д.Шлумбергера 1924—1925 и 1950—1960-х гг. искали «классическую Бактру» (32). Вместо нее, были выявлены доисламские части города, цитадель на севере, и относящиеся ко времени Темура восьмигранные стены с восемью радиальными улицами, соединенными концентрическими, называемыми *сараки гурд* (33). В Средней Азии этого периода ислам укреплялся, усваивая греческое наследие: мавзолеей сестры Темура Ширин Бека Ака украсило изречение Сократа о бренности жизни, а привезенная Темуром из Бруссы дверь для его шатра изображала святых Петра и Павла. Балх с его восьмигранным радиальным планом греко-римского происхождения — тоже часть такой культуры этого периода. Восьмигранный город Витрувия (вторая половина 1 в. до н.э.), возрожденный в Италии, был заимствован, вероятно, через монгольскую столицу Султанию, этот магнит для двора Темура и место контактов с итальянцами. Укрепив Самарканд в 1370 г. *хисаром* («стеной» по-древнетюркски), Темур в 1404 рассек и эту свою вторую столицу радиальными улицами, как в Балхе, — эти улицы функционируют поныне. Почему Витрувий для Балха и затем для Самарканда? Во-первых, радиальный план облегчил ставшие интенсивными контакты города и оазиса. И, во-вторых, геометрия Витрувия соответствовала тому, чтобы символизировать в Балхе «семь небес» Корана с восьмым сектором (цитаделью правителя) как «землей»

и с центром восьмигранника как осью к Богу (доказательство этого — в Главе 8). Это был главный для той эпохи символизм, — ведь не случайно придворный бухарский историк сравнивал: «Столичный город Балх своим цветущим состоянием превзошел даже седьмое небо!» (34).

Самарканд и Флоренция

С распадом арабского халифата и формированием тюркской династии Караханидов в 840 г. *шахристан* и цитадель Арк Бухары обнесли стеной *рабата* (35), и это стало моделью для *рабата* Самарканда (36) и его новой цитадели, тоже в направлении к Мекке, как в «священной Бухаре» (37). В 999 г., Бухару захватили Караханиды, положив конец правлению Саманидов и, с обращенными на запад цитаделями, Бухара и Самарканд стали городами-моделями ислама.

Города Средней Азии этого времени имели два обнесенных стеной *рабата* (38, 39), и Самарканд не был исключением. Перед монгольским нашествием Мухаммад Хорезмшах укрепил Бола Хисар (Высокие стены) Бухары и Самарканда (40). Стена Самарканда имела «четверо больших ворот» (41), как вспоминал Темура (42, 43). То есть, к его времени стена *рабата* X в. исчезла, как и стена Бухары IX в., и с XI в. Самарканд имел прямоугольный внешний *рабат* с четырьмя воротами. За его стеной росли два кладбища: западное, «обнимавшее цитадель» (44), и восточное Чакардиза.

Покрытые асфальтом, *рабаты* X—XI вв. стали недоступными для археологии (45). Однако, план города 1875 г. сохранил их ломаную прямоугольную уличную сеть, наподобие улочек иранского города Язд XIV в. (46), история которого переплеталась с историей Самарканда. Из плана проступают две П-образные улицы, меньшая внутри большей: они охватывают Регистан и идут к цитадели. Эти П-образные улицы являются следами стен *рабатов*: внутреннего X в. и внешнего XI в., которые имели размеры 800x800 м. и 1,200x1,500 м. Темура рассек их прямоугольную сеть радиальными улицами на север, восток и юг. Радиальные улицы начинаются во внутреннем *рабате*, пересекают внешний *рабат*, и идут к новой городской стене, названной *хисар*. Эти улицы являлись (некоторые до сих пор являются) парными: одна была городским транзитом, а другая ответвлялась от нее и проходила внутри *махалля*.

23

За внешним *рабатом* Самарканда улицы редки. Поэтому здесь, 10 мая 1399 г. Темура выбрал место, «наилучшее в столице» (47), для мечети Биби Ханым. В отличие от стены внешнего *рабата*, Темура строил свою новую

стену *хисар*, как отмечала О.А.Сухарева (48), на гребне возвышенности, и это усилило ее оборонное значение и мощь. Стена *хисар* не строилась на стене внешнего *рабата*, как полагал М.Е.Массон (49, 50).

Хисар Темура сравнивали с архаичными формами города и это принижало его эволюционное значение. Г.А.Пугаченкова сравнивала его со средневековым *шахристаном* (51), небольшой и давно изжившей себя городской формой. В эту эпоху выросстал новый тип города. За его двумя средневековыми стенами появлялись новые центры с резервировавшимися для их развития землями. В Европе, для защиты интересов формировавшегося капитализма, эти окраинные центры и их земли обносились третьей стеной, как это было сделано во Флоренции в 1284—1333 гг. (52). Столица империи Темура, идя в ногу с градостроительством своего времени, заимствовала из колыбели итальянского Ренессанса, и выросла от двустенного города-*рабат* до третьей стены, которая стала олицетворять город-крепость, тюркский *хисар* (53). Чтобы убедиться в этом, сравним стену Флоренции 1284—1333 г. со стеной *хисар* Самарканда 1370—1372 гг.

1. Обе столицы имели равные территории внутри своих третьих стен. Во Флоренции центры производства были на окраинах, и третью стену возвели для их защиты. Стена охватила открытые, зарезервированные под производства, территории, а также загородные сады и огороды. Этим она расширила территорию города до почти 5 кв.км. в ожидании его будущего роста (54). *Хисар* Самарканда тоже охватил свободные территории и расширил город до 4 кв.км.

2. Радиальные улицы рассекли средневековые лабиринты Флоренции и Самарканда. Во Флоренции, сквозь ворота ее второй стены, строившейся с 1173—1175 гг. по середину XIII в., прошли улицы прямее, шире и длиннее, чем в ее древнем центре (55). Так же поступил и Темура, пробив радиальные улицы сквозь лабиринты *рабата*.

3. Центры этих двух столиц стали фокусами их дальнейшего роста. В радиусе 1,3 км от Баптистерия прошла третья стена Флоренции (56). В Самарканде в таком же радиусе от Регистана прошла стена *хисар*.

4. Обе столицы были поделены на равное число частей. Темура разделил территорию *хисара* не на восемь, как в своей первой столице Балхе, а на шесть частей — как во Флоренции. До 1343 г., Флоренция была поделена на шесть районов (*сестьери*), каждый с воротами в город (57). В *хисаре* тоже шесть его частей выходили к шести воротам: Шайхзода, Аханин, Феруза, Сузангаран, Каризгох, Чорсу.

5. В столицах поощрялось качество строительства. Застройка Самарканда соперничавшими *амирами* была нацелена на то же, что и начавшаяся еще в XIII в. политика Флоренции по поощрению качества строительства, для чего в 1377 г. был принят специальный закон (58).

6. Население Флоренции быстро росло, но в 1348 г. его смела чума, и численность восстановилась только в XIX в. (59). Размер Самарканда тоже, сквозь бедствия веков, оставался постоянным до XIX в. Поэтому, при Темуре город Средней Азии достиг максимума своего роста. Затем он корректировал свою организацию. Стена *хисар* стала моделью для стены Бухары XVI в., существовала в XIX в., и исчезла в начале XX в.

Бухара и Самарканд в Индии

Как это происходило с *хонакох*, Коран повлиял и на градостроительство, связав судьбу мусульманина и его города с их праведностью: «Как много городов мы порушили! Наш бич падал на них ночью или в полдень, когда они дремали. И когда наш бич падал на них, они лишь восклицали: «Воистину мы вели себя плохо». Мы несомненно спросим с тех, к кому посылали вестников, и Мы спросим с вестников самих. Мы со всем знанием скажем им, что именно они совершали, ибо мы никогда их не оставляли. В тот день всем воздастся по заслугам. Возрадуются те, чьи благие поступки перевесят на весах справедливости, но те, что с поступками ничтожными, распрощаются со своими душами, поскольку они отвергали Наши откровения» (60). Пророчества Корана становились реальностью при «истреблениях населения непокорных городов и кишлаков» до монгольского нашествия и вплоть до XVI в. (61). «Не погрязли бы вы в грехах, не послал бы вам Бог такое наказание как я» (62), — заявил Чингизхан порушенной Бухаре. «Следуя классическому образцу своего века, Темура наказывал несдававшийся город, но щадил его при немедленной капитуляции» (63). С обращенной к Мекке цитаделью, «священная Бухара» словно покорилась гневным словам Бога: «Я клянусь этим городом (а ты его житель), клянусь этим родителем и всеми, кого он породил: Мы создали человека, чтобы испытывать его невзгодами. Он полагает, что ни у кого нет над ним власти? «Я растратил несметные богатства», — чванится он. Он полагает, что за ним никто не наблюдает? Не ему ли мы дали два глаза, язык, и двое губ, и указали два пути? И, все же, он не кажется на должной Высоте. Та ли это Высота, что вы знали? Она — в освобождении раба; в куске хлеба в голодный день осиротевшему близкому, или любому другому, нуж-

дающемуся в бедствии; в обладании верой и в проявлении стойкости и милосердия. Следующие этому встанут по правую руку; но отвергшие Наши откровения встанут слева, под надвигающийся на них Адский пламень» (64). Как центр учености ислама, Бухара учила, что Бог в Судный день пощадит покорных жителей праведного города. В приписываемом Пророку святом *хадисе* говорится, что в Судный день Бухаре суждено стать самым удачливым из городов, потому что среди ее жителей было много *шахидов*, то есть павших за веру (65). Вот почему святые, вынужденные бежать из Бухары, придавали ее образцовый план и архитектуру поселениям в Индии, надеясь, таким образом, на спасение в Судный день. Культ Бухары процветал в городах на плато Деккан, регионе нескольких мусульманских государств. А вслед за моделью Бухары в эти города пришли и черты градостроительства и архитектуры Темура.

24

В 1294—1327 гг. столицу индусских племен Деогири (Гора Богов) тюркские султаны переименовали в Давлатабад (Обитель счастья). Следуя Ильханидским таблицам, составленным в обсерватории монгольской Мараги и, очевидно, следуя также таблицам самаркандской обсерватории Улугбека, его современник Феруз Шах Бахмани (1397—1422 гг.) проводил в обсерватории Давлатабада астрономические исследования (66). В результате, как воплощение возносящих к Богу «девяти небес», Давлатабад имел девять стен — пять вокруг горы и четыре на ней. А спланирован он был как Бухара: под защитой цитадели, к востоку от нее. Расположенные на центральном перекрестке мечеть Джами XIV в. и Чанд Минар 1445 г. копировали мечеть и минарет Калян Бухары.

25

Гульбаргу основали в 1347 г. юго-восточнее Давлатабада, тоже повторив цитадель Бухары и, в километре на восток от нее, центральный перекресток города. Как и мавзолей Саманидов, некрополь династии Бахмани расположен к западу от цитадели. Как бухарская мечеть-*мусалла* Номозгох VIII—X вв., на северо-западе от цитадели расположена мечеть Шах Базар. И, как бухарский комплекс Бохоуддина Накшбанда (1318—1389 гг.), святыня Хазрат Гезу Дараз (1422 г.) расположена на северо-востоке города (67).

Посещение Темуром в 1399 г. Ферузабада, пятого города Дели, вдохновило в Деккане султана Феруз Шах Бахмани построить в 1399—1406 гг. собственный Ферузабад, тоже на реке для обороны и военных перевозок. Квадратный план, две пересекающиеся улицы и цитадель на западе копируют Бухару. «Градострой-

26-27

тельная модель тесно связана с темуридской традицией Средней Азии и, очевидно, отражает стремление к поддержанию связей с тем, что правящий класс Бахмани рассматривал как родину мусульманской традиции» (68). В Ферузабаде центральный перекресток Бухары впервые сместился к цитадели настолько, что оставил городу только два проспекта. Крест улиц как древняя метафора небес и цитадель над рекой как метафора дворцов Корана над водами Рая стали еще одной моделью праведного города. Триумфом такой модели через два с половиной века станет Шах-джаханабад.

В 1411 г. Ахмадшах Гуджарата основал свою столицу Ахмадабад, повторив план декканского Ферузабада. Как в Султании, Самарканде и Кеше, амиры строили 143 *махалля* города. Построенные Акбаром стены города 1582 г. защищали его от покоренных, но не заслуживавших доверия *амиров*. Этим Акбар последовал тому, какое внимание Темура уделял стенам города: вначале штурмуя их, а затем укрепляя их для обороны.

В 1424 г. Бахмани переехали из Гульбарги в Бидар. Трехэтажная *мадраса* (1472—1482 гг.) премьер-министра Ходжа Махмуд Гавана «словно прибыла сюда прямо из Регистана Самарканда» (69). «Архитектура *мадраса* — безусловно темуридского характера» (70). Его *дарсхона* (классные комнаты) со сводами на пересекающихся арках возведены под прямым влиянием самаркандской *мадраса* Улугбека (1417—1420 гг.), а минареты являются мужественным вариантом женственного Чанд Минара в Давлатабаде.

К юго-западу от Ферузабада, город Биджапур с его цитаделью и перекрестком в центре тоже скопировал Бухару. В 1570—1580 гг., радиальные улицы города были направлены к шести воротам его новой стены, как в Самарканде Темура. Затем, столица выросла на запад в сторону прямой дороги с дворцами и садами знати и купцов, как в Бухаре XVI в.

Город Хайдарабад был основан в 1591 г. как открытый город без стен, вокруг четырехчленного сада *Чор-Чаман*. К югу от сада с 1592 г. высится здание Чор-Минор (Четыре минарета) с мечетью в нем «в ознаменование победы над опустошившей штат чумой» (71). К западу находится квартал знати (72) — как в Бухаре и Биджапуре. Перекресток улиц Хайдарабата, как и Бухары, являлся метафорой небес, тогда как сад *Чор-Чаман* символизировал Рай, обещанный Кораном для праведных. Городской сад Боги Дилкую назван в честь знаменитого сада Темура.

Подытожим:

1. План Бухары с цитаделью и перекрестком прямых улиц повторялся в городах Деккана, включая город Голконду 1512 г.
2. Названия цитаделей Балха, Бухары и Самарканда — Бола Хисар и Арк — повторены в цитаделях Гульбарги, Голконды и Биджапура.
3. Дистанция в 1 км от западных ворот цитадели до перекрестка Бухары повторена в Гульбарге и Биджапуре.
4. Планы Бухары, Гульбарги и Биджапура имеют средний радиус 1,6 км.
5. Там, где в Бухаре была мечеть Калян VIII в., в аналогичном месте в Биджапуре построена мечеть Михтар Махал (73).
6. Комплекс Бохоуддина Накшбанда на северо-востоке Бухары повторен святыней Хазрат Гезу Дараз тоже на северо-востоке Гульбарги.
7. Правителей хоронили западнее цитаделей: Саманидов — в 1 км от цитадели за стеной Бухары IX—X вв.; первых султанов Гульбарги — в мавзолеях в 0,5 км от цитадели; и Ибрагима Одил Шаха — за стеной Биджапура в мавзолее в 1,5 км от цитадели.
8. Мечеть Шах Базар в Гульбарге и *Идгох* (открытая территория перед стеной *Мусалла-Номозгох*) в Биджапуре расположены к северо-западу от этих городов. *Идгох*, как правило, располагали за городской стеной, но в Биджапуре была скопирована Бухара, где ранние *Идгох* и *Мусалла-Номозгох* оказались внутри стены 849—850 гг. (74).

При всех этих впечатляющих примерах, города Деккана оставались загадкой: «Как эти предприимчивые люди из далекой Средней Азии, некоторые с иранскими связями, пришли и установили свою власть в почти безлюдном регионе субконтинента, на плато Деккан, еще предстоит тщательно выяснить» (75). Бухарцы составили влиятельную религиозную и политическую фракцию во дворах Темуридов Индии и, с превращением Хайдарабада в оплот бухарских суннитов, его архитектура отозвалась в 1807 г. в самой Бухаре: ее знаменитый Чор-Минор, ворота в *медресе* Халифа Ниязкула, был построен этим преуспевавшим купцом, курсировавшим, как и многие другие, между Бухарой и Декканом, неся товары и знания, в том числе и об архитектуре: «С незапамятных времен, торговцы и богачи привозили товары из Гуджарата и Малибара, но большей частью из Деккана» (76). Обратив тюркские города на запад к Мекке, Бухара Священная на протяжении десяти веков диктовала модель праведного города, размещение в нем зданий и комплексов, и их стиль, возвеличенный архитектурой Темура.

3. Четыре этапа династии

Вторжение Темура завершило процесс децентрализации деспотической власти делийского султана, недостойного своих территорий. Закончился период хаоса и беспорядка, высвободились силы реконструкции и реорганизации, и открылась эра культурного Ренессанса. Был разрушен шаткий и искусственный Делийский султанат и провозглашены независимые королевства Гуджарат, Мальва, Гвалиор и Джонпур, ставшие подлинными центрами впечатляющей культурной активности, особенно в литературе, музыке, живописи и архитектуре.

Рам Нат (1)

XIV—XVII века четвертого и пятого Ренессансов Средней Азии отмечены четырьмя — 35+80+80+80—летними — этапами перемен в архитектуре Темуридов. Кочевая и стационарная архитектура 35 лет Темура вызвали в последовавшие 80 лет мощный архитектурный стиль в Индии. Затем пришел Бабур с мыслями о государстве типа империи Аббасидов, и спад в этот период остановил Акбар, возродив, в контактах с европейцами, наследие Темура и Бабура в Фотихпур Сикри. В последние 80 лет темуридское наследие упрочилось, а мечты о темуридской прародине Мовароуннахре логически завершились созданием Тадж Махала и Шахджанабада.

35 лет Темура (1370—1405)

Не используя имени Темура, советская цензура называла его наследников в Индии Бабуридами (2), а Индия и Запад звали их Моголами. При этом, на Западе признавали, что «поскольку отец Бабура Умар Шайх Мирза был из четвертого поколения наследников Темура, династию правильнее называть темуридской, то есть так, как она была известна индийцам в период их правления» (3). Со стороны матери Бабур представлял пятнадцатое поколение наследников Чингизхана, его дед Юнусхан по этой линии был правителем Моголистана и имел непростые отношения с Мовароуннахром Темура, — это, помимо прочего, и повлияло на уход, в конечном счете, Бабура из Средней Азии. Дочь Бабура Гулбаданбегим звала домочадцев

родом из Моголистана моголами (4), но «Бабур презирал языческих или полуисламизированных моголов Моголистана, и считал себя тюрком, поэтому термин могол является неправильным названием» (5). Р.Нат, индийский знаток Бабур и Моголов, хотя и использует это слово, «которое теперь невозможно исправить», тоже соглашается, что оно — «неправильное название» (6). Следовательно, чтобы правильно понимать династию, важно видеть ее темуридское происхождение.

Лагерь Темура в пределах пригородной стены Самарканда XII в. Девори Кундаланг (Стена ханской орды — по-тюркски и монгольски) стал одним из постоянных для династии образцов. «В его орде, принцы, братья, сыновья, *амиры* и солдаты, — все, в соответствии со своим положением и званием, располагались в долине на 10 *фарсангов* (7—8 км) от лугов Конигиль на севере до канала Шавдар на юге. Шатер на 40 колоннах, называемый *боргох* (резиденция) окружали семь других *боргох*, большие шатры и навесы; и шатры всех султанов окружали главную орду; далее были шатры *амиров* областей и начальников охраны, официальных лиц и командиров» (7). «Темур приказал соорудить много шатров для себя, своих жен и армии, чтобы отмечать праздники и справлять свадьбы. 40000—50000 шатров орды, с садами и улицами, располагались вдоль водных потоков вокруг города. Шатер Темура был квадратного плана, высотой в три копья и шириной в сто шагов. Его купол на 12 столбах был окружен портиком на колоннах. Зубчатая башня пронизывала купол и имела на углах длинные столбы, каждый с медным яблоком и луной. Этот величественный шатер был похож на замок. Внутри, между столбами, люди поднимались на самую вершину, где располагался трон Темура» (8). Симметрия этого шатра символизировала центр мира, его купол — небесный свод, а высокие столбы — мировое дерево, соединяющее землю и небеса. По образцу шатра Темура строили Акбар и Британская администрация Индии (см. в конце этой главы), а реконструкцию этого шатра предпринял в конце XX в. Д.Н.Уилбер (9).

Идея шатра и трона Темура произошла от так называемого «древа со многими семенами», росшего близ горы — древнеиранского центра земли (10). Оно было преобразовано в мировое дерево мастером из Парижа Вильгельмом Бушем в 1241—1242 гг. во дворце Чингизхана в Каракоруме (11, 12, 13), чтобы затем стать национальной и династийной эмблемой Чингизидов (14), символизировавшей ось мира (15). Темур вспоминал: «Приснилось мне, что сижу я под тенистым деревом с вершиной в небесах. Толкователи объяснили, что дерево это я, а ветви и листва это потомки, которые станут опорой государства и власти,

и благодетельствуют человечество своим доброжелательством» (16). При смерти своего старшего сына Мухаммада Джахонгира Темур сокрушался: «Рухнуло такое дерево, опора моей империи. Но меня поддерживало то, что еще цвели две зеленые ветви моего сына, принц Пир Мухаммад, которому я дал титул его отца Джахонгир, и Мухаммад Султан, и я назначил обоих на высокие посты в моем дворе» (17). Гиесиддин Али в «Дневнике похода Темура в Индию» писал: «Пророк Мухаммад, государь на троне-лотосе, коронован Создателем на троне небес» (18). Лотос был мифическим деревом на седьмом небе. Али писал по указанию Темура и передал его видение трона как лотоса, который Темуриды воплотят в Тадж Махале.

Суфизм как духовная опора Темуридов вошел в протокол похода Темура в Индию в 1398—1399 гг. как визит в Кешки Джахон Нума (Дворец, из которого раскрывается мир), — он располагался в пятом городе Дели Ферузбаде, построенном Феруз Шах Туглаком (1351—1388 гг.). Дабы превзойти всех других султанов Дели, Феруз построил 120 *хонакох* для суфийских святых, и их теологические знания были известны в Бухаре и Самарканде (19). Кешк ныне находится на территории больницы Хинду Рао на северо-западе Шахджаханабада. Одно из его двух каменных зданий называется Пир Гойиб (Исчезнувший святой) и имеет на севере второго этажа протяженную с востока на запад *чиллахону* с кенотафом святого. На юге же этого этажа, узкая и тоже протяженная с востока на запад комната имеет в полу и потолке отверстия диаметром 0,3 м (20). Эти отверстия продолжены на крыше кирпичным цилиндром диаметром 0,8 м и высотой 1,2 м. Об этих отверстиях, предположительно «для астрономических наблюдений» (21), существует и другая точка зрения: «Трудно утверждать, что отверстия предназначались для научных целей» (22). Кешки Джахон Нума был построен в 1354 г., и его отверстия с цилиндром напоминают световой колодец в *зикрхоне* бухарского *хонакох* Баенкулихана, построенного в 1358 г. Две узкие и протяженные с востока на запад комнаты на севере и юге тоже аналогичны двум коридорам бухарского *хонакох*. По всей видимости, здесь мы имеем *хонакох*, в котором суфии искали божественное. Пир Гойиб значит Невидимый духовный наставник, то есть Бог. В те времена постоянных набегов Чагатаидов на Индию (23), суфийская доктрина могла быть принесена сюда учениками Сайфиддина Бохарзи: Бадриддином Самарканди (прибыл из Бухары в Дели и затем в Бихар) и Ахмадом Яхья Манери (умер в 1371 г.) (24). Накануне своего индийского похода, Темур покровительствовал строительству *хонакох* Ахмада Яссави. И посетил он Кешки Джахон Нума, следует полагать, в знак связи суфийской традиции с Индией.

Стилю Темура следовали, прежде всего, укрупняя здания и, особенно, их порталы. В Ферузабаде Дели, Темур провел час в мечети Джамии (1354 г.), читая молитву вместе с 10000 верующими. Поскольку Джамии, «каменная и хорошо построенная» (25), произошла, как и все ранние мечети Индии, от укрепленных раннеисламских кешков Средней Азии, она поднята над первым этажом. Со временем, такой тип мечети с внутренним двором развился в сельджукидский тип мечетей с четырьмя дворовыми айванами, которые Темур увеличил и мощно вынес вперед в самаркандской Биби Ханым. Рюи Гонсалес де Клавихо трижды отметил гигантоманию Темура. «Усыпальницу (Дор-ус-Саодат в Кеше, 1379—1404 гг., — Ш.А.) Темурбек приказал построить для себя. Месяц назад он остался недоволен ею, говоря, что вход низок, и велел переделывать» (26). «Он остался недоволен и мавзолеем (Мухаммад Султана, ставшего Гури Амиром, 1403—1404 гг. — Ш.А.), сказав, что низок. Приказал сломать и в десять дней перестроить под страхом наказания. Работали день и ночь. Прибывал сам дважды, на носилках, ибо уже не мог ездить верхом. Мавзолей выстроили в эти десять дней» (27). «Когда ее (мечеть Биби Ханым, 1399—1404 гг. — Ш.А.) закончили, он остался недоволен передней стеной, слишком низкой, и приказал разрушить. Перед ней выкопали две ямы, чтобы разобрать фундамент и, когда работа заспори-лась, он сказал, что берется вести наблюдение за одной частью работ, а наблюдать за другой частью велел двум своим приближенным, дабы контролировать, кто кончит быстрее. Каждый день он велел нести его туда на носилках и оставался там, торопя работавших. И над этой постройкой работали денно и ночью. И застройку улицы (от Регистана к воротам Аханин — Ш.А.) приостановили только из-за повалившего снега» (28).

80 лет независимости (1408—1485)

На протяжении этих 80 лет, получившие независимость королевства Индии развили свой собственный мощный архитектурный язык, используя местные материалы и художественные ресурсы. П.Браун, Р.Нат и С.Гровер характеризуют достижения этого периода как начало Ренессанса исламской архитектуры в Индии. После мечети Атала в Джонпуре (1408 г., план 77x77 м., внутренний двор 53x53 м.), знаменитой своими мощными порталами, в Султанате Манду, где часто бывали послы внука Темура Султана Абу Саида (29), Хушанг Шах (правил в 1405—1435 гг.) начал строить мечеть, завершенную Махмудом Халджи (в 1454 г.). В этой мечети аскетизм Большой мечети Сиди Окба (836 г., Тунис) довели до величавой мужественной сдер-

жанности, которая затем вдохновила Шахджахана на лаконичную женственность Тадж Махала. Так, уже в этот период, от мужественных моделей Темура архитектура начала переходить к женственности и к связанному с этим иному выражению духовности. В мечетях Джамии Ахмадабада (1423 г.) и Чампанира (1485 г.) за порталами расположены высокие купола, как на родине Темура. Но, вместо глухих барабанов, эти купола подняты на открытых двухярусных галереях с тем, чтобы вентилировать и освещать интерьер. Эти колодцы воздуха и света усилили духовность интерьеров, создали «яркий и полный жизни оптимистичный стиль, архитектурный эффект необычайного масштаба и мощи, подлинное произведение духа, а не просто нагромождение каменных форм» (30). За этими примерами вдохновенности архитектурой Темура и последовало удивляющее многих специалистов копирование *мадраса* Улугбека (1417—1420 гг.) на самаркандском Регистане в *мадраса* (1481 г.) декканского города Бидар. Причину всех этих прорывов в архитектуре Бабур в 1519 г. прояснил так: «С тех пор как Темурбек вступил в Хиндустан и вышел оттуда, многие области находились во власти сыновей Темурбека, а также приближенных и припешников сыновей Темурбека» (31).

80 лет от Бабура до Акбара (1483—1571)

С течением времени, борьба независимых султанов с правителями областей ослабила страну и, вместе с этим, стиль Аталы и Чампанира. Стиль был воскрешен в конце этого периода Акбаром в мечети Джамии (1564—1572 гг.) в Фотихпур Сикри. В середине же этого периода спада в страну пришел Бабур (1483—1530 гг.). Еще четырнадцатилетним, в городе Ош (Кыргызстан), он построил хужру на холме Бара-Кух, «и весь город и его окрестности были видны с его высоты» (32). Определив высоту трона, остальное он поручал строителям своих афганских садов, отличавшихся тоже захватывающими панорамами. Бабур поначалу воспринял скептически «мнимых суфиев подле Алишера Навои» (33), но лишения в Индии сблизили его с ними и с их концепциями *хилват* и *Инсони комил* (Совершенная личность). Суфийская поэзия и миниатюры о лестнице в небеса Рая вдохновили его, и в 1522—1527 гг. он заказал в городе Кандагар скульптуры двух тигров (Бабур по-арабски значит лев) в начале лестницы, ведущей к павильону на вершине горы. Названный, в духе Темура, Равоки Джажон Намаи (Портал, с которого раскрывается мир), этот монумент известен в народе как Чихил Зина (40 ступеней). «Я еле взбирался по скользким ступеням Чихил Зина.

За порталом и по сторонам, строение было испещрено надписями на персидском. Они гласили, что Бабур-падишах захватил Кандагар и возвел это видное отовсюду строение таким высоким, чтобы общаться с небесами. В нем он велел выгравировать названия всех подвластных ему индийских городов», — писал вельможный путешественник из Кашмира (34).

Бабур пришел в Индию, лелея мечту об империи, потому что здесь он уединился так, как это сделал второй Аббасидский халиф ал-Мансур: Мансур покинул Багдад, пересек реку Тигр, и на ее восточном берегу обосновал свой Дар ал-Хилафа (Обитель для хилват). Бабур тоже оставил Агру, пересек реку Джамну, и на ее восточном берегу основал свою обитель для хилват. Обитель ал-Мансура положила начало поселению. Сад Бабура тоже окружили сады его поверенных. «Сначала построили хилватхону» (35) для ведения в ней Бабуром государственных дел. «Я сидел в хилватхоне» (36), — пишет он о приеме посла Бенгалии, и хорошо известная миниатюра изображает эту сцену (37). Двор хилватхоны стал канцелярией для поверенных Бабура, которую еще называли *Девонхона*: «Я сидел в Девонхоне сада» (38). Двор называли хилватгох. Этот сад на восточном берегу Джамны Бабур назвал Хашт Бехишт (Восемь Раев), затем его назвали Гулафшон (Усыпанный цветами), а теперь Рам Баг. От трона Бабура на прибрежной террасе сад спускается к восьми платформам и далее к саду *чор-баг* в самом низу (39), — этим символизировались обожествленный Бабур, восемь небес, и земля.

Страдая от климата Индии, Бабур строил ради света и воздуха. Он остался недоволен дворцом Раджи Ман Сингха (XV в.) в Гвалиоре: «Мы обошли помещения со свечами. Хотя и отделанные всякими хиндустанскими украшениями, все они очень душные помещения» (40). Духота является в исламе наказанием Судного дня: «Наступит день, когда с неба повалит вязкий дым, обволакивая человечество — горестный бич» (41). Один из последних Темуридов «Бахадуршах (1707—1712 гг.) 5 лет своего императорства не жил в цитадели Шахджанабада, ибо почти всю жизнь провел в шатрах, не вынося сна в закрытой комнате» (42). Павильон Бабура Джал Махал (1526—1527 гг.) в Боги Фотих (Сад победителя) в деревне Сикри стал каменным вариантом его деревянной восьмигранной Хилватхоны. Это два колонных восьмигранных павильона, один внутри другого, с пространством между ними для водотоков и каскадов. Здесь Бабур опять последовал ал-Мансуру, его багдадскому дворцу, между кольцевыми стенами которого проживали близкие и свита.

31

32

В Баги Нилуфар (Сад лотоса, 1526—1529 гг.) в Дхолпуре трон Бабура расположен на юге, как трон Темура в цитадели Самарканда, и оттуда он смотрел вниз на среднюю платформу сада и самый нижний *чор-баг*, как в саду Хашт-Бехишт в Агре. Из природной каменной платформы высечены три водоема в форме лотоса: бутона, в цвету, и увядшего, — символизируя, таким образом, скоротечность жизни. Вода в них текла через помещение, названное «темуридским павильоном» или «мечетью» (43). Расположенное слева от трона, — а это сторона женщин, — оно не могло быть мечетью. Из этого помещения вода каскадом падала вниз, охлаждая брызгами место отдыха, — следовательно, это была *Хилватхона*. Близ этого сада, «в середине озера, Бабур велел построить большую суфу с Турхоной. Он обычно садился в лодку, плыл туда, садился на суфу и писал Коран» (44). Приставка *Тур* значит «верхнее, почетное» место. Павильон (1527 г.) сына Бабура Камрана Мирзо на острове реки Рави в Лахоре тоже имеет на втором этаже затененное и продуваемое ветрами пространство, дарующее спасение в летний зной. Это пространство и дало павильону название *Тургох* (Обитель наверху). В условиях климата Индии, *Турхона-Тургох* Бабура развили архитектурную типологию *Хилватхоны-Хилватгох*. Это не было понято в ряде стран. В США *Тур* объяснили как «пространство в пределах низкой ограды» (45); британцы именовали лахорский павильон “Turgur” (46) и, следуя им, пакистанцы произносят его как *Тарга* и пишут соответственно “Targarh” (47).

За всего лишь четыре года в Индии Бабур переменялся: «Чем обещания обоих царств, не лучше ль бекство малое сейчас?» (48). Налицо был кризис личности:

«Я нездоров, а путь далекий,
Жизнь коротка, а дорога дальняя.
Укажи заблудшему путь,
Что привел бы к цели» (49).

Индийцы видели суфийскую сущность его *хилватгох*, и звали Бабура суфийским понятием *каландар*, значащим странствующий дервиш, затворник, отшельник (50). *Хилватгох* темуридского сада воплотил для Бабура царство, статус падишаха, и стал свидетелем его ухода от активной жизни: «Как падишах, устал я от султаната, — сидеть бы мне в углу сада Зарафшан, а падишахство передать Хумаюну» (51). Скончавшийся в Баги Нилуфар 26 декабря 1530 г., он был похоронен в здании Чор Бурдж сада Зарафшан в Агре, а в 1539 г. прах был переправлен в Кабул. Хотя Зарафшан расположен чуть южнее Хашт-Бехишт, органы охра-

ны памятников Агры, полагает Р.Нат (52), не ведали о том, что здесь был похоронен Бабур, и потому допустили разрушение сада и использование его для других нужд.

«Образцовую деятельность его Величества Темура Сохибкирона следует всегда помнить, чтобы преуспеть в делах управления», — писал Бабур в письме 1529 г. Хумаюну (53). Хумаюн развил архитектуру Джал Махал Бабура в восьмигранных свадебных павильонах своего брата Мирзы Хиндола на берегу Джамны в Агре: «первый павильон звался Давлат Уйи (Дом государства), второй — Дом счастья, третий — Дом желания» (54). Развить наследие династии Хумаюну помешал военный командир Шершах. Смелый и тщеславный, Шер (тоже значит Лев) служил Бабуру (55), был вхож в его сады, и так рвался «прославить свое имя на земле вплоть до Дня воскрешения мертвых» (56), что изгнал Хумаюна в 1540 г. в Иран, а затем скопировал его павильоны в Агре для своего *хилват* в знаменитом павильоне Шер Мандал (1542 г., Дели). Хумаюн вернулся в 1555 г. с художником Абдул Самадом, чья миниатюра того же года «Юный Акбар показывает картинку отцу Хумаюну» (57) изображает их в кроне дерева, куда ведет мостик от садового павильона. В будущем, такие мостики перебросят к древоподобному трону Акбара в Фотихпур Сикри, и этот величайший правитель Индии возродит стиль управления и архитектуры Темура и Бабура.

34

80 лет от Акбара до Тадж Махала (1571—1648)

Эти 80 лет ознаменованы беспрецедентным возрождением архитектурного наследия Средней Азии, проявившимся даже четверть века после Тадж Махала в величественной мечети Бадшахи Аурангзеба. Темуриды смотрели на мир шире основателя династии, менее воинственно, с большим любопытством, и с конкретной целью: что общего в религиях. Они принимали посланников набиравшего силу капитализма, и интересовались его верой католицизмом. Знакомясь с ними, Темуриды стремились быть на уровне гостей, и уподобляли себя идеалам гостей, как о том свидетельствует надпись на портале Мактабхоны (1617—1619 гг.) Джахонгира в цитадели Лахора: «Его императорское Величество, тень Бога и надежда халифата, с достоинством Соломона и отвагой Александра — император Нур-ад-Дин Джахонгир» (58). По подобию шатра Темура Акбар строил свой шатер, именуемый Чубин Раоти. Включенный в список «сугубо хиндустанских терминов» (59, 60), «Раоти» на самом деле про-

35

исходит от арабских *рабат*, *рабата*, что значит «привязывать коня», — так посланники раннего ислама называли свои первые укрепления-посты. А Чубин Раоти — это искаженное тюркское *Чубин Равот* (Деревянный пост). Шатры Темура и Акбара были на деревянных столбах и имели центральное помещение, окруженное галереей. Акбар спал, молился, и при лучах восходящего солнца выходил к придворным, приветствовавшим его у «До-Ашияна Манзил» (по-тюркски *Дов Ошиена Манзил* — Высокая обитель) (61). Шатер Акбара был подобен темуровской «деревянной мечети, с галереей по периметру, которую было легко собрать и разобрать» (62). Запряженная слонами повозка Акбара со спальными и ванными комнатами тоже была заимствована от повозки Темура с «железными банями и котлами внутри» (63).

В стационарной архитектуре нововведения Акбара начались с перестроек им архаичных мечетей в возвышенные обители Бога. 23-летним и 9-ти лет во власти, он облагородил делийскую мечеть Калаи Кухна (1533—1565 гг.) высоким и аккуратно обрамленным порталом среднеазиатского типа. Затем, вплоть до Аурангзеба, стиль мечетей Темура величественно возрождался: в их дворах, расширенных с 110×134 м в Джамии Фотихпур Сикри до 159×159 м в Бадшахи Лахора (1673 г.), и затем в их высотах от 41 м (плюс 13 метров 123-х ступеней) портала Баланд Дарваза мечети Джамии (1596 г.) до 45 м минаретов Бадшахи. Баланд Дарваза прославили завоевание Акбаром Деккана и их надпись «Воистину наши деяния характеризуют нас» (64) перефразировали надпись на портале дворца Темура Аксарай в Кеше: «Если сомневаешься в нашем могуществе, взгляни на наши постройки». Сначала квадратные, мечети Индии выросли, как мечеть Темура Биби Ханым, в прямоугольные и в направлении на восток, ко входящим, — таковы мечети в Фотихпур Сикри, Биджапуре, Шахджаханабаде и Лахоре.

Двадцать лет активных контактов Акбара с европейцами (с середины 1570-х — до середины 1590-х) побудили его к систематизации наследия Чингизхана, Темура и Бабура с целью практического использования. В 1584 г. он заказал иллюстрированный манускрипт «Тарихи Хонаи Темурия» (История дома Темуридов). В 1589 г., «украшение двора Джахонгира» Абдурахим Хани Ханан презентовал свой персидский перевод «Бабурнома», названного Акбаром «Мемуарами Бабура, Покорителя мира, подобными кодексу практической мудрости» (65). В 1596 г. был начат иллюстрированный манускрипт «Чингизнома». Библиотека в Фотихпур Сикри прославилась своими уникальными манускриптами из Герата и миниатюрами из Бухары.

В 1595, опередив узбеков, Акбар захватил Кандагар, надеясь двинуться и на Самарканд, но фронты Индии повернули его обратно. Джахонгир, чей «Тузуки Джахонгири» (Уложение Джахонгира) даже названием повторил известное политическое заявление «Уложение Темура», в 1620 г. послал с Мир Барака посольство в Самарканд: «Мир Барака Бухари был направлен в Мовароуннахр. Я вверил ему 10000 рупий, и из них 5000 для *муджовир* (хранителей) усыпальницы Темура» (66). «С тех пор как я вознамерился — продолжал Джахонгир — завоевать Мовароуннахр, страну моих предков, я стремился освободить Хиндустан от всяких раскольников и бунтарей и, оставив здесь одного из моих сыновей, направиться самому с боевыми порядками доблестной армии, на величественных слонах, с молниеносной быстротой и при несметных сокровищах, на завоевание моих родовых владений» (67). «В случае враждебности Самарканда, я бы направил против него моего сына Парвеза так, чтобы в будущем проследовать, с Божьей милостью, лично в Мовароуннахр. Склонность к этому я перенял от моего отца, всегда и всем сердцем стремившегося к наследию наших предков» (68). Попытки осуществить эти мечты кончались военными поражениями сынов и внуков Джахонгира.

Одному из сыновей Джахонгира суждено было родиться в 1592 г. под благоприятным созвездием дня рождения Темура. В своих мемуарах Темур отмечал: «Как вещал мне прославленный астролог, планеты во время моего рождения находились в благоприятном сочетании, предвещая стабильность и продолжительность моей жизни и власти, превосходство мое над всеми монархами, поражения моих врагов и процветание моих друзей, мое покровительство религии и разрушение мною идолов, мою заботу о народе, долгие века правления моих детей и процветание за поддержку ислама» (69). Поскольку и сыну Джахонгира звезды сулили счастливую судьбу, Акбар назвал его Хуррам (Радостный), хотя он сам — Шахджахан — называл себя Сохибкирони Сони (Второй, после Темура, Повелитель, рожденный под счастливым созвездием). Шахджахан тоже послал ценности и 150000 рупий хранителям Гури Амира (70). Он обнес могилу Бабура на 14—й из 15 террас кабульского сада мраморными решетками высотой 2,7 м., и на 13—й террасе построил беломраморную мечеть, — он выполнил это в 1643—1646 гг., чтобы получить благословение основателя династии, ибо заканчивал строительство Тадж Махала (71, 72). Также стремясь присоединить столицу Темура к своей империи, Шахджахан в 1646 г. воспользовался раздорами узбеков, и завоевал Балх, но мечта о Самарканде оста-

лась тщетной. В то время как его сыновья возглавляли эту военную кампанию, он сам строил новую столицу Шахджаханабад (1639—1648 гг.). Как никогда прежде, его двор зачастил на север империи. Император сам увидел Балх Темура и затем преданно копировал его план для Шахджаханабада (см. Главу 8). Десять лет спустя после завершения строительства Шахджаханабада, накануне свержения императора с власти его сыном Аурангзебом в 1658 г., была создана рукопись «Подшонома» (около 1657 г.) (73). Открывающая ее двухчастная миниатюра «Темур и Шахджахан» изображает с правой стороны Темура (внешность его, как видно, была незнакома Темуридам Индии), а с правой стороны — реалистически вырисованного Шахджахана. Темур протягивает императорскую корону Шахджахану. Смысл миниатюры — продемонстрировать, что Шахджахан унаследовал престиж и мощь Темура.

36

Аурангзёб (1618 г. — коронован в 1658 г. — 1707 г.) построил мечеть Бадшахи (1673—1674 гг.) с ее парящими над Лахором четырьмя мощными минаретами, подобными рукам молящихся: «Это я, Господи!». Эти сильнейшие городские ориентиры плюс ажурный и воздушный портал мечети обновили тяжеловесные порталы Темура и увековечили память о нем. Темур принес в Индию приписываемые Пророку реликвии, хранящиеся в прилегающих к portalу помещениях. «Каждую пятницу в мечети читалась молитва в честь Дома Темура» (74). В официально персоязычной Индии, развитый Алишером Навои и Бабуром (75) староузбекский язык оставался родным языком Темуридов, соединявшим их с культурой родины. Аурангзёб, видимо, хорошо знавший староузбекский язык, поручил Мухаммаду Якубу Джанги составить чагатайско-персидский словарь староузбекского языка «Келурнома», и на этом языке были опубликованы книги. При правлении Мухаммадшаха был издан также словарь среднеазиатского тюркского языка (на персидском).

Даже британцы попали под чары архитектуры Темура. Их церемония коронации на *Дурбаре* в Дели 12 декабря 1911 г. проходила под Павильоном для Короля Джорджа V и Королевы Марии (76). Павильон стал копией шатра Темура: квадратный план, крыльцо, 12 столбов по периметру и 4 в центре. Столбы завершены шарами вместо яблок и шпилями вместо силуэтов луны. Лукообразный купол тоже завершен шпилем. Возрождая стиль Темура, британцы стремились показать себя законными наследниками Темуридов, и поэтому поощряли их архитектуру, в том числе и кочевническую.

4. Возрождение хонакох

*Кто, стараясь изо всех сил, стремится к счастью,
Пусть знает, что счастье и власть не обретают уменьем.
А кто владеет высоким саном, свитой и царством,
Пусть знает, что достались они ему лишь благодаря помощи небесной.*

Хофизи Таниш Бухари (1).

Зародившаяся на степном севере Средней Азии архитектура *хонакох* возродилась в XVI в. когда этот тип здания давал поселениям право называться городом. В 1558—1569 гг. под влиянием принявшей итальянский Ренессанс Москвы Абдуллахан II велел построить в селении Кармана новаторский хонакох своему духовному наставнику Касым Шайху, и затем не только план, но и всю композицию итальянского храма приняли в Дели для мавзолея Хумаюна. Агра же по *хонакох* Ахмада Яссави построила дворец Акбара Джахонгири Махал. В этих зданиях выразился искавшийся в ту эпоху образ единения государства и религии, образ усиления светскости. С этой целью и Акбар оставил дворец в Агре ради Фотихпур Сикри, где из сердцевины *хонакох* — его *хилватхоны* — продолжил собственные поиски духовной архитектуры.

Хонакох от Филарете в Бухаре

Середина XVI в. — время замечательных перемен в типологии зданий Темуридов. «Официально, сын Темура Шахрух (правил в 1405—1447 гг.) отрекся в 1411 г. от монгольских законов и правил» (2), чтобы руководствоваться шариатом. В архитектуре же сохранялась преемственность: план *хонакох* Яссави использовался для мечети (1405—1418 гг., Мешхед) и *мадраса* (1418—1438 гг., Герат) Гавхаршод, жены Шахруха. Даже в построенном в Бухарской области при правлении Абдулазизхана (1540—1550 гг.) *хонакох* (1544—1545 гг.) Бохоуддина Накшбанда (1318—1389 гг.) от прежней типологии *хонакох* еще остался коридор «правильного» пути. Он на втором этаже соединяет два восточных восьмигранных помещения для ритуалов вознесения и далее направляется сквозь южные помещения в западную часть *хонакох*. Самохону же заменила просторная мечеть: орден Накшбандия отверг музыку и танцы

Яссавия. «Бабур (1483—1530 гг.) и Абдуллахан II (родился в 1533 г., правил с 1557 г. по 1598 г. смерти) продолжили благоприятствовать закону *ясса* Чингизхана, и это продлило на пять веков авторитет *яссы* как арбитра в вопросах политически правильного поведения» (3). Наряду с *яссой*, при Абдуллахане II из России в Бухарию и Индию проникала архитектура итальянского Ренессанса.

Бухара Абдуллахана II укрепляла связи с Москвой, запросившей у Рима помощь в обновлении архитектуры. Авторитетом в этом обновлении стал тот самый Антонио Аверлино ди Пьетро, кто родился во Флоренции в 1400 году похода Темура в Малую Азию и затем прославился среди правителей Европы как Филарете, автор «Трактата об архитектуре». Он с Аристотелем Фиораванти проектировал для Папы Никколо V «величественные, вечные и впечатляющие здания, подобные творениям Бога» (4). Архитектура Филарете основывалась на священных для христианства цифрах 9, 8 и 5, а также на квадрате, кресте и круге, и была призвана лечить кровоточившую рану: захват турками Константинополя в 1453 г. и откол Русской православной церкви. Центричный храм как символ единения государства и религии Филарете строил на квадратном плане, состоявшем из девяти меньших квадратов, и из них он выделял пять квадратов. Такой храм для идеального города Плюсиаполис (1461—1464 гг.) вдохновил эскизы Леонардо да Винчи, по которым затем Донато Браманте проектировал базилику Св.Петра в Риме. Когда же под весенним солнцем 1474 г. обрушился только что построенный Успенский собор Кремля, Москва направила в Рим посольство за итальянскими зодчими, чтобы усовершенствовать свою архитектуру, отставшую за 2,5 века монголо-татарского доминирования. И Фиораванти с коллегами принесли в Россию точные методы проектирования, рациональные конструкции и гармоничные пропорции.

В 1547 г. на трон России взошел Иван Грозный (1530—1584 гг.) как преемник православных византийских царей, диктовавших свою волю церкви. Москва возвестила себя Третьим Римом, царь же «потребовал создать восьмипрестольный собор» (5). Церковь Вознесения (1532 г.) в Коломенском возвели в честь рождения Ивана Грозного. За ней последовали церковь Иоанна Предтечи (1547 г.) в Дьякове в честь восхождения царя на трон, и собор Покрова на Рву (1555—1560 гг.) на Красной площади — мемориал освобождению от казанского ханства и его покорению. Все три башенных храма — первый с одной, второй с пятью, и третий с девятью башнями — «были построены русски-

ми мастерами, учившимися у итальянцев во время реконструкции Кремля. Церковь в Дьякове стала первой у Бармы и Посника, русских строителей собора Покрова на Рву» (6). «Торжественные и праздничные, эти храмы продемонстрировали светский характер. В Дьякове, сначала были построены пять башен, и только затем *приделы*, колокольня, и *апсида*» (7). Это значит, что в итальянскую композицию от Филарете были введены атрибуты русской церкви.

Согласия государства и религии искал и Абдуллахан II, объединяя враждовавшие уделы Средней Азии вокруг Бухары. Он активизировал контакты с Москвой, посланцы которой через Бухарию направлялись в Индию (8). Хотя среди соколов и военного снаряжения в дипломатической почте из Москвы сладкоречивый историк бухарского двора не упомянул архитектурных чертежей (9), влияние Рима и Москвы проявилось в совершенно новом типе *хонакох*, построенном Абдуллаханом в 1558 г. для своего духовного наставника Касым Шайха в селении Кармана Бухарской области. Заимствованный от итальянского Ренессанса план с пятью частями трансформирован здесь согласно исламскому принципу *чор* (четыре) и акцентирует четыре угловые комнаты, а не оси здания, как в Риме и Москве. Вместо *приделов*, так необходимых в русские зимы, в Бухаре четыре *айвана* раскрыты наружу. Этот новаторский план *хонакох* проследовал также в Дели и определил архитектуру мавзолея Хумаюна (1556—1565 гг.), подтвердив распространение проекта храма Филарете в столицах России, Бухарии и Индии.

Хонакох от Филарете в Дели и хонакох Ясави в Агре

После падения Хумаюна на смерть с лестницы павильона Шер Мандал в 1556 г., его мавзолей в Дели завершили в 1565 г. Мать Акбара Хаджи Бегам одобрила для мавзолея мужа образец из Бухары, который поступил туда из принявшей итальянский Ренессанс Москвы. Этим трем государствам, католическое — то есть универсальное, с широкими вкусами и либеральное, — несло идею храма, обогатившуюся местными ценностями и строительными методами. Если на востоке церкви Москвы расположена *апсида*, то в *хонакох* Бухары здесь находится помещение главного входа, ибо древнетюркская традиция рекомендует вход с востока (10). И эта деталь Бухары повторилась в Дели: в мавзолей Хумаюна тоже входят через помещение на востоке. В *хонакох* Бухары входили со двора, где под платформой-*дахма* в 1578 г. и

похоронили (Касым Шайха, — в XIX в. этот вход в *хонакох* застроили небольшой мечетью Номозгох. Благодаря итальянским техническим нововведениям, внедрившимся еще в Москве, в комнатах *хонакох* тоже имеются каминны с воздухопроводами-*хатаба* в стенах и полу, — и делийский мавзолей тоже вентилируется системой коридоров в стенах. Так, в течение всего 25 лет в России, Бухарии и Индии царем Иваном Грозным, Абдуллаханом II и императором Акбаром были возведены новаторские национальные храмы — церковь Иоанна Предтечи (1547 г.), *хонакох* Касым Шайха (1558 г.) и мавзолей Хумаюна (1556—1565 гг.).

Автором мавзолея Хумаюна называли Мухаммада Мирака (11), сына архитектора бухарской *мадраса* Мири Араб (1535—1536 гг.) (12). Мухаммад Мирак прибыл в Дели подростком, так что о проектировании *им* такого мавзолея, естественно, не могло быть и речи. Грандиозная усыпальница Хумаюна стала абсолютно новой для Индии с ее однокамерными мавзолеями, и в архитектуре Бухарии и Москвы для нее тоже не было прототипов. Очевидным прототипом стал храм Филарете на обширной платформе, с центральным куполом и порталами, и восьмигранными объемами в углах. Бухара и Дели не заимствовали лишь четыре высоченные башни храма Филарете, — исповедующий степенную архитектуру суннитский ислам воспринял их, видимо, вызывающими. Мавзолей Хумаюна оценивается в своих архитектурных деталях как «персидское возрождение» (13), но своим планом и общей композицией он, как мы видим, является настоящим посланником итальянского Ренессанса. Благодаря глобальному распространению Ренессанса, шедевры Москвы, Бухары и Дели стали родственниками.

40

В это время перемен Индия приняла и архитектуру *хонакох* Ахмада Яссави. Суфии Яссавии пребывали в Индии в почете со времен Бабура, и рекомендовали план *хонакох* Яссави для дворца 23-летнего Акбара Джахонгири Махал (1565—1569 гг.). Об этой связи *хонакох* Яссави и дворца Джахонгири Махал Индия и Запад не знали: «Этот дворец стал первым такого типа» (14); «В нем есть что-то от великой традиции арабских дворцов» (15); «Джахонгири Махал построен без целостного плана. Коридор по трем сторонам его южного зала имеет красивые решетки-*джали* и использовался, видимо, как театр кукол» (16). То, однако, был тронный зал Акбара, ибо он сидел на юге, как Темур в Тронном дворе цитадели Самарканда (17), а огороженный решетками коридор был исполнен как аналогичный проход во дворце Газневида

Бахромшаха в Термезе. Зал перекрыт пересекающимися арками, но каменщики Гуджарата и Бенгалии соединили их не темуридским куполом, а плоским потолком. Мастера же из Средней Азии украсили кирпичные стены дворца типичными узбекскими полочками-*токча* и гипсовым декором *кундал*. Такие интерьеры со среднеазиатским «чувством дома» будут возрождены в 1622—1628 гг. в мавзолее Этимод уд-Даула, свата и министра финансов Акбара. Красные фасады Джахонгири Махал украшены арками из белых бутонов лотоса. Если лотосы Бабура в саду Дхолпура меланхолично символизировали непостоянство жизни, то во дворце Акбара их бутоны уподоблены наконечникам стрел, и воинственностью соответствуют его названию: Джахонгир значит Завоеватель мира. Так, *хонакох* Яссави определил план дворца Джахонгири Махал, а украсившие его мастера Средней Азии и Индии определили стиль декора в новой родине Темуридов.

Акбар покидает Яссавия

Закончив мавзолей отца и свой дворец, Акбар покинул столицу, как до него делали ал-Мансур и Бабур, ради уединения-*хилват* в деревне Сикри в 40 км западнее Агры. Здесь Бабур в 1527—1528 гг. собирал войско, и поэтому свой новый духовный и правительственный центр Акбар назвал Фотихпур Сикри, что значит Город Победителя. Акбар решил прояснить душу и жить в согласии с ее стремлениями. После его оживленных встреч здесь с европейцами и смерти в Агре в 1605 г., в 1611 году правления его сына Джахонгира на площади перед дворцом Джахонгири Махал был поставлен гранитный Ховузи Джахонгири (Джахонгиров водоем), повторивший своим диаметром 2,42 м диаметр 2,45 м котла в *хонакох* Ахмада Яссави. В свое время Темура во дворе Большой мечети Джамии (1200 г.) в Герате заметил медный котел (диаметром 1,52 м и исполненный в 1375 г.) с праздничным шербетом для молящихся, и заказал такой же для *хонакох* Яссави (18, 19). И в 1399 г., Абдулазиз, сын Шарифуддина из Тебриза, отлил бронзовый котел, стоящий в *самохоне* и известный как «Назир Ниез козони» для священного напитка молящимся в пятницу.

В Агре, котел скрытных суфийских ритуалов вынесли в народ, на площадь, благодаря важной перемене в суфизме. Яссавия учила Акбара духовному пути и почиталась при дворе вплоть до XVII в. (20, 21). 26 июня 1579 г.,

37-летний император поднялся на *мишбар* новой мечети в Фотихпур Сикри и прочитал *хутбу* (проповедь перед молением с упоминанием имени халифа или правителя), — этим «Акбар перенял право толкования религиозных и светских исламских законов у *уламо*, до тех пор обладавших этой привилегией» (22). Во время свободных дискуссий Акбара с посланниками Европы ортодоксальные *уламо* «скрежетали зубами от ярости» (23). Полагая, что вере нужно стать свободнее и сильнее, Акбар полагался на ее мистическое направление суфизм. Следуя Хумаюну, он ставил Яссавию на первое место, не покровительствуя особо ордену Накшбандия (24, 25), прибывшему из Кабула в конце его правления (26) и сблизившемуся с придворными (27) для воздействия на политику. «Времена ухудшились», — писал лидер Накшбандия Ходжа Ахрор о разладах среди Темуридов, — «и поэтому лучше всего быть при дворах правителей, чтобы помочь народу и угнетенным» (28). Чтобы «покончить с исчадием чингизхановой *яссы*» (29), его орден выступал за безмолвный *зикр*, за отказ от *само* и чудес-*каромат*, а уединению-*хилват* предпочитал общественные дискуссии-*сухбат* (30). Это по инициативе Накшбандии на обращенную к Мекке площадь перед Джахонгири Махал был вынесен Ховузи Джахонгири. Подобные деяния периода Реформации обновляли основы архитектуры Темуридов. А пример Акбара побудил молодое поколение отважиться на собственные поиски правды. Так, сын Шахджахана Дара Шукох убеждал свою сестру Джаханара примкнуть к ордену Кадырия, хотя она была предана ордену Чиштия. И, восторженная, она писала: «Из всех потомков Темура, только нам двоим, брату и сестре, выпало счастье испытать такое блаженство. Никто из наших предков не ступал на эту тропу поиска Бога и правды» (31).

Шахджахан, будучи во власти с 1628 г., расчистил цитадель Агры, но сохранил дворец Акбара Джахонгири Махал (32). В Бари, пригороде Агры, Шахджахан построил в 1637 г. охотничий дворец Лал Махал, повторив конфигурацию плана Джахонгири Махал и, особенно, его восточного двора. Суфизм, как путеводная звезда Темуридов, формировал их мышление, архитектуру, государственность. И игнорирование его вело к губительным последствиям, как это произошло с сыном Шахджахана Аурагзобом, который, объявив суфиев еретиками, изгнал их и «предоставил поле действия для *уламо*, ослабивших великую империю своей некомпетентностью и раскольничеством. Лишь на смертном одре Аурангзоб признал свои промахи, и просил преемников искать вдохновения в либеральной политике своих

предшественников, а не в том, что делал он» (33). «Жизнь скоротечна и упущенный момент не вернется никогда» (34), — заключил он.

Акбар покинул Яссавию, чтобы превзойти ее пытливых суфиев, которые, как и монахи Европы, провозглашали себя подлинными последователями религии, поскольку не повтор установленных доктрин, а личный опыт приближал этих «экспериментаторов» к Богу. Девиз Ренессанса «Делай, что хочешь!» (35) настроил и Леонардо да Винчи (1452—1519 гг.) критически к религии и побудил ставить превыше опыт. Однако, с падением Медичи и прорывом доминиканского монаха Джироламо Савонаролы к власти, Леонардо ушел в доминиканский монастырь в Пизе. В монахи ушел и старший брат Микеланджело, но сам он, в отличие от Леонардо, был привязан к власти. Страдая от идеологического контроля Реформации, Микеланджело писал: «Кто хочет работать по-настоящему, должен удалиться от забот, ибо талант нуждается в размышлениях, уединении, и спокойствии ума» (36), — и он, действительно, замкнулся в кабинете в стене своего дома на улице Гибеллина во Флоренции. Но это не предотвратило трагического конца. В 1563 г. цензура осудила обнаженность персонажей его росписи в Сикстинской капелле, их «прикрыл» в январе 1564 г. ученик Микеланджело Даниэле да Волтерра, а в феврале Микеланджело умер. Если эти уязвимые гении Ренессанса страдали от желанной власти и искали уединения, Акбар намеренно покинул не удовлетворявшую его власть ради своей собственной новой. Олицетворяя и власть и религию, он стремился объединить верования, найти путь к их Богам.

В уединении-хилват

Центральный в Фотихпур Сикри Государственный двор (Сахни Давлат) имеет на севере и юге полутемные *хилватхона*. В полумраке северного Зала частных приемов (Девони Хос), уединившись в центре, и с министрами в углах здания, Акбар позволял просителей к подножию своего трона. Южная *хилватхона*, как и у Бабура, соседствует с гаремом и канцелярией, и перед ней находятся библиотека и бассейн Анупталао. Ее в Индии и Пакистане называют по-персидски *Хвабгах*, а двор перед ним — *Хилватхона* (37, 38). На деле, второе должно быть названием помещения, а первое — названием двора. Во дворе в 1575 г. Акбар организовал дискуссионный форум, образно назвав его Ибодатхона (Дом молитвы): «У бассейна Анупталао Акбар, сопровождаемый несколькими придворными,

встречался с *уламо* и законоведами, веля вельможам садиться на востоке, *саидам* на западе, *уламо* на юге и *шайхам* на севере. Затем он ходил между сторонами и задавал вопросы» (39). В 1577 г., Акбар приказал построить в середине бассейна *худжру* с минаретом над ней (40), чтобы в этих суфийских убежищах испытывать себя. Этот двор и бассейн с четырьмя мостками к центральной платформе повторил Джахонгир в цитадели Лахора, назвав их *Хабга* (41) — сокращенное *Хвабгах*, то есть Двор спальни.

Ради суфийской простоты, *Хилватхона* Бабура представляла собой легкий деревянный павильон из народной архитектуры. У Акбара тоже ее каменная кровля подражает камышовым покрытиям хижин в Сикри. Шахджахан же предпочел тоже камышовые, но криволинейные, кровли-*бангла* хижин Бенгалии. За восточной стеной его сада Шалимар (1641 г., Лахор) — в лучшем из сохранившихся садов Темуридов — находится дворик с *банглой* в центре. Названный ошибочно «зоной прислуги и обслуживания» (42), этот дворик на самом деле являлся *Хилватгох*. В цитадели Шахджаханабада, *бангла* башни Мусамман обращена на берег реки Джамна, а *бангла* в Зале общественных собраний (Девони Омм) покрывает трон Шахджахана. Под этими суфийскими покровами император являлся народу и избранным.

43

В Сикри, неподалеку от павильона Бабура Джал Махал, Акбар построил тоже восьмигранный, но двухэтажный павильон, ошибочно называемый Хада Махал (43, 44): на арабском, написания Хава и Хада очень схожи, и легкая описка могла превратить одно в другое. *Хава* на древнетюркском значит любовь, страсть (45), — для них предназначалась эта *хилватхона* Акбара, — ведь другой павильон, пристроенный к зданию его гарема в Фотихпур Сикри, тоже назван Хава Махал. Джахонгир предпочитал использовать это слово как *Хаво* (воздух), поскольку страдал астмой. И, по образцу восьмигранного Хава Махал Акбара, он в 1620 г. построил павильон посреди огромного бассейна на своих охотничьих угодьях близ Лахора. Этот павильон в 1643 г. реконструировал Шахджахан, и дал ему имя Давлатхона (Дом государства) (46).

44

Хилватхона превратились из восьмигранных павильонов в башни цитаделей Темуридов над реками Рави в Лахоре и Джамна в Агре и Шахджаханабаде: «После вечерней молитвы и отдыха, Акбар направлялся в Шах *Бурдж* (Шахскую башню), где его ожидали философы, суфии, знатоки разных религий, и ученые. Император

проницательно комментировал или же начинал достойную для обсуждения тему» (47). Шах *Бурдже* назывался также *Мусамман* (Восьмигранный) и этим символизировал вознесение. В *Бурдже* Лахора Акбар обсуждал с министрами военные походы, постель Джахонгира и Нурджахон была усыпана лепестками роз, а Шахджахан и Аурангзеб собирали *Дурбары*. В цитадели Шахджаханабада, башни, дворцы и дворы орошались Райским потоком (Нахри Бехишт) из Джамны, — этим Шахджахан воплотил обещание Корана: «Истинно покорных Богу поселят в высокие дворцы над журчащими водами» (48). Исследователи искали смысл цитаделей Лахора, Агры и Шахджаханабада в церемониальных осях между их дворцами Навбатхона, Девони Омм и Девони Хос (49), не досматривая того, куда дальше вели эти оси, — а вели они к башням уединения, обсуждения государственной политики, и вознесения Темуридов.

5. Феминизация

*Я не мотылек, что гибнет мгновенно,
и от затянувшейся смерти страдаю словно свеча,
сжигающая себя ночи напролет.
Нурджахон в лахорской ссылке (1).*

Начав с *хилватхоны*, Акбар продолжил поиски «места молитвы», и нашел его в святилище Тантры, культа любви человека и Бога. С женщиной Тантры как с духовным партнером на пути к Богу, супружество тоже стало рассматриваться для постижения экстаза и божественного. Эксперименты Акбара распространились на его двор и приближенных. Роль женщины Тантры превзошла Нурджахон, супруга сына Акбара Джахонгира: ее стиль феминизировал архитектуру Темуридов, и Шахджахан возвеличил его в Тадж Махале.

Женщина — духовный партнер

Существенным фактором трансформаций архитектуры Темуридов стало вхождение в их жизнь иных женщин. Свадьба в 1562 году 20-летнего и 100%-ного тюрка Акбара на дочери Раджи Бехаримала из Амбера, будущей матери Джахонгира, объединила Дом Чингизхана и Темура с Домом Рамачандра (Рамаяны), и это способствовало сближению мусульман и индусов (2). Суфийское вознесение посредством сосредоточенности (*таважжух*) на духовном партнере, то есть тексте Корана или могиле святого (3), отныне обратилось и к женщине, поскольку «высшее для суфиев взаимопроникновение человека и Божества» (4) достигалось правившей северной Индией кастой раджпутов в ритуале единения мужчины и женщины «ради власти внешней, сверхестественной, божественной силы» (5). Еще в IX в. первого Ренессанса арабский суфий и теолог Абу Абдулла ал-Харит ал-Мухасибби внушал: «Любовь к Богу, в своей сути, есть просвещение сердца близостью к Возлюбленному, уединением с Ним. Но когда уединяешься и с Возлюбленной, радость единения переполняет, оставляя в стороне бренный мир и все, что в нем» (6). Его современник *шайх* Абу

Абдулла Мухаммад ибн Али ал-Хоким ат-Термизи связывал такое вознесение с характерами «мужей знания, мужей действия, и мужей мистической любви к Богу. Качество экстаза зависит от того, насколько они отбросят свои характеры. Лишь при этом условии исполняющие ритуал познают истину и подлинное откровение» (7). Акбар практиковал экстаз как во дворце Джахонгири Махал, построенном по *хонакох* Ахмада Яссави, так и в мавзолее Ходжи Муинуддина Чишти, известном ритуалами экстаза (8). Но экстаз в суфийских обителях вскоре стал для него недостаточным.

Еще до встречи Темуридов с либеральным статусом женщины Индии, подобное имело место в христианстве и исламе. Образ жрицы Марии Магдалины, готовившей Иисуса к обряду единения (9) был впоследствии запрещен Римской церковью (10), и Инквизиция XIII в. заменила этот образ Девой Марией как мать Иисуса (11). Но искусство продолжало изображать Христа в объятии Марии «скорее интимно и как мужчину, нежели как дитя» (12), — это демонстрирует скульптура «Богородица и дитя» (Италия, 1125—1150 гг.). Женщина вошла в миф о богине мудрости Софии (13), которая пришла и в ислам, и исмаилиты звали дочь Пророка Мухаммада Фатиму Софией, мать Иисуса. Один из столпов суфизма Ибн Араби (1165—1240 гг.) видел в женщинах «воплощение Софии, Божественной мудрости, потому что они вызывают любовь в мужчинах, которая в конечном счете направлена к Богу» (14). Лидер Реформации в Европе Мартин Лютер заявлял, довольно близко к Ибн Араби, что супружество учреждено Богом, поскольку воспитывает духовность и веру: «Нам нужно признать супружество сферой познания духовности. Сильнейшие стремления как друг к другу, так и к Богу познаются и испытываются в супруестве» (15).

Женщина Индии времени Ренессанса вдохновляла, как духовный партнер, тюркских и затем темуридских правителей на беспрецедентную архитектуру. Султан Мальвы Мухаммадшах Халджи построил своему 15000-ному гарему 100-метровой длины и двухэтажный Джахаз Махал (Дворец-корабль, 1469 г.) между двумя озерами столицы Манду (16). Тремя просторными залами, четырьмя комнатками между ними, и бассейном на севере, этот дворец дал начало типологии таких сооружений Индии XV—XVII вв.: правитель Биджапура 1490—1510 г. Юсуф Одилшах построил свой «Джахазал» близ цитадели надо рвом с водой (17), а дворец Ман Сингха в Гвалиоре имеет для женщин «плоскую кровлю с павильонами, как в Джахаз Махал» (18). Джахаз Махал был захвачен в 1535 г. Хумаюном (19), а в 1560

г. Акбаром, трижды посещавшим Манду. Из дворцов вокруг озер, тот, что называется Хава Махал дал имя павильонам Акбара в Фотихпур Сикри. Джахонгир реставрировал Джахаз Махал, приезжал сюда с Нурджахон праздновать Навруз и Шаби Барат (Ночи полной луны): «Он оставался в Манду более семи месяцев, например с марта по октябрь 1617 г. «В четверг вечером, в Шаби Барат, — вспоминал император, — в одном из залов расположенного посреди озер дворца Нурджахон Бегам, я созвал *амиров* и придворных на организованный Бегам пир, и приказал служивым нести любые требовавшиеся гостями пьянящие напитки. А поскольку требовали многие, я велел, чтобы они сидели согласно своему рангу и самочувствию. Я приказал разложить всевозможные жареные мяса и сочные фрукты, и то был потрясающий пир. В начале вечера на обоих озерах и в их дворцах зажгли фонари и лампы, и в их мерцании воды прудов казались огненной долиной. Покутили на славу, и пьянчужки набаловались вдоволь» (20).

Покорность Богу

Ночь трактуется Кораном особо: «Днем вы поглощены мирскими делами, но покров ночи усиливает впечатления и красноречие» (21). Ночными грезами, божественными приметами, и их толкованиями полны воспоминания Темура (22). Ночь увела 20-летнего Акбара из цитадели Агры на другой берег Джамны, где у могилы воина армии Газневидов ночами собирался всякий люд. При всей маскировке, вспоминал Акбар, «внезапно какой-то босяк узнал меня и огласил это. Я скорчил гримасы и потому во мне не уверились. Ускользнув, я вернулся во дворец» (23). «Существует необъяснимая словами связь между Творцом и человеком» (24), — объяснял Акбар. «Человека с неразвитым сознанием мучают перемены духа и, чтоб не впасть в безутешность, он ищет радости в празднествах. Осознание возвышенного отдаляет как печаль, так и радости. Печаль одолевает тех, кто стремится опередить судьбу или желает сверх предначертанного» (25). Поэтому, «Его Величество созывал отовсюду йогов на ночные дискуссии. И те ночи звались Сиврат. Император ел и пил со старшим из йогов, обещавшим ему долгую, в 3—4 раза длиннее, жизнь. И Его Величество полностью верил ему» (26). Акбар придерживался строк Корана о тех, «кто сдерживает плотское желание (разве что с женами и рабынями, ибо они законны: грешники же те, кто возжелает других)» (27). Соблюдая это и чтобы познать возвышенное, он обратился к индийскому культу Тантра, предлагавшему больше, чем суфизм, для пытливого ума и тела. «Не удо-

влетворяясь внешней видимостью религии, Акбар искал находящуюся за ней духовность, поскольку каждая религия богата своим ее пониманием» (28).

Заждавшись рождения наследника, 27-летний Акбар привез жен из Агры в Сикри в *хонаках* для благословений *шайха* Салима Чишти. Ожидание Акбара и его интерес к культу плодovitости Тантре выразились в эротических символах архитектуры Фотихпур Сикри. В виде дерева плодородия изображала доисторическая цивилизация Хараппы рождающий орган, Тантра же изображала мужской орган как змею, извергающуюся из пасти дракона, (29, 30), — эти представления воплотились в змееподобных колоннах тантрических храмов Индии (31). Объятие индианками ствола «древа жизни» или «древа творения» ради его сока (32), равно как и почитание тюрками и монголами господских деток как «рожденных золотым столбом» (33), произошли от прославления мужского органа. Древоподобный трон Акбара в Фотихпур Сикри возродил символ плодородия Хараппы, а его ветви уподобились змеям Тантры. Змеевидные ветви, очевидно, исполнены каменщиками, создавшими подобные подпорки в минаретах мечети Джума в Ахмадабаде. Абстрактные в троне Акбара, змеи Тантры исполнены детально в соседнем Павильоне Казначей: извергаясь из пасти дракона, они возвещают о рождении в 1569 г. долгожданного наследника, Джахонгира, в *хонаках* Салима Чишти.

В Бенгалии этого времени прославился Шри Чайтания (1486—1534 гг.), проповедовавший «восторженную любовь» молочницы Радхи и бога Кришны (34). Основав в городе Вриндаван группу богословов, звавшихся Шесть Госвами, Чайтания возглавил духовный Ренессанс Индии XVI века. Вриндаван стал центром культа Кришны, «и сюда в 1570 г., для небывалой встречи с прославленным Дживой, одним из шести братьев Госвами, прибыл Акбар» (35). «Джива Госвами (1511—1596 гг.) отождествлял Бога и Кришну, а эротическую любовь к Кришне проповедовал как подчинение Богу, высшее благо для человека в его земной юдоли» (36). Встреча завершилась характерным для той эпохи стремлением к просвещению: было решено построить библиотеку во Вриндаване (37). Акбар вернулся в Фотихпур Сикри с обновившимся мировоззрением, ибо велел двору приближаться к нему, простираясь по земле, — как к Богу. Этот ритуал Тибета символизировал безоговорочное подчинение (38).

Святилище

«Твердо уверовав в действенность культа Тантры» (39), Акбар в центре своего дворцового комплекса построил пятиэтажный Панч Махал. Его считали «фантастическим творением» (40), мечетью (41), символическим зданием безо всякой функции (42), дворцом, мемориалом, театром, жилищем, местом кремации, водонапорной башней, ритуальным сооружением (43). Р.Нат высказал мысль, что восточный фасад имел окно-*джарокху* для утреннего явления Акбара придворным (44). И последняя гипотеза: из Панч Махала женщины гарема наблюдали за мужчинами во Дворе государства (45). Поскольку с высоты Панч Махала просматриваются террасы гарема, он не мог быть мечетью или *джарокхой*. Ключом к пониманию является коридор над землей, ведущий из южной *Хилватхоны* Акбара как к гарему, так и к Панч Махалу, и спускающийся также к зданию Гостиной при гареме.

Подобный горе Панч Махал произошел от святилищ Индии, но без их скульптур и только в каркасе, подобно кочевнической архитектуре монгольских предков: Акбар поклонялся солнцу, как Чингизхан, и заказал иллюстрированную рукопись «Чингизнома» (1596 г.) (46). Мир монгол сформировал пришедший к ним из Индии и Китая буддизм. В этом мире были пять священных гор: одна в центре и четыре по краям. Поэтому, на монгольских кочевых стоянках шатер хана окружали четыре *орда* — шатры четырех жен, а город Каракорум стал центром четырех ханств монгольской империи. Буддизм трактует гору как плоть женщины, а ритуал вознесения в ней — как взаимопроникновение, которому обучали ютившиеся в горных пещерах мудрецы (47). Такое интимное святилище-гора является противоположностью распахнутых массам народа «христианской церкви или мусульманской мечети. Во мраке святилища молящийся уединяется с образом божества и его подсознание возносится к просвещению» (48). Название Панч Махал произошло от пяти («панч») этапов ритуала Тантры в пятиэтажных храмах штатов Тамил Наду и Орисса. У Панч Махала Акбара есть конкретный прототип — расположенный в городе Махабалипурам храм династии Паллавас (IV—IX вв.), посвященный Шиве. Потребление вина, рыбы, мяса, зерновых и конопли, а также ритмы заклинаний (49) превращали совершавших ритуал в Бога плодovitости Шиву и его Богиню Шакти (50). А змея Кундалини символизировала их союз: «Когда Кундалини выпрямится и энергии высвободятся, удовольствие превратится в блаженство просвещенного сознания» (51).

Тантрического Акбара знали придворные и широкий люд. Придворные писали, что «в 1578 г. с Акбаром произошел необычайный случай. Он внезапно отменил только начавшуюся охоту. Некоторые даже подумали, что у Его Величества, мастера телесной и духовной любви, произошло нежное сношение с невидимыми существами» (52). У Панч Махала, на клетчатом мощении Двора государства, Акбар играл древнюю игру Пачиси (53), и акварель XIX в. «Акбар играет с женщинами в Пачиси» (54) изображает это, видимо, по воспоминаниям потомков придворных. А раджастанская миниатюра начала XVIII в. «Кришна на весеннем празднике» (55) показывает, как молва связала Акбара с культом Кришны. Кришна изображен с молочницами в роще у дома Радхи. На крыше дома — павильон под темуридским ребристым куполом и на древовидном основании, как в троне Акбара.

Познавая мудрость Индии из «Мадхар» (1579 г.) и «Аллопанисад» (1580 г.), Акбар велел перевести и эпосы «Махабхарата» (1582 г.) и «Хариванша» (1584 г.), «утверждая искания человека, а не традицию, как единственную основу религии» (56). Он также велел перевести на персидский произведения христианства, а для своего двора ввел *Дини илохий* (Божественную религию, 1582 г.) как свод правил поведения с целью объединить духовные ценности индуизма, ислама и христианства (57). Только 17 придворных последовали *Дини илохий*. Ожидая этого и от раджпутов, «император рассчитывал в первую очередь на исповедовавшего либеральные взгляды Раджу Ман Сингха (1550—1615 гг.). Тот построил в 1590 г. во Вриндаване знаменитый храм Говинд Дева для культа Чайтании» (58). «Приуроченный к 34-му году правления Акбара» (59), храм отмечен и исламским стилем, но дальше этого дело не пошло, и Раджа не принял *Дини илохий*. Похожая реакция раджпутов видна и во дворце Говинд Миндир (1620 г.), построенном Бир Сингх Део в Датия. Этот типично тюркский *кешик* с четырьмя угловыми башнями содержит во дворе пятиэтажную башню культа Тантры. Вокруг такого двора мужчин (называвшегося *мардана*) в раджпутских дворцах жили жены и наложницы, которых тайные коридоры вели в покои государя (60). В Говинд Мандир тоже, гарем (или *зенана*) соединен четырьмя мостками с пятиэтажной башней обоженного государя для празднеств Тантры с танцами, музыкой, едой и вином. Дворец был построен в ожидании визита Джахонгира, — точно так же, как визита Темура ждали вокруг Самарканда сады его жен. Задуманный для уникального увеселения и ритуала, Говинд Мандир пустовал, и ни одна из правивших семей в нем не жила.

Женщина — архитектор

49

Предназначение женщины Тантры превзошла Мехринисо — родившаяся в 1577 г. внучка визиря Хорасана Ходжа Мухаммад Шарифа и дочь казначея Акбара Мирзо Гиесбека, титулованного Этимод уд-Даула (Доверие Государства). Джахонгир ликвидировал мужа Мехринисо, генерала армии Шер Афгана, и женился, титуловав ее Нурмахал Бегим (Светоч Дворца) и позже Нурджахон Бегим (Светоч Мира). «До Нурджахон, ему была неведома духовность супружества» (61). Именем Джахонгира, она поднялась с 1616 по 1627 гг. до министра финансов (62), «управляя из-за гаремного занавеса» (63). Супруге Джахонгир подарил сад Бабура Гулафшон (Усыпанный цветами), и та переименовала его в Боги Нурафшон (Сад, излучающий свет), построив Махтаби над берегом реки Джамны. Махтаби в кочевом лагере Акбара представлял собой огороженное матерчатými перегородками (90x135м) пространство для частных приемов, в центре которого был трон на платформе, звавшейся Намгира (64). Махтаби Нурджахон имеет в центре бассейн с платформой Намгира, поскольку страдавший астмой муж нуждался в просторе и прохладе. На ее родине, в Хорасане, в месяц Рамазан ночами играли в *оташ бази* (фейерверк), разделившись на две группы и разжигая бенгальские огни, *мохитоб* (лунный свет) по-персидски (65). Вдохновившись этим, Нурджахон сформировала Махтаби тоже из двух — северного и южного — зданий для церемоний, банкетов, и канцелярии. Их три открытые и полные воздуха *айваны* перемежаются с интимными комнатками, какие были во дворце Джахаз Махал. Так, вслед за Акбаром, и Нурджахон содействовала переходу Темуридов от кочевой матерчатой к стационарной каменной архитектуре. Джахонгир о временах в Махтаби сада Боги Нурафшон: «В марте 1621 года, в среду, в окружении дам в лодке, я поплыл в сад Нурафшон, и отдохнул там ночью. Поскольку это сад Нурджахон Бегам, в четверг она устроила прием в ознаменование начала 16-го года моего правления и одарила прибывших туда» (66).

В кочевом лагере Акбара длиной в два километра к западу от Махтаби находилось ядро лагеря — огороженная круглая территория с тентом посредине и 12 уютными палатками по периферии. «Эта территория звалась Его Величеством по-чагатайски Ибачки» (67). Подобные командные пункты из центрального и окружающих тентов монголы звали *кюриен* (круг) (68), а обычные стоянки тюрки называли *ййлов* или *ййлак*. Поскольку стоянки означали женщину и гарем, чагатайское Ибачки произошло от *эб* (по-

древнетюркски: жилище, хозяйство, лагерь) и *эбчи* (женщина, жена) плюс суффикс принадлежности *ки* (69). В Ибачки Акбар общался как с мужчинами из запада лагеря, так и с женщинами из его востока. Палатки Ибачки Нурджахон трансформировала в стационарную архитектуру достаточно гибко. Выйдя за Джахонгира в 34 года, в 40 лет она еще превращала палатки в каменные комнатки, подобные тем, что видела в Джахаз Махал; но в 50 лет и в зените власти она повторила два здания в саду Хасан Абдал (в 12 км от исторической Таксилы) уже без комнаток. Нурджахон изменила композицию темуридского сада: подражая Джахаз Махал в саду Бабура, она затем развернула подобные здания на центральной оси сада Хасан Абдал, — подчеркнув как трон императора в пространстве Махтаби, так и свою высшую власть.

Первая Леди поощряла в декоративном искусстве стили Хорасана и Италии, вводя новые покрои платьев со знаменитыми кружевами *Кинари* (70), модными до конца XVII века (71). В мавзолее ее брата Асаф Хана, поверхность купола отделана «изящным переплетающимся рельефом на штукатурке, напоминающим проникавшие во дворцы Индии ткани из Италии» (72). Кружева Нурджахон стали беломраморными в мавзолее ее отца, и затем — как гигантские кружевные платки — украсили своды четырех айванов Тадж Махала. Так она феминизировала стиль архитектуры Темуридов, который до этого уже смягчался от воинственности первых тюркских династий Индии к меланхоличности Бабура.

В 1627 г. она похоронила Джахонгира в своем саду Дилкушо (названном как сад жены Темура) и была сослана сюда же в Лахор Шахджаханом. Когда пришло и ее время уходить, ей не позволили быть похороненной рядом с супругом: скончавшуюся в 1638 г. Нурджахон упокоили в отдаленном углу сада в мавзолее, скромно повторившем стиль мавзолея ее супруга, и ложе смерти она разделила с дочерью от первого брака. В мир иной эта творческая женщина ушла в восхищающем стиле. «Мраморный саркофаг был подлинным произведением искусства, того же размера и качества, что и над Джахонгиром и Асаф Ханом. Однако, его разграбили. Сводчатые помещения мавзолея были покрыты мрамором и декорированы цветочными мозаиками, но и они были содраны Ранжитом Сингхом. И сейчас это ободранное одноэтажное здание. В его центре — два надгробия: Нурджахон и Ладли Бегам, ее дочери. Когда Ранжит Сингх посрывал со здания его бесценные орнаментальные плиты, он опустился до такого варварства, что

ворвался и в подземную камеру. Там, взору открылись подвешенные на железных цепях два гроба. Цепи безжалостно сорвали, а гробы закопали в землю. И, со взломанными дверьми, камеру бросили на осквернение диким зверьем» (73).

Времяпровождения с женщинами теряли прежний дух поисков Бога, и в них уже не видели прежнего духовного партнера. «Отличия суфийских орденов стали размываться, а ученых и теологов в *хонаках* вытесняли ленивые и безграмотные дервиши. Празднества в суфийских приютах Шахджаханабада собирали горожан и пилигримов денно и ночью. Декламировавшие священные тексты смешивались в них с искавшими развлечений и попросту зеваками, с красотками и извращенцами, и святое смешивалось с вульгарным, а благочестивое с похотливым» (74). «Когда Мухаммадшах (1720—1748 гг.) посещал индийские праздники Холи, этот потомок Акбара, казалось, продолжал, хотя и несколько поверхностно, мечту о сближении индусов и мусульман, начатую полтора века до того в Фотихпур Сикри» (75). В ранние годы его правления влиятельной стала дочь придворного мага Рахматунниса. Вскормленная с императором одной матерью, она в гареме и дворце предсказывала будущее, а умом и влиянием стала хранительницей императорской печати (76). Миниатюра придворного художника Читарама «Мухаммадшах в любви» (1720—1730 гг.) (77) изображает ее с императором подобными паре змей-*нага* из буддийского рельефа VI—VII вв. В рельефе змеи возносятся сквозь облака к небесному дворцу.

Миниатюра же изображает реальный Павильон Саван с его стеновыми панелями-*изора*, колоннами и с водоемом в саду Хаэт Бахш (Дарующий жизнь) цитадели Шахджаханабада. Так, Темуриды лишили тантрические небесные дворцы мистики и построили их на земле для своих полетов. Павильон Саван с соседней небольшой императорской мечетью Моти и баней-хаммом образуют ось, параллельную оси главных дворов цитадели. В Фотихпур Сикри ось гарема тоже параллельна оси главного Двора Государства. В этих параллельных вторых женских осях императоры искали духовное спасение.

6. Спасение в Фотихпур Сикри

*Когда меня опустит смерть во тьму могилы,
«Прощай», — все скажут, и я один останусь,
Таращась, змеи выползут и скорпионы,
И, обессилев, я не найду спасения.*

Ахмад Яссави (1).

Спасение, то есть освобождение души от наказаний за грехи, гарантировалось жителям праведных городов типа Бухары. Акбар же искал собственную концепцию спасения в Фотихпур Сикри, спланированном как монгольский город и застроенном сельджукидскими дворцами, тантристским Панч Махалом и флорентийским «летающим коридором». Намереваясь объединить религии, император преследовал роль духовного лидера. Для этого, в его тронах, как потом и в тронах Шахджахана, использовались символы Средней Азии, Ирана, Индии и Европы для демонстрации единства с Темуром и Богом.

Божий суд

Избавлению от грехов перед Божьим судом Акбар мобилизовал все, включая самое последнее из Европы, ибо спасение души повергало в отчаяние как духовного отца Темуридов Ахмада Яссави, так и Мартина Лютера (1483—1546 гг.), профессора теологии университета Виттенберга, Германия. Лютер смотрел на Азию тюрков тревожным взглядом: захват ими Константинополя развил в нем опасения относительно воздействия тюрков на европейцев. «Никто не останется в своем вероисповедании, проведи он хотя бы три дня с тюрками» (2), — предупреждал Лютер в обоснование своей озабоченности. Поэтому, он призывал к спасению не столько посредством самосовершенствования, сколько посредством совершенствования веры, — а это было весьма актуально и для Темуридов Индии.

«Движение к совершенствованию Римской католической церкви было начато Мартином Лютером в 1517 г. как эра Реформации (1517—1555 гг.)» (3). В начале этой эры Бабур сражался за свое краткое правление (1526—

1530 г.), тогда как его внук Акбар (правил в 1556—1605 гг.) пожинал плоды Реформации, и потому цели Лютера повторились в целях Акбара. «Лютер был озабочен спасением. Покаяния, посты, молитвы, таинства, — он испробовал все, но ничто не давало покоя» (4), ибо «Бога следовало славить в доме, школе, на работе, — и такая проповедь святости всех занятий человека, какими бы скромными они ни были, стала величайшим вкладом Лютера в христианское сознание» (5). Поэтому и Акбар стал примирять религии в невиданной архитектуре Фотихпур Сикри. Общественное спасение начиналось с готовности к самоотречению, «с милосердия и безоговорочной любви» (6). И вершиной этого для Лютера, как и для Темуридов Индии, было «удостоиться объятия Бога и начать совершенствоваться в этом объятии» (7).

Европа увидела в Лютере избранника Бога, а «правовверные Индии видели воплощение Бога в Шри Чайтании (1486—1534 гг.)» (8). У них Акбар учился тому, как подготовиться к требованиям Всевышнего. «Чайтания, как Бог восторженной любви, возглавил духовный Ренессанс Индии: ненасильственное гражданское движение неповиновения смело кастовую систему, побудив людей перейти социальные барьеры и начать совершенствоваться» (9). Реформация открыла путь к XVIII-му веку Просвещения человека, опиравшегося на разум, критическое суждение, свободомыслие и веротерпимость (10). На этом пути европейцы обратились к человеку и миру, обогатив, таким образом, общество; а азиаты обратились к Богу и секретам любви к Нему, обогатив, таким образом, душу (11). Если ради спасения Ренессанс X—XII вв. распространял модель Бухары как «купола ислама», то Ренессанс XIV—XVI вв. признал спасением личный свободный выбор. Поэтому Акбар начал строить новый Сикри, объединяя модели своих предков с моделями мировых религий.

От монгол к Козимо I

Начал Акбар с совершенствования своей кочевнической архитектуры. Он путешествовал по империи четыре месяца в году, и каждая разбивка лагеря была градостроительным подвигом. «Военные лагеря были сборно-разборным вариантом дворцов и являли собой тщательно спланированные крупные поселения с двухэтажными башнями, множеством шатров, базаров, библиотек, мастерских, ферм, охотничих угодий и, как всегда, тысячами и тысячами людей. Они кишели верблюдами и слонами, несущими

боеприпасы, горы тканей, сена, или добычи. Повсюду от шатра к шатру шныряли служки с произведениями искусства для императорского двора или же с письмами и сплетнями. А за лагерем целая армия крестьян растила стада овец и поля кукурузы и риса, близ которых в хижинах из бычьего навоза ютилась солдатня из низших каст. Ближе к центру сходились типично индийские базары. Стеклорезы и проститутки, мастера шатровых и золотых дел, святоши, — всякий столичный люд сновал и здесь. В центре лагеря, под защитой ограды и сторожевых вышек, располагались императорские кварталы. Вокруг них были шатры для вяленой рыбы и сухофруктов, селитры, для императорского бетеля и гашиша, и здесь был также шатер, в котором монарх, покинув любую битву, молился пять раз в день. Вокруг этих войлочных шатров жила знать с женами и детьми, а также придворные, военачальники и их служивые. При победе или поражении на поле брани, — всему лагерю надлежало в один день тронуться вперед или же отступить назад к следующему месту действия» (12).

Описание лагеря Акбара его историком Абу-л Фазлом исследователи пересказывали на свой манер (13) и меняя положение его частей (14, 15). Поэтому, проясним это описание с помощью примеров из Средней Азии, Монголии, Индии и Турции. В центре лагеря была огражденная территория Гулал-бар, изобретение Его величества, — начинает Абу-л Фазл. Ее сторона была не менее 90 м (как в такой же огражденной территории лагерей Монголии). На востоке лагеря стоял шатер Чубин Раоти, обнесенный перегородкой *саранарда* из тканей или ковров. К нему примыкал двухэтажный павильон для молитв Его высочества и Его утреннего явления придворным (об этом — в Главе 3). У его ограды, в 24 огражденных чубин раоти, жили любимые жены. Были павильоны и шатры для слуг. Близ них, в ограждении из ковров были несколько шатров для *урду-беги* (знатных женщин) с их служанками. Далее, вплоть до зала частных приемов Девони Хос, находилось огражденное пространство Махтаби (о нем — в Главе 5). На его центральной платформе Намгира, под покрытием на четырех стойках, Его величество вечерами принимал близких. К Гулал-бару примыкало круглое ограждение с 12 отсеками и с Чубин Раоти в центре; это место с уютной палаткой в каждом отсеке называлось Ибачки (о нем — в Главе 5). Вблизи, в центре *саранарды* с 72 комнатами, был зал частных приемов Девони Хос. А за залом общественных приемов Девони Омм возвышалась Ногорахона. Лагерь Акбара освещала огромная лампа на высоком столбе, звавшемся Акас-дия (16), — она светила и над лагерями Оттоманской империи (17).

Тринадцать лет (1572—1585 гг.) жил Акбар в Фотихпур Сикри, который называли кочевническим лагерем в камне (18). Но, в отличие от протяженного лагеря, Акбар спланировал город компактным, поскольку верил, что «город должен быть местом, в стенах которого население слышало бы ночью голос средней громкости»

53

(19). План Фотихпур Сикри несколько вытяжен с востока на запад подобно монгольским городам, следовавшим траектории солнца. В середине плана на каменной гряде высится дворцовый комплекс Акбара подобно дворцу Чингизхана на насыпной платформе в центре Каракорума (20). Дворцовый комплекс спланирован как монгольский ламаистский монастырь. Чингизхан принял ламаизм, эту форму буддизма, из Тибета (21), в

54

XIII—XVI вв. ламаизм учил монгол Тантре (22), и потому монастыри стали центрами этого культа (23). Дворцовый комплекс состоит из трех смежных дворов, как в малом ламаистском монастыре. Двор государства спланирован как Главный двор монгольского монастыря. Девони Хос высится на севере как «Главный храм» монастыря, Панч Махал и вход в Девони Омм — как «Боковые храмы» монастыря, центральный Павильон для еды и напитков — как «Священный алтарь» и, наконец, духовный центр Ибодатхона с *минораи-баланд* (высоким минаретом) для суфийских экспериментов Акбара — как «Сигнальная башня» монгольского монастыря. В монгольском монастыре, с севера на юг двора идет ось, называвшаяся «Высокий путь», — во Дворе государства она ведет от Девони Хос к южной *Хилватхоне* Акбара. Заканчивается монгольская ось на юге «Священными воротами», — а у Акбара здесь располагалось *Окно-джарокха*, из которого он являлся народу.

55

На этом монгольском ламаистском плане Акбар разместил тюркские типы зданий. Его Девони Хос произошел от одноименного здания для государственных служащих империи Сельджукидов XI—XII вв. Близ Девони Хос располагается Хазинай Хос, то есть Казна, откуда выдавались почетные халаты, украшенные серебром шапки, золоченые сбруи, пояса, инкрустированное драгоценными камнями оружие, и т.п. (24). На сельджукидском блюде XII—XIII вв. изображены султан и приближенные с подобными почетными парчовыми повязками. В соответствии с таким церемониалом, и Бабур награждал узбекских и индийских послов почетными одеждами с

56

шелковыми пуговицами (25). Акбар же совершал этот церемониал в Павильоне Казначей, что стоит перед Хазинай Хос. В Хазинай Хос повторено построенное Акбаром в 1566 году зда-

ние Джарокха Давлатхона Хосу-Омм в цитадели Лахора (26): оба здания состоят из трех прямоугольных помещений с галереями по периметру, — такими были шатры Сельджукидов, и Акбар обратил их в каменные дворцы. В Девони Хос, в присутствии приближенных, Акбар молился солнцу, как это делал Чингизхан. Затем, по Двору Государства, он направлялся, по «Высокому пути», на юг в *Хилватгох* и Дафтархону (Канцелярию), чтобы из окна-*джарокха* сообщить народу волю Всевышнего.

И вот в этот тюрко-монгольский ансамбль Акбар вводил то, что узнавал из Европы. Там на 20 лет ранее Акбара родился и в 1537—1574 гг. правил Флоренцией Козимо I. Он был из семьи Медичи, миссионеры и торговцы которой несли произведения Ренессанса в Индию (27). Интерес был взаимным: в *мактабхоне* Фотихпур Сикри переводились книги на хинди, арабском, тюркском, персидском, греческом (28) и, очевидно, других европейских языках. Козимо I стал европейским образцом для Акбара.

Демонстрируя единство семьи Медичи с отцами Флоренции, Козимо I переехал в 1540 г. из семейного палаццо на севере города в Палаццо делла Синьория в его центре. И Акбар тоже, для самоутверждения, переехал в 1570 г. из Агры в Фотихпур Сикри. Козимо I немедленно перестроил Салон Пятисот, в котором заседал городской Совет и, чтобы совершенно стереть память о нем, он возвел здесь платформу для себя и своих приближенных. Эти работы завершились в начале 1560-х гг. А в 1564 г. Акбар начал в Сикри строительство мечети Джамии с платформой между молельным залом и двором для той же цели — выделить Темуридов и их окружение от остального народа. Затем, платформы были возведены в мечетях Биджапура (1570 г.), Вазирхана (1634 г.) в Лахоре, и Джамии (1650—1656 гг.) в Шахджаханабаде.

57

В разрастающейся и уплотняющейся Флоренции Козимо I решил собрать городские и областные учреждения в новом здании Уффици (Конторы), построенном Джорджио Вазари в 1560—1580 гг. А для свадьбы своего сына и австрийской принцессы, он начал строить с 1565 г. «летающий коридор» из Палаццо делла Синьория сквозь Уффици и над мостом Понте Веккио через реку Арно к величественному Палаццо Питти на юге города. «Его хождение в этом коридоре буквально над головами своих сограждан продемонстрировало еще раз абсолютную власть Козимо I, высматривавшего отныне каждого флорентийца в людных улицах и лавках, — при этом сам он оставался невидимым» (29). В это же время, с 1568 г., Акбар тоже, ради рождения своего первенца Джахонгира, зачастил к Салиму Чишти

в Сикри и затем развернул здесь строительство города. Оба монарха из семей Медичи и Темуридов начали осуществлять свои градостроительные мечты одновременно. Познания из Европы Акбар использовал для достойного приема ее посланников в Фотихпур Сикри и демонстрации им своего расширившегося миропонимания.

Новое место молитвы

Случаи мистического экстаза Акбара, — когда он внезапно покинул лагерь при штурме Манкота в 1557 г. (30) или отменил охоту в 1578 г. ради часов уединенных раздумий (31), — напоминают происходившие с Лютером сверхъестественные явления. «После дурных предчувствий в начале 1532 г., Лютер серьезно заболел, и лекарь установил апоплексию с фатальным исходом. Лютер наверняка испытал психические отклонения, но использовал их для самовозвеличивания. К самовозвеличиванию склонны наиболее преданные вере души» (32). Поэтому, и случаи экстаза Акбара были демонстрацией им собственного пути к спасению без посредничества духовенства. Лютер критиковал власть Папы, безбрачие священников, и рекомендовал верующим самим изучать Библию. Все это конкретно отозвалось и в свободомыслии Акбара, выражением которого стала и его архитектура.

Ради самовозвеличивания Акбар заимствовал коридор Козимо I, «переставшего быть человеком из народа, какими были первые Медичи» (33). Акбар превратил коридор в свою персональную тропу к спасению в ритуале Панч Махала — этой кульминации дворцового комплекса Фотихпур Сикри. У коридоров Козимо I и Акбара — женские начала: коридор Козимо выходит из апартаментов его жены Элеоноры, а коридор Акбара выходит из его гарема. Направляются коридоры тоже одинаково: первый «летит» к рынку на мосту Понте Веккио, второй же — к базару на севере дворцового комплекса Фотихпур Сикри. Как и во Флоренции, коридоры Фотихпур Сикри имеют квадратные окна, но надстроены индийскими павильонами-*чхатри*. Если дворцовый комплекс Фотихпур Сикри был для женщин и дозволенных мужчин, то коридоры над ним были только для Акбара и избранных им женщин.

58

Следующее как будто сказано об Акбаре: «Построив Храм, он затем тринадцать лет посвятил строительству дворцового комплекса с его резиденцией и резиденцией его царицы. Собrania и государственные торжества

проходили в огромном зале. В другом зале он вершил суд и принимал послов. Там на возвышении стоял раззолоченный трон» (34). Это, однако, — о царе Соломоне (1000—928 гг. до н.э.), давшем Израилю 40 лет (972—932 гг. до н.э.) мира и благосостояния. Соломон являлся авторитетом для Акбара, Джахонгира и Шахджахана. Исход племени Соломона в XIV в. до н.э. из Египта на Землю обетованную Акбар, видимо, уподоблял приходу Темуридов с XIV в. н.э. из Средней Азии в Индию. Оба народа были кочевыми, и Акбар учился у Соломона, объединившего семитские племена вокруг веры в единого Бога и обновившего их кочевые лагеря. В пустыне Израиля Соломон построил Храм молитвы (960—953 до н.э.) в виде кочевнического переносного святилища, — и Акбар тоже в глуши Сикри возвел по-кочевнически обнаженный каркас Панч Махала. Дворцовые комплексы Соломона и Акбара одинаково ограждены каменными стенами, имитирующими кочевнические тканевые перегородки. А их Храмы молитвы одинаково возвышаются у западной стены Главного двора, и за этой стеной одинаково расположены их гаремы. Во всех этих деталях Акбар очевидно следовал Соломону. Соломон соблюдал культ плодородия Баал, критиковавшийся его религиозными лидерами, — Акбар тоже экспериментировал с культом Тантра, чуждым его ортодоксальным *уламо*. В результате, подобно Храму молитвы Соломона в Иерусалиме, Панч Махал Акбара поднялся в Фотихпур Сикри. Лишь один фактор разъединял этих лидеров: в отличие от племен Соломона, народы Акбара говорили на разных языках.

По этой причине, с прибывавшими в Фотихпур Сикри миссионерами из Европы Акбар обсуждал истинную веру, подчиняя своим поискам и архитектуру разраставшегося города. В апреле 1584 г. два англичанина сравнивали: «Фотихпур Сикри больше Агры, разве что дома и улицы не так хороши. Дорога между этими городами так заполнена базарами, что создает впечатление пребывания в одном городе, превосходящем Лондон» (35). Эксперименты по спасению души прервала необходимость спасения империи: несмотря на обмен посольствами в 1570—1580 гг. с правителем Мовароуннахра Абдуллаханом II, Акбар видел угрозу северо-западным территориям империи и, по этой причине, покинул Фотихпур Сикри в 1585 г., и переместился на север. Следующие 13 лет, «из Лахора, Акбар не только отражал атаки узбеков, но и присоединил к империи Кашмир, Синд, Белуджистан, и Кандагар. В 1598 г. узбеки отступили, и Акбар перебросил войска в южную Индию» (36). Вторая португальская миссия была во дворе Акбара весь 1591 г., а третья — с 1595 г. вплоть до его смерти в

1605 г. (37). Наряду с почти победным сообщением одной из миссий о кризисе Акбара, — «Акбар открыто оставил ислам и в 1601 г. дал подчиненным письменное разрешение принять христианство» (38), — существует более благоразумное заключение Отца Джерома Хавьера 1605 г.: «Неясно, какому закону он следует, ибо в своих поступках он не является мусульманином. Больше мусульман он приветствует в своем дворе язычников с их суевериями, и тем не менее, его нельзя причислить и к ним, ибо поклоняется он истинному Богу, творцу неба и земли, да еще и Солнцу» (39).

Свободомыслие Акбара увело его в языческие культы, существовавшие до возникновения религий, давших человеку «внешнюю пышность и церемонии» (40) без поисков самовыражения. В своих поисках спасения в Фотихпур Сикри Акбар познал и заимствовал от Индии и Европы, Соломона и Чингизхана. Он покинул Джахонгири Махал Агры в поисках рекомендованного Кораном «места молитвы» и нашел его в Храме молитвы. Это святилище сближения религий и спасения души стало кульминацией ансамбля Фотихпур Сикри.

Новые троны

Для спасения в «объятии Бога» тронам Темуридов следовало быть местами божеств. Акбар поначалу восседал в Фотихпур Сикри как Бабур — в восьмигранном павильоне, изображенном в «Акбарнома» на миниатюре «Хоссейн Кули Хан дарует Акбару пленных из Гуджарата» (41, 42). По левую руку Акбара лестница спускается в колонную галерею, — он повторил ее и под тронем-*джарокха* в цитадели Лахора. Эту *джарокху* в 1605—1617 гг. расширил Джахонгир, и повторил такое решение в Манду (43).

После визита первой португальской миссии, Акбар пересел на трон, подобный кафедре для проповеди. В 1428 г. в городе Прато близ Флоренции такую кафедру вынесли в угол собора, к центральной площади, чтобы демонстрировать пилигримам реликвию Священный Пояс. В 1434—1438 гг. скульптор Донато де Барди и архитектор Микелоццо ди Бартоломео украсили ее бронзовым рельефом Паньо ди Лапо Портиньяни и Мазо ди Бартоломео. Работами руководила промышленная корпорация Арте делла Лана — возвестник капитализма и поставщик искусства итальянского Ренессанса в Индию. Она, в частности, одевала требовательного к моде Акбара, «носившего в 1595 г. в Лахоре ха-

лат с изображением Девы Марии с одной стороны и Божьего Агнца с другой» (44). Агнец был эмблемой корпорации Арте делла Лана. И Акбар не только одевался, но и строил от Арте делла Лана. Построенную ею кафедру в Прато он трактовал как свой древоподобный трон, ибо Темуриды обычно изображали себя сидящими в кроне дерева Совершенными личностями (*Инсонн комил*). Кафедра от Арте дела Лана подсказала Акбару новый смысл его трона. Над кафедрой в Прато высоко возвышается статуя первого христианского мученика Святого Стефана. Поэтому и в Фотихпур Сикри на уподобленном кафедре троне восседал борец за веру Акбар.

Когда в 1623—1643 гг. в римской базилике Святого Петра архитектор Дж.Л.Бернини строил Балдахин, покрытие на четырех колоннах над обожествленной личностью, Шахджахан в 1628 г. взошел на аналогичный Тахти Товус (Павлиний трон) с древоподобными колоннами под усеченной пирамидой, завершенной павлинами, «раскрытый хвост которых являет космическую картину Духа» (45). Следующий Павлиний трон, созданный в 1634 г. Бебадалханом (46), должен был превзойти трон Соломона (47), и ради него Шахджахан заменил беломраморную *джарокху* Акбара в Девони Омм Агры (48) подобием *айвана*, в котором, по описанию Клавиho, сидел Темур. В задней стене *айвана* видна дверь, упоминавшаяся Клавиho, а весь *айван* декорирован характерными для Средней Азии панелью-*изора* и полочками-*токча*. Впереди же Шахджахан велел, как видим, скопировать трехволновую арку из капеллы Святой Катерины в Бургундии, Франция, XIII в. В капелле, за такой аркой располагался умывальник-*лавабо*, в котором мыли руки и посуду во время христианского обряда Святого причастия (Евхаристии). Трехволновая арка символизировала Троицу, то есть единение в одном Боге трех божеств: Отца, Сына и Святого духа. Шахджахан велел весьма достоверно воспроизвести французскую арку, чтобы таким порталом своего трона символизировать единство Отца своей династии Темура, себя как Сына, и Божественного духа.

Трон 1648 г. в новой столице Шахджаханабаде стал лучшим для того, чтобы «удостоиться объятия Бога», поскольку он произошел от *хилватхоны* императора, построенной трижды в Лахоре: в гареме цитадели в 1633 г., во дворе Шах *Бурдж*, и в дворике сада Шалимар в 1641—1642 гг. Этот трон произошел также от Тахти Такдис (Священный трон) сасанидского царя Хосрова II, сидящего под аркой Неба, на которой восседают Бог Луны Мах (49). Такой образ сидящего под Богом

62

63

64

правителя был распространен в Иране и Средней Азии. Когда же Бога не изображали, то над тронном оставляли пустоту, олицетворяющую Божественный дух, — как это сделано над тронном в цитадели Бухары. Тот же прием продолжен и в Шахджаханабаде. Здесь, трон выступает вперед на восхитительной беломраморной платформе, кричащей одновременно о величии и трагедии восседающего на ней императора. Позади трона, на инкрустированном драгоценными камнями темуридском древе, вместо *Инсонн комил* изображен поэт-музыкант Орфей. Орфей хотел вызволить свою жену Эвридику из Подземного царства, но, на пути наверх, нарушил обет и взглянул на нее, — лишившись ее навсегда. Императору, лишившемуся своей жены Мумтаз Махал, Орфей за тронном спасения напоминал о неспасенной любимой.

7. Трансформация хонакох: Тадж Махал

Облако, покоящееся на воздушном троне.

Перси Браун (1).

Поиски Бога в суфийских *хонакох* и тантристских святилищах завершились Тадж Махалом. Его геометрия построена на плане Филарете, принятом Москвой для церкви, Бухарой для *хонакох*, и Дели для мавзолея Хумаюна. Купол Таджа уподоблен бутону лотоса, идеальной форме трона Темура и символу кульминации в Тантре. Генеральный план Таджа вдохновлен схемой от Ибн Араби, конкретизирован еще одним планом Филарете, с добавлением в него архитектурных идей времени Реформации. Тадж увенчал два века (1474—1648 гг.) проникновения Ренессанса и Реформации в Россию-Бухарию-Индию.

Прототипы

Тадж (1631—1648 гг.) значит Корона, и своим генеральным планом и образом он действительно воплотил Божий трон, к которому веками стремились Темуриды. Предшественник Таджа мавзолей Хумаюна — своей широкой платформой, парящим главным куполом, восьмигранными угловыми объемами, монументальными порталами и куполками над ними — произошел от той модели Ренессанса, которая распространилась через Москву и Бухару до Дели. Умелый мастер систематизации Шахджахан сохранил также преемственность с предшествовавшими Ренессансами, наделив Тадж архитектурными достоинствами ранних тюркских мавзолеев Индии.

65

Прототипом Таджа является и мавзолей Абдурахима Хани Ханан, титулованного Акбаром как Хан Ханов за безупречную службу (2) и «занимавшего самые высокие посты в государстве, включая опеку над наследником трона» (3). Он перевел «Бабурнома» с тюркского на персидский (4), служил сыну Акбара Мураду, и был главнокомандующим армии в Деккане (5). У Абдурахима Хани Ханан был архитектор по имени Барули, проекти-

ровавший имперские здания Сефевидов Ирана. Став «украшением двора Джахонгира», хозяин поручал Барули строительство особняков и садов в разных городах Индии (6). Этот «совершеннейший из великих амиров» задолго до смерти в 1626 г. построил свой сад в Дели. Центральное здание, ставшее его усыпальницей, подобно компактной копии мавзолея Хумаюна: порталы, а не восьмигранные объемы выступают из фасадов, высокий купол парит над композицией, а не плоский. Барули внес эти изменения в соответствии с коррективами в план и фасады базилики Св. Петра в Риме в 1505—1547 гг. Впечатляющая цельность форм Барули вдохновила Тадж Махал, и после этого, в 1753—1754 гг., с мавзолея Абдурахима Хани Ханан были содраны плиты из мрамора и песчаника для гробницы министра Сафдар Джанга.

Третий прототип дала Турция (7), где Мимар Синан (1489/1490—1588 гг.) перенес распор римско-византийского купола со стен на восемь колонн квадратного плана (в мечети Селимийе в Эдирне с диаметром купола 31,3 м, 1569—1575 гг.). Такой купол на пересекающихся арках произошел от покрытия тюркской юрты пересекающимися брусьями. Этим Синан способствовал синтезу тюркского наследия с римско-византийским. Новшество доставили в Биджапур, самый могущественный из султанатов Деккана, для мавзолея Гол Гумбаз (1626—1660 гг.), — гигантской копии бухарского мавзолея Саманидов, после копий в мавзолее Гиесиддина Туглака (1324 г., Дели) и Хушанг Шаха (около 1440 г., Манду). В Биджапуре вес пересекающихся арок направлен внутрь и этим противодействует распору купола. Купола Пантеона (118—128 гг., диаметр 43,2 м., круглый план) и Св. Петра (1547—1564 гг., диаметр 42 м., квадратный план) больше диаметра Гол Гумбаза (38 м.), но последний покрывает большую площадь пола благодаря тюркским пересекающимся аркам. Поход на Биджапур дорого обошелся Шахджахану: здесь в 1631 г. скончалась Мумтаз Махал. Увозя ее бездыханное тело обратно в Агру, император уносил и впечатления от строившегося Гол Гумбаз. Деккан вдохновил величественные Баланд Дарваза Акбара, но построенный им мавзолей Хумаюна превзошел Шахджахан, вознеся Тадж Махал до 61-метровой высоты Гол Гумбаза.

66

Деккана, для мавзолея Гол Гумбаз (1626—1660 гг.), — гигантской копии бухарского мавзолея Саманидов, после копий в мавзолее Гиесиддина Туглака (1324 г., Дели) и Хушанг Шаха (около 1440 г., Манду). В Биджапуре вес пересекающихся арок на-

правлен внутрь и этим противодействует распору купола. Купола Пантеона (118—128 гг., диаметр 43,2 м., круглый план) и Св. Петра (1547—1564 гг., диаметр 42 м., квадратный план) больше диаметра Гол Гумбаза (38 м.), но последний покрывает большую площадь пола благодаря тюркским пересекающимся аркам. Поход на Биджапур дорого обошелся Шахджахану: здесь в 1631 г. скончалась Мумтаз Махал. Увозя ее бездыханное тело обратно в Агру, император уносил и впечатления от строившегося Гол Гумбаз. Деккан вдохновил величественные Баланд Дарваза Акбара, но построенный им мавзолей Хумаюна превзошел Шахджахан, вознеся Тадж Махал до 61-метровой высоты Гол Гумбаза.

67

Шахджахан ставил образность выше инженерии, сосредоточившись на смысле формы купола. Купола мавзолеев Хумаюна, Хани Ханан и Гол Гумбаз звались «татарскими» (8), то есть «тюрко-монгольскими» (9), и уже при жизни Темура такие ку-

пола женственно вздулись, как над мавзолеем его сестры Ширин Бека Ака. С XIV—XV вв. в Ширазе барабаны таких куполов сужали для сходства с бутонем лотоса. Форму лотоса обрели и спинки тронов Амира Темура в цитадели Самарканда и Султана Манду Абдуллахана Узбека (10). Форма бутона лотоса издревле символизировала просвещение в силуэтах тронов буддийских божеств. И обмены между Индией и Средней Азией произвели в итоге уподобленный Божьему трону лотосообразный купол Таджа. Купол Таджа, одновременно, символизирует и женственность покойной, — не случайно его уподобляют «облаку, покоящемуся на воздушном троне», «жемчужине среди звезд», и «полной молока груди» (11). Купол символизирует также просвещение Темуридов в их тантристских ритуалах. Поэтому, произойдя из геометрически абстрактного плана Филарете, использованного в *хонакох* Касым Шайха и в мавзолее Хумаюна, Тадж воплотил идею раскрепощения Тантры в невиданном куполе, гимне чувственности.

В углах Гол Гумбаз высятся башни по образцу восьмьярусных башен из проекта храма Филарете для города Плюсиаполис, — они, вероятно, тоже попали в Биджапур из Турции. Семьярусные башни Гол Гумбаз символизируют семь небес, по которым, согласно Корану, души возносятся к Богу (12). Башням Гол Гумбаз Шахджахан предпочел минарет Чанд Минар, которым он любовался с высоты павильона в цитадели Давлатабада. Шероховатые поверхности 42-метровых минаретов Таджа подчеркивают по-женски гладкие поверхности мавзолея. Подобно древним тюркским сторожевым башням и минаретам мечетей Стамбула, они фиксируют пространство мавзолея, посредничая между ним и окружением. Тадж Махал выгодно отличается от усыпальницы отца Шахджахана, велевшего оставить между минаретами своего мавзолея только плоскую кровлю: «Джахонгир хотел, чтобы на его могилу падали дождь и роса небес» (13), ибо ветры, облака и осадки являются по Корану «предвестниками милости Бога, возвращающими мертвых к жизни» (14). Здание ворот в сад мавзолея обычно исполнялось в едином архитектурном стиле с усыпальницей. Но, за помпезными воротами в сад мавзолея Джахонгира, пустота между четырьмя минаретами воспринимается как незавершенность ансамбля. Поэтому Шахджахан, переняв угловые минареты, уделил большое внимание центральному зданию.

68

69

Дворы

70

В декабре 1639 г., Шахджахан отправил зодчих, двух мусульман и двух индусов, изучить мавзолей Хушанг Шаха в Манду (15). Беломраморный, он стоит в центре квадратного двора, тогда как смежный восточный двор такого же размера является мечетью. От этих дворов произошли дворы Таджа, а от самого мавзолея — четыре куполка вокруг центрального купола Таджа (16). Одновременно, Шахджахана привлекли дворы в Оспедале Мажжоре Филарете, и он развил их в череду двух квадратных и двух прямоугольных дворов от города Агры вниз к Таджу на берегу Джамны. У Филарете центром плана является прямоугольный двор с церковью, Шахджахан же передвинул прямоугольник с Таджем к берегу реки и превратил его в кульминацию. Этим он последовал композиции сада Хашт Бехишт Бабура: если там над рекой высился трон Бабура, то в Тадж Махале — воплощение Трона Бога. Так, усыпальница Хушанг Шаха дала начало театрально раскрывающейся цепочке дворов благодаря влиянию идей Филарете и Бабура.

Крупнейшую в Европе и строившуюся вплоть до начала XIX в. больницу Оспедале Мажжоре в Милане Филарете спланировал подобно древнеримскому жилому дому *таблинум*. Его парадный и хозяйственный дворы разделяла комната *таблинум*, первоначально брачное ложе, и затем декорированный зал или же мастерская хозяина дома (17). Подобно дому-*таблинум* были построены Храм в Иерусалиме, а также в 320—327 гг. н.э. базилика Св.Петра в Риме, скопированная затем по всей Римской империи (18). Филарете спланировал в двух дворах четырехчленные сады, которые Шахджахан уподобил четырехчленным исламским садам *чор-баг*. И над таким Садам Рая он возвел Тадж как видение Трона Бога — согласно плану Судного Дня из рукописи Ибн Араби «Футухат ал-Маккия» («Мекканские откровения»), которая хранилась в имперской библиотеке Шахджахана (19).

71

Создатели

Смотрителю за общественными работами Абдал Кариму Старшему вверялось строительство династийных монументов (20), и поэтому первоначально Шахджахан назначил его начальником строительства Таджа. Творческую же группу, или так называемый Совет экспертов, император отобрал из 37 специалистов Индии, Средней Азии и Турции, чтобы они

в 1631 г. представили «чертежи величайших зданий мира» и, в их числе, образцовые для Таджа (21, 22). Задумывая комплекс Таджа, император в Девони Хос давал начальнику строительства и архитекторам поправки к проекту, который затем передавался в бухгалтерию и прорабам. Была одобрена деревянная модель, исполненная учеником Синана турецким архитектором Мухаммадом Исой, который до этого работал в Ширазе и Индии (23), — идею базилики Св. Петра в Риме Антонио да Сангалло тоже представил в 1546 г. в виде деревянной модели (24). Тот, кого почтительно называли Устад Хан Эфенди, Иса Мухаммад Эфенди, Устад Мухаммад, Иса Эфенди и Иса Хан (25) возглавлял почти 20-тысячную и многоязычную армию строителей Таджа (26). И имя это веками оспаривалось в политических, религиозных и культурных спорах: «Тадж — это чистейший персидский продукт, творение персидских архитекторов Устад Ахмада и Устад Хамида» (27), «Архитектор Таджа — местный Ахмад Лахори, а не кто-нибудь из Ирана или Средней Азии» (28), «Шовинистические попытки приписать Тадж европейцам или же утверждения, что он является индусской *прасадой* (дворцом или храмом — Ш.А.) просто смехотворны» (29).

Авторство Таджа детально исследовал Р.Нат. Три из его четырех списков строителей Таджа содержат имена из Средней Азии: *калас-соз* (изготовитель шпиля) Мухаммад Шариф из Самарканда и резчики цветочного орнамента Ота Мухаммад и Шокир Мухаммад из Бухары. Из этих трех списков один (список Муинуддина) называет чертежником не только Мухаммада Иса Эфенди, но и Мухаммада Шарифа (30). Ота Мухаммад и Шокир Мухаммад работали подрядчиками, управлявшими цехом камнерезов. Среднеазиатов издавна ценили за искусство в темуридской геометрии и совершенстве деталей, поэтому им были поручены каменно-кирпичная масса Таджа и его беломраморная облицовка. Вслед за Джахонгири Махал Акбара и *Хилватгох* Джахонгира в цитадели Лахора, в Тадже среднеазиатские кирпично-гипсовые интерьеры защищены внутри индийского мраморного «кожуха», защищающего от дождливого климата. Но в Тадже этот индийский «кожух» тоже обрел гармонию архитектуры Средней Азии.

Еще будучи в Кабуле, отец заметил интерес 15-летнего Шахджахана к памятникам прошлого, и свой первый павильон сын построил в саду Пратап Бабура, а затем и белую мечеть у мавзолея суфийского святого Ходжи Муинуддина Чишти в Аджмере (31). Завершая же Тадж, он построил в цитадели Лахора безупречный беломраморный павильон Девони Хос (1645 г.). И в следующем году он перенес его

стиль в Кабул, построив несколько тяжеловатую мечеть у могилы Бабур. Изысканный вкус сблизил Шахджахан с мастерами из Европы. В 1653 г. в Риме был издан «Маршрут миссии, совершенной в Индию братом Себастьяном Манриком, монахом-отшельником Св. Августина» (32), где заслуживает внимания малоизвестное европейское имя: «Тадж близился к завершению. Одна тысяча рабочих трудились ежедневно в саду. Архитектором был венецианец по имени Джеронимо Верронео, приплывший в Индию с португальцами и скончавшийся в Лахоре незадолго до моего прибытия. Император Хуррам щедро оплачивал его труд. Падишах велел ему исполнить и выставить проекты для Таджа, архитектор Верронео повиновался, и в несколько дней исполнил разные варианты блистательной архитектуры, продемонстрировав свои способности в искусстве» (33). Первым венецианцем в Лахоре 1603 г. был купец, а вторым в 1614 г. прибыл смотритель церкви (34). Верронео умер в 1640 г. в Лахоре, но местом его упокоения стало католическое кладбище Лашкарпур в Агре (35). Перенос останков Верронео в столицу, вероятно, является свидетельством личной заботы императора, объяснимой значительным вкладом покойного, которого называли ювелиром за изысканность стиля.

Через год после завершения Таджа скончался Устад Ахмад Лахори, которого на Западе посчитали «одним из великих архитекторов XVI в., главным архитектором Шахджахана», заключив, что «Европа сильно влияла на живопись Моголов, но не их архитектуру» (36). В целом или в частях, Тадж не был творением одного человека. Примечательный индивидуализм Запада нельзя проецировать на Восток. Искушенный император не полагался на одну идею или одного зодчего. На это пролил свет и сам Лахори: «Шахджахан лично рисовал планы большинства зданий и корректировал проекты. Одобренный проект он сопровождал своими замечаниями, которым следовали прорабы и архитекторы» (37). Тадж был призван отразить ценности ислама и династии Темуридов, а для этого — получить одобрение Совета экспертов императора и, прежде всего, его суфиев.

Сценарий

Генеральный план Таджа с чередой квадратов и прямоугольников широко публиковался на Западе (38, 39, 40), но никто не мог или же не желал заметить его очевидную связь с другим итальянцем — Филарете. Если сад Бабура символизировал его собственное вознесение к Богу, то сад

Шахджахана воплотил вознесение его любимой жены к Трону Бога, — то есть, к тому, что для Темуридов являлось вершиной их многовековой философии жизни и смерти. Оттолкнувшись, с этой целью, от насыщенного религиозной символикой пространственного сценария Оспедале Мажжоре, Шахджахан, однако, не повторил его боковой вход в центральный двор, а начал ось ансамбля Таджа с самой верхней точки Агры. Император был настолько привязан к плану Филарете, что, используя его с 1631 г. для Таджа, он применил его мотивы в 1638—1648 гг. для цитадели Шахджаханабада, а в 1641—1642 гг. любовно воспроизвел план Филарете в саду Шалимар Лахора.

Чтобы расположить грандиозный сценарий Таджа согласно тюркской ориентации с юга на север, Шахджахан выкупил у Раджи Джай Сингха именно ту территорию, где Джамна совершает поворот, охватывая зеленые просторы противоположного берега. «Русло реки довели до основания мавзолея и укрепили, чтобы от него раскрыть панораму» (41). Южный квадрат ансамбля Таджа занимает городок Мумтазабад (ныне Таджганж), разделенный на четыре части двумя пересекающимися улицами. От его северных ворот Сирдж лестницы спускаются в прямоугольную Джиловхону (Двор для спешивания). И ее северные ворота ведут в самый нижний сад Таджа. Шахджахан трансформировал дворы Филарете в грандиозные сцены потому, что на персидском и тюркском «двор» и «сцена» — синонимы, выражаемые словом *sahn*. Если *sahny* Акбара в Фотихпур Сикри развивали монгольский сценарий, то для Шахджахана важнее стал итальянский сценарий. Впервые мавзолей занял в саду не его центр, а север, отводимый тюрками своему владыке. Так, символизируя Трон Бога, Тадж завершил театральный сценарий ансамбля.

«Ворота Джиловхоны важны для восприятия того, что находится за ними в саду Таджа. Такие ворота символизируют мусульманину вход в рай или же начало духовного возрождения. То есть, они представляют переход от чувств внешнего мира к духу мира внутреннего. Ворота являются увертюрой к застывшей за ними музыке в камне» (42). Поскольку эта духовная связь ворот с главным зданием была утеряна в мавзолее Джухонгира, Шахджахан сполна исправил ошибку. За воротами, «разноцветье сада и пенье птиц наполняют эликсиром бессметрия» (43). И тему сценария Шахджахана разворачивают: введение (ворота), развитие (сад), кульминация (мавзолей), и завершение (панорама простора Джамны).

Даже закончив Тадж, Индия продолжала следить за тем, как в 1655—1667 гг. в Риме перед главным храмом христианства Дж.-Л. Бернини сооружал колоннаду, которая, по его собственным словам, «по-матерински обняла бы католиков, побудила бы их к укреплению своей веры, а неверных — к просвещению этой истинной верой» (44). Слова Бернини пали на благодатную почву Джиловхоны Таджа: здесь римскую площадь-эллипс повторили как тропу-эллипс, связанную с улицей Агры точно так же, как площадь Бернини связана с улицей в Риме, — это видно в плане полковника Дж.А.Ходжсона 1828 г. (45). Тадж заимствовал и другое нововведение. «С 1545—1563 годов Реформации и вплоть до конца XVIII в. пространство ритуала в церквях активнее объединяли с их алтарем, — и этому содействовал Орден иезуитов» (46), влиявший на Индию. В Италии за алтарем стали размещать хоры и их стены расписывали темой, завершавшей богослужение. Например, построенную во Флоренции в середине XIII в. церковь Сан Сальваторе ди Оннисанти (Святого Спасителя в День всех святых) в 1561 г. украсили картинами Рая на потолке, в 1615 г. — фреской алтаря «Слава ангелам», а в 1740 г. за алтарем — фреской «Изгнание язычников из храма». На подобном развитии темы — введении, кульминации, и завершении — построен и сценарий Таджа.

Безупречная красота Тадж Махала возникла спустя два века после решения России обновить свою разваливавшуюся архитектуру с помощью бригады А. Фиораванти, а в Индии этот процесс продолжили Филарете и Дж. Верронео. «Век спустя после основания темуридской империи в Индии Шахджахан в Тадже возродил архитектуру Темуридов» (47). Ортодоксального Аурангзеба, заключившего своего отца в цитадель Агры, похоронили на 91 году в окрестностях Аурангабада под краснокаменной плитой с землей для посева душистых трав. Дочь Шахджахана Джаханара, 8 лет ухаживавшая за отцом до его кончины, оставила на своей делийской могиле слова: «Покройте меня лишь травой: смиренным этого доволен». В Тадже, символе духовных устремлений династии, надпись на беломраморной плите гласит: «Светлая и святая могила императора Шахджахана, обитающего среди звезд Рая. Подобно Темуру, он рожден единением Юпитера и Венеры в созвездии» (48).

8. Последняя столица: Шахджаханабад

*Стрела судьбы, выпущенная из лука желания,
поразит цель наверняка.*

Гусиддин Али (I).

Подобный созвездию план Балха Темура, а не древнеиндийский трактат «Манасара», вдохновил Шахджахана на строительство последней столицы Темуридов. План символизировал вселенную Темура, и в его центре Шахджахан расположил Имперскую Мечеть как ось от земли к небу, а ось цитадели упорядочил по образцам из Милана и Мадрида. Постоянные выезды правительственных кочевых лагерей опустошали Шахджаханабад, оставляя его жизнь бурлить в пригородах. Они, с наступлением новой эпохи, и поглотили эту иллюзорную столицу, превратив ее в оптовый рынок севера Индии.

Миф о «Манасаре»

В начале XVII в. в Иране, Средней Азии и Индии амбициозная архитектура Темура продолжалась в великолепных ансамблях новых центров Исфахана, Самарканда, Лахора. В их доминирующих зданиях было продолжено то, что начал Темура, выдвигая вперед сельджукидскую мечеть, балансируя ее план, и вознося порталы и минареты над городом. Чтобы входящие в город воспринимали его мощь, мечеть Биби Ханым (1399—1404 гг.), прославлявшую походы Темура в Хорезм и Индию, построили, со всеми ее огромными массами, над северными воротами Самарканда точно так же, как дворец Темура Аксарай (1380—1404 гг.) над северными воротами Кеша. Их 50-метровые порталы со множеством этажей и помещений являлись фактически самостоятельными зданиями, невиданными в архитектурной пропаганде той эпохи. Подобную гигантоманию, со временем, использовали для возвеличивания новых династий, и ее приняли Сефевиды Ирана для новой в их столице Исфахане площади Майдани Шах с доминирующей на ней мечетью Масжиди Шах (1612—1638 гг.). Вслед за этим, и Самарканд решил возродить былую славу в новом ан-

самбле своего центра. В геометрическом центре *хисари* Темура обновился ансамбль площади Регистан: существовавшее медресе (1417—1420 гг.) Улугбека зеркально повторилось в медресе Шер Дор (1619—1636 гг.), и оба они были объединены мечетью-медресе Тилля Кори (1647—1660 гг.). В этих красивейших из площадей мира мечеть как апофеоз превратилась в градостроительную норму. Так, в 1643 г., министр Шахджахана Вазир Хан завершил улицу-базар, идущую от Делийских ворот Лахора, площадью и мечетью своего собственного имени. Площадь с мечетью стала местом встречи отцов города. Это лучше всего воплотилось перед мечетью Бадшахи (1674 г.) Лахора, где «в низине регулярного сада собирались знать и чиновники в ожидании своего правителя, чтобы затем проследовать в мечеть» (2). Площадь или двор как ритуализированное место сбора стали градостроительной нормой даже в отдаленном Хорезме в общественных зданиях амбициозных правителей Хивы, — как, например, перед *мадраса* (1871 г.) всемогущего Мухаммада Рахим Хана.

Демонстрация достоинства достигла пика с 1638 г. в Шахджаханабаде — новом городе Дели, седьмом после его городов Кила Райнитора, Сири, Туглукабад, Джахонпанох, Котла Феруз Шах и Пурана Кила. 19 апреля 1648 г. был рекомендован астрологами как благоприятный для того, чтобы Шахджахан приплыл по реке Джамна, вошел с помпой в ворота цитадели и, под сладкоголосье певцов из Ирана, Средней Азии, Кашмира и Хиндустана, проследовал в Девони Хос чтобы провозгласить новую столицу. Авторство Шахджаханабада было отдано, безо всякого на то доказательства, иранским строителям: «Представляется, что Шахджахан лично руководил планировкой новой столицы иранцами Хамидом и Ахмадом ал-Асар, которым также приписывают Тадж Махал» (3). Однако, единственно явным влиянием Ирана является Сад Сохибобод (Район Знати), протяженный как Шахар-Баг (Городской Сад) Исфахана и спланированный от цитадели к воротам Лахор. Очень распространена версия об индийском происхождении плана Шахджаханабада: «План Шахджаханабада, кажется, повторяет город из трактата «Манасара» IV—VI вв. н.э., который спланирован полуэллиптическим, называется *кармука* (лук для стрельбы), и предназначен для территории на берегу реки или моря. Дорога север-юг, что соединяет городские ворота Акбарабад и Кашмир и включает Файз-базар, вытянута как тетива лука. А улица от юга на восток и далес на север, что соединяет ворота Туркман, Аджмер, Лахор и Мори, представляет собой, вместе с городской стеной, изогнутое древко лука. Самым примечательным в плане *кармука*

является перекресток двух главных улиц. В индуистском поселении здесь возвышался храм; в Шахджаханабаде же здесь находится цитадель» (4). План Шахджаханабада, однако, далек от «Манасары»: в ней подобно луку изгибается берег, тогда как в Шахджаханабаде изгибается городская стена, расположенная далеко от берега. Что же касается самих планов двух городов, — они совершенно различны. План столицы Шахджахана не заимствован где-то со стороны, — он строго определен императором, исходя из его собственной династийной судьбы. Шахджахана, привыкшего выставлять абсолютное превосходство своей персоны, сильнейшим образом тянуло к городу Балху, тогдашней столице одноименной провинции Узбекского ханства. Балх всегда величали «царским», и при Темуре он был спланирован на удивление в виде звезды с восемью секторами в восьмигранной конфигурации городских стен. Темуриды Индии рассматривали Балх в качестве порога их прародины Средней Азии. Поэтому, прокламируя себя Вторым в созвездии Темуридов, Шахджахан повторил, как мы далее увидим, план Балха Темура в Шахджаханабаде.

Балх и Шахджаханабад

В Балхе, от цитадели Кала-и-Хиндуван (Индийская Цитадель) дорога на юг ведет к городской стене времен Кушан и далее, сквозь расположенные в них ворота Хиндуван (Ворота Индии), направляется мимо колонии индийских торговцев в их страну. Хотя расположенный всего в 20 километрах город Мозори Шариф превзошел Балх в XV в., все Темуриды мыслями были именно в нем, как например Бабур, писавший своему сыну Хумаюну в 1528—1529 гг.: «Если милостью Бога мы завоюем Балх и Хисар, поставь своего человека в Хисаре, а человека Камрана (тоже сын Бабура — А.Ш.) поставь в Балхе. Если Божьей милостию мы завоюем и Самарканд, будь в нем сам. Если же Камран сочтет Балх незначительным, я добавлю ему других территорий» (5). В 1548 г., Хумаюн направился в Балх против Шейбанидов, потерпел поражение, и захватил его только в 1549 г. Историк Акбара великий льстец Абу-л Фазл так смягчал горечь поражения: «В будущем будут завоеваны не только Балх, но и весь Мовароуннахр» (6). В 1573 г., Абдуллахан II захватил город со всего лишь 200-тысячным населением и начал интенсивно его застраивать, но времена расцвета Балха давно уже канули в Лету (7). И только Шахджахану было суждено оправдать прогноз Абу-л Фазла, для чего он сперва подружился с послом Балха, одним из многих приглашенных на невиданную свадьбу императорского

сына Дара (8). Затем, он воспользовался раздорами вокруг трона Бухары с тем, чтобы вмешаться в дела Мовароуннахра. И наконец, в мае 1646 г., он благословил другого своего сына принца Мурад Бахша, — вместе с многоопытным правителем и инженером Али Мардон Ханом, 50-тысячной конницей и 10-тысячной пехотой, — завоевать Балх. Войдя в июле в Балх, правители которого бежали в Иран, Мурад Бахш заболел и, не запрашивая отцовского разрешения, вернулся в Индию. На его замену Шахджахан направил, в январе следующего года, двух других сыновей, Аурангзеба и Шаха Шуджу. Аурангзев вошел в Балх, но его борьба с многочисленными и воинственными узбеками затянулась, он потерпел поражение и, после долгих переговоров, армия отступила в Кабул. Ни пяди завоеванной земли, ни свергнутой династии, ни союзников на балхском троне, ни трофеев, — но 500 солдат убитых и 5 тысяч замерзших насмерть (9).

Шахджахан рассматривал Балх в качестве духовного центра династии Темуридов, связывая с ним свои надежды на темуридское и исламское возрождение. Атаковав, на пятом году своего правления, португальскую колонию Хугли в Бенгалии, он «в своем сообщении правителю Балха в 1632 г. мотивировал это угнетением там португальцами мусульман, и представлял атаку как триумф ислама» (10). Не только план своей новой столицы, но и ее строителя он нашел на этом пороге Средней Азии. Год 1637-й свел вместе Шахджахана и Али Мардон Хана, инженера и правителя провинции Кандагар, что к югу от Балха, который в феврале того же года восстал против иранского шаха Сафи и передал Кандагар армии Шахджахана. Император даровал ему титул *амира*, роскошную усадьбу на берегу Джамны в Агре, и назначил правителем Пенджаба и Кашмира. Помня о том, что его дед Акбар поддерживал связь с королем Испании Филипом II, и что Акбар «в 1585 г. переехал в Дели из безводного Фотихпур Сикри» (11), Шахджахан последовал сотрудничеству Филипа II с архитектором Хуаном Эррерой, который построил в 1576 г. систему водоснабжения королевского дворца-монастыря Эскориал (12). И Али Мардон Хан, как темуридский Эррера, предложил в 1639 г. и построил в 1641 г. 160-километровый канал Шах Нахар от предгорий Лахора в сад Шалимар Шахджахана, три уровня которого напоминали любимые императором горные сады Кашмира. В период строительства Шахджаханабада в 1638—1648 гг., император с двором, как никогда прежде, зачастил в граничившие с Балхом северные провинции: он посетил Лахор 6 раз и Кабул 3 раза, тогда как Кашмир и Агру только дважды.

Задуманный как центр мира, Шахджаханабад произошел от плана Балха, олицетворявшего вселенную следующим образом: семь секторов его плана являли семь планет (Луну, Солнце, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн) и, вместе с цитаделью правителя в восьмом секторе, они окружали центр — символ планеты Земля (13). План восьмигранного города по Витрувию, римскому архитектору и инженеру I в. до н.э., был заново открыт в Италии Ренессанса, и затем распространился от Средиземноморья до Средней Азии, являвшихся «регионами образованных людей вплоть до конца XV в.» (14). В Средней Азии 1368 г. восьмигранным стал Балх, а в Средиземноморьи — проект города Сфорцинда 1462—1464 гг. архитектора Филарете. По Сфорцинде архитекторы Дж.Саворнан и Б.Лорини спланировали в итальянской области Фриули 9-гранный город Пальманова (с 1593 г.), тогда как по Балху был построен Шахджаханабад (1638—1648 гг.). Поскольку Темуриды следили за духовными идеалами Европы периодов Ренессанса и Реформации, чтобы лучшим образом использовать их, Шахджахан последовал рекомендациям Филарете для правителей. В Шахджаханабаде, император принял во внимание рекомендации Филарете об «астрологической дате для закладки города при восходе солнца» и о «восьми мужах и музыке при церемонии закладки первого мраморного камня», а также о том, что «Венера ведет тех, кто восходит» (15). «Я скажу тебе, при каких условиях, планете, знаке и часе это начнется», — увещевал Филарете правителей своего времени (16). Считалось, что конфигурация звезд в момент рождения определяет судьбу человека и является также решающей при закладке города. По этой причине, конфигурация плана Балха была повторена как созвездие в Шахджаханабаде его стеной 6-километровой длины, 8-метровой высоты, 3,5-метровой толщины, и с 27 башнями. Башни городской стены, обычно восьмигранные и называемые поэтому *мусамман*, символизировали связь с небесами. Их называют и словом *бурдус*, что значит созвездие. Секторный характер плана стен Шахджаханабада, без какой-либо связи с Балхом, был замечен и К.Иизукой (17). Сравнивая оба города, нужно заключить следующее. Оба города занимают только четыре сектора восьмигранника между его северо-западным и юго-восточным радиусами, и к этим радиусам добавлены территории нерегулярной конфигурации. Добавленные территории на юге довольно похожи. Для Шахджаханабада скопированы даже такие детали плана Балха, как симметричное положение городских ворот в южной стене и их асимметричное положение в западной стене.

Шахджаханабад превзошел размеры Балха ввиду своего большего — в 1,4 раза — радиуса.

Обратимся теперь к имперской Джума Мечети, которая находится, вопреки установившимся традициям, в лабиринте жилых кварталов и базаров Шахджаханабада. Такое необычное размещение тоже находит свое логически ясное объяснение из сопоставления с Балхом. Радиально-концентрической системе улиц Балха Шахджахан предпочел иную, которая сложилась в спланированных тюрками городах Индии, а именно: только две прямые взаимоперпендикулярные дороги, сходящиеся у цитадели. Таким стал в Деккане план города Ферузабад, вдохновленного походом Темура в Индию. Поэтому, внутри звездной конфигурации стен Балха Шахджахан распланировал свою столицу с двумя церемональными дорогами к цитадели. То есть, произошел союз двух городов, связанных с именем Темура, и эти два города произвели Шахджаханабад: Балх + Ферузабад = Шахджаханабад. Не приняв радиально-концентрическую планировку Балха, император, однако, принял местоположение центра его планировки. Там, где центр Балха символизировал место оси от Земли к Богу, Шахджахан построил имперскую Джума Мечеть. Многовековое и всеобщее забвение значения Балха и смысла его плана привело к тому, что Джума Мечеть Шахджахана воспринималась странно потерянной в неразберихе городской застройки. На самом же деле, это было продуманное расположение, которым проницательный император намеревался отметить возрожденную ось Темуридов к Богу в этой столице мира, где Земному следовало встречаться с Небесным.

Десять лет спустя после завершения строительства Шахджаханабада и накануне свержения императора с власти Аурангзебом в 1658 г., была создана рукопись «Подшохнома» (18). Открывающая ее двухчастная миниатюра «Темур и Шахджахан» датируется примерно 1657 г. и изображает с правой стороны Темура (внешность которого, как видим, была незнакома Темуридам Индии), а с левой стороны — весьма реалистически вырисованного Шахджахана. Темур изображен протягивающим императорскую корону Шахджахану. Смысл миниатюры: Шахджахан унаследовал престиж и мощь Темура. Доказательством этого в градостроительстве стал Шахджаханабад.

Эскориал и цитадель

Вслед за иррегулярными планами Агры, Лахора и Фотихпур Сикри, геометрический порядок Шахджаханабада возник три века спустя после влияния Ренессанса на Балх Темура, и полвека спустя после возведения фанатичным католиком Королем Испании Филипом II дворца-монастыря Эскориал близ Мадрида. Эскориал (1563—1584 гг., архитектор Хуан Баутиста де Толедо) стал символом испанской короны под покровительством Св. Сан Лоренцо и Всевышнего. Во время строительства этого дворца-монастыря, Акбар в Фотихпур Сикри пристроил свои личные покои к продольной оси гарема точно так же, как апартаменты Филипа II пристроены к главной оси Эскориала. В мавзолее Акбара в Агре, коридор в его подземную могилу напоминает лестницу Эскориала вниз в склеп Пантеона с гробами королей. Все это позволяет предполагать, что архитектурные модели Испании достигали Темуридов Индии задолго до дипломатических демаршей между этими странами. Связь стала стабильной после 1580 г., когда Король Испании, ставший правителем и Португалии, одержал верх над Османской империей, установив абсолютный контроль над торговлей в Индийском океане (19). И в 1582 году Акбар написал свое первое послание Королю Испании.

Строгие линии Эскориала произошли от перспективных построений времени Ренессанса, которые теоретик, архитектор и живописец Леон Баттиста Альберти (1404—1472 гг.) сравнивал с «решетчатыми клетками или визуальными пирамидами для гармоничного пропорционирования зданий, формирующих городские пространства» (20). Проектировщики и меценаты увидели такие «решетчатые клетки» в чертежах Филарете для Оспедале Мажжоре с их религиозно-символическими фигурами (крест, квадрат, круг) и цифрами (3, 4, 8, 9), и распространили их во Франции, Испании, и затем в Индии. Французский живописец и гравер Жан Кузен (1501—1560 гг.) опубликовал в своем «Руководстве по перспективе» три метода ее построения: 1 — проекцией архитектурного плана, 2 — проекцией плоскостей, и 3 — проекцией объемов.

79

«Вместо перспективы Брунеллески с одной точкой схода, Кузен предложил метод с тремя точками схода» (21) и показал это на примере знаменитого плана Оспедале Мажжоре. Планом заинтересовался и учившийся у Микеланджело Хуан Баутиста де Толедо, разместив три двора Оспедале при входе в Эскориал и назвав их семинарией, монастырем и Двором королей. Этот Двор ведет в Храм, и затем в Апартаменты Короля. После смерти

Толедо в 1567 г., его увлеченный математикой помощник Хуан де Эррера основал в 1582 г. Мадридскую академию математики, и благодаря ему Эскориал обрел свой *эстило дезорнаментадо* (лишенный декора стиль) (22). После Акбара, продолжавшего писать Филипу II, Король и его Эскориал стали образцовыми для Шахджахана, глубоко и детально учившегося у Европы, сравнивая религии и мировоззрения. Шахджахан принял жесткий *эстило* для цитадели своей столицы, чтобы упорядочить вихлявшие церемониальные оси цитаделей Темуридов. И, как результат этого,

80

место Двора королей заняла Джиловхона, место Храма — Девони Омм, а место Апартаментов Короля — двор перед Ранг Махал (Разноцветным дворцом).

Родившийся под благоприятным созвездием дня рождения Темура и потому названный Сохибкирони Сони (Второй, после Темура, Повелитель, рожденный под счастливым созвездием), Шахджахан уподобил небесному созвездию и социальную иерархию своей столицы. На ее вершине, император восседал на троне в Девони Омм. Принцы сидели на меньших тронах в пределах П-образного золотого ограждения.

81

Великие *амиры* и послы располагались в следующем П-образном серебряном ограждении. За ними были другие *амиры* и *мансабдоры* (функционеры) вместе с купцами из Ирака, Хорасана, Малой Азии, Сирии, Китая, Средней Азии и Европы. И за их П-образным каменным ограждением стояли наготове пехота, слуги и домочадцы. Десятитысячное собрание в пределах серебряного ограждения покрывал шатер из золотошвейного вельвета на четырех серебряных опорах высотой 22 м. Если Акбар молился Солнцу, то в звездной иерархии своей новой столицы Шахджахан собственной персоной воплощал Солнце и Центр вселенной, тогда как великие *амиры* воплощали планеты, а *мансабдоры* — небесные звезды. Небесный символизм продолжался в пригородах: за Кабульскими воротами города Райский канал протекал через городок Мугалпура, где с XIII—XIV вв. жили иммигрировавшие из Средней Азии (23). Особняки и дворцы принцев и *амиров* размещались в трех зонах: близ цитадели вдоль берега реки, вокруг имперской Джума Мечети, и близ ворот города. К северу от цитадели размещались дворцы министра Сафдар Джанга, любимца и наследника Шахджахана Дара Шукох, и Али Мардон Хана; близ Лахорских ворот были дворцы имперского астролога Гази Рама и командовавшего артиллерией Хайдар Кули Хана. Получив участки земель, принцы и *амиры* заказывали проекты особняков и дворцов. Их домочадцы селились вокруг,

формируя *махаллю*. И между *махалля* образовывалась иррегулярная сеть улочек. Особняки и дворцы высились подобно крепостям над окружавшими их хижинами, крытыми соломой. Столица формировалась как большая семья (24), продолжая, таким образом, сельджукидские традиции клановой иерархии и правления.

От лагеря к рынку

При всей своей тщательной планировке и изысканной архитектуре, Шахджаханабад оставался кочевым лагерем по характеру, стилю жизни и особенностям роста. В 1650 г. в его стенах проживало 400 тысяч жителей и 150 тысяч в пригородах. «Все население столичного города Дели было в полном смысле этого слова сконцентрировано в правительственном лагере, поскольку, обслуживая правящий двор и армию, оно должно было либо следовать его марш-броскам либо сгинуть за ненадобностью в его отсутствии» (25). Когда в 1679 г. столица двинулась в 30-летний марш Аурангзеба с целью завоевать Деккан, где он скончался в 1707 г., Шахджаханабад запустел, оставшись с одной пятой своего населения. Другими словами, хотя и стационарная, столица сохраняла кочевнический дух, всегда готовый к движению. И, когда этот момент наступал, лагерь не только изымал жизнь из столицы, но своим маршем расстраивал экономику всех населенных пунктов на пути следования. Даже в XVIII в. императоры продолжали жить в огражденных по периметру лагерях со 120 тентами в пределах 630-метрового диаметра в окружении тоже огражденных лагерей своих принцев и амиров, с базаром в каждом лагере, и население всего такого кочевья достигало 320 тысяч человек. При всем этом, в Шахджаханабаде развились те же черты города, что и в Самарканде Темура, особенно в пригородном кольце садов, мавзолеев, базаров и *махалля*, где хозяйственная и общественная жизнь кипела беспрерывно. В самом активном северо-южном направлении, эти пригороды выросли до 5—6,5 км в 1668 г., и до 13 км в XVIII в. (26). По возвращении преемника Аурангзеба Бахадур Шаха в 1707 г., лишь с приходом его огромного лагеря в 1712 г. Шахджаханабад смог восстановить свое 400-тысячное население. После вторжения иранского Нодир Шаха в 1739 г. столичные *махалля* запустели на десятилетия (27), к приходу англичан в 1803 г. Шахджаханабад насчитывал 150 тысяч человек (28), и к середине XIX в. то был не крупный и с растущим населением процветающий городок в пределах метрополиса

Дели. С 1867 г. Шахджаханабад рос на запад, формируя район Садар Базар, и на северо-запад, к тамошней каменной гряде (29).

С 1873 г. британская армия оккупировала территорию столицы вдоль берегов реки Джамна, снесла *махалля* между цитаделью и имперской Джума Мечетью, и провела линии железных дорог на севере и западе (30). После того, как Дурбар одобрил в 1877 г. развитие Шахджаханабада на север, Дурбар 1911 г. постановил перевести тогдашнюю столицу из Колкаты на тот север для того, чтобы начать строить там так называемую «временную столицу» (31). Тот «временный Дели» для краткосрочных визитов лондонского чиновничества намеревались строить из тентов для удешевления строительства. Но вскоре решили строить постоянную столицу южнее

82

Шахджаханабада (32). Архитектор Нового Дели Эдвин Лаченс (1869—1944 гг.) перенял от английского экономиста и планировщика Эбенизера Говарда «концепцию города-сада с оазисами, церемониальными проспектами, торжественными площадями и впечатляющей архитектурой, — столица должна была превратиться в место вечного Дурбара» (33). Ее торжественная центральная ось пролегла параллельно западной церемониальной дороге Шахджаханабада и, копируя планировку Версаля, стала осью для трех шестигранных территорий радиусом 1,5 км. В центрах этих шестигранников поднялись комплекс Капитолия (ныне Парламент), статуя Короля (ныне монумент Ворота Индии) и торговый центр Коннот-Плейс. Подобные шести- и восьмигранные территории радиусом 1,5 км вдохновляли планировку Лондона (1666 г.), Вашингтона (1791 г.), Ташкента (1870 г.), Канберры (1908 г.), и снова Лондона (Э. Лаченсом в 1930—1940 гг.). Со временем, такие модули стали тесны для транспорта: в их центрах застаивались автомашины, их кривизна снижала скорость, а их плотная сеть способствовала загрязнению воздушной среды.

Железные дороги на севере, западе и юге Шахджаханабада превратили его в оптовый рынок северной Индии (34). В нем население выросло в 7 раз, число средств транспорта увеличилось в 1000 раз. С 900 промышленными предприятиями, 60% жилищ пребывали без канализации. Все это загрязняло окружающую среду до уровня «наивысшего в стране и, вероятно, в мире» (35). В 1961—1981 гг. население сократилось с 420 тысяч до 362 тысяч, но территории торговли разрослись втрое, а число торговцев увеличилось впятеро. Дневное население переполнялось в 20 раз, а ночами оставляло столицу-призрак. Теневая экономика закупала городские здания, изгоняла

из них бедноту, и контролировала недвижимость. Исследования для генерального плана 1962 г. выявили три категории трущоб, нуждавшихся в сохранении (29%), восстановлении (31%), и перепланировке (40%). В частности, было рекомендовано сохранить сад Сохибобод и сады вдоль реки Джамна. Территории западнее цитадели и вдоль северных и западных стен города рекомендовались к восстановлению. Территории южнее имперской Джума Мечети рекомендовалось расчистить (36). Если генеральный план Дели 1962—1981 гг. называл Шахджаханабад «трущобой», то генеральный план 1985—2001 гг. определил его как «особый район, который предположительно нуждается в специальных мерах» (37).

Города Темуридов строились в пределах параметров человеческой биологии и планировались по стилю жизни населения, — это объясняет ту их жизнеспособность, которая ныне рассматривается как желанная модель для градостроительства: «Наличие такого образца позволило бы предсказывать изменения с реальной точностью. Но, увы, не предпринято никаких усилий или же экспериментов, чтобы по традициям местных *махалля* строить жизнеспособные модули городской среды» (38). В столицах Темуридов сконцентрирован урбанистический опыт веков, который и сегодня способен помочь понять и реконструировать современные мегаполисы. В качестве слепок местного стиля жизни, их следует тактично развивать в сетях современных скоростных магистралей.

Вот так, заявления правившего из Султаннии монгольского султана Олжейту и, вслед за ним, Темура и Шахджахана об их рождении под Счастливым Созвездием достигли кульминации в Шахджаханабаде. Громадным мечетям Темура все еще подражали в строительстве столиц, когда его звездный Балх, а не древнеиндийский трактат «Манасара», вдохновил Шахджахана на эту последнюю столицу Темуридов.

Заключение

Раскрытие Республики Узбекистан миру создало условия для исследования архитектуры Темуридов, глядя из их родины, все еще малоизвестной миру Средней Азии, и проследить, с полнотой информации, века трансформаций династии, уделяя внимание ее духовности, ибо это понятие являлось центральным в их эпоху Ренессанса. Поскольку в отношении Темуридов декларировались даже несколько Ренессансов, исследование выяснило доводы для таких утверждений. Когда в однородной архитектурной типологии Темуридов обнаруживались новые формы, выяснялись привнесшие их социальные изменения и прояснялись мотивы применения династией этих форм. В результате, в науку введены следующие новые концепции — или инновации, как сейчас принято говорить, — они меняют существующие точки зрения об архитектуре Темуридов.

Гипотезам о пяти Ренессансах Средней Азии IX—XVII веков способствовало то, что этот регион издревле развивался вместе со Средиземноморьем по схожим образцам, и повлиял на его Ренессанс, а также на Ренессанс Индии. Ренессанс архитектуры Темура XIV—XV веков отразился на фасадах венецианского Дворца Дожей и в барабане-*тамбуро* флорентийской базилики Санта Мария дель Фиоре. С конца же XV века Ренессанс Италии проник в Россию и оттуда с середины XVI века в Среднюю Азию и Индию, — опережая проникновение в эту последнюю страну Португалии. Вот почему архитектура Темуридов стала кульминацией нескольких Ренессансов Средней Азии как древнего и развитого центра мировых контактов, ознаменовала выход от средневековья к новым временам, приняла с севера новую волну Ренессанса и передала ее Индии. С конца же XVI века — ровно столетие спустя после прибытия итальянских архитекторов в Москву — к Темуридам Индии приплыла португальская миссия. И с конца XVI-го по середину XVII веков под влияниями как Средней Азии, так и плывшей с юга Европы были созданы шедевры Темуридов Индии — Тадж Махал и Шахджаханабад.

Второй, после армии, опорой государств Темуридов являлся суфизм и сердцевиной их духовных поисков стал суфийский *хонакох* с проводившимися

в нем ритуалами вознесения к Богу. Суфийская идея о встрече с Богом не посмертной, а в этом мире, и о жизни в Его присутствии воодушевляла Темуридов. Архитектуроведение нового времени путалось в происхождении *хонакох* и принижало его значение в века до Темура. Исследованием восстановлена типология этого здания: прототип, отличительная ориентация, устойчивый тип плана, главные помещения, канонизированные ритуалы. Предложены проекты реставрации. *Хонакох* произошел от единого для христианства и ислама ритуала «правильного» пути к Богу, и в своей ориентации и геометрии он сохранял традицию константинопольской базилики Св. Софии. *Хонакох* над прахом Яссави Темур возвысил до величия этого главного храма христианства, и затем созданный им колосс, через Мешхед и Герат, повлиял на дворец Джахонгири Махал в Агре.

Темуриды коренным образом трансформировали унаследованные ими города и создавали беспрецедентные новые. До них, строки Корана о городе праведных жителей способствовали распространению плана «священной Бухары» как модели в тюркские государства Индии. Темур же возобновил общение Средней Азии с греко-римским миром, и его первая столица Балх повторила восьмигранный план идеального города Витрувия. Вслед за Балхом Темур перепланировал радиальным и *хисар* Самарканда. Исследователи сравнивали *хисар* с давно изжившим себя средневековым *шахристаном* и этим принижали эволюционное значение *хисара*. *Хисар* породила новая жизнь, выплеснувшаяся за городские стены навстречу оседавшим в оазисах кочевникам, которые переносили названия оазиса (*шахри берун* — внешний город) и пригорода (*шахри дарун* — внутренний город) на город и его цитадель. Возник новый тип расширившегося города с новыми центрами и резервировавшимися для их развития землями. Такое развитие стало общим для городов эпохи Ренессанса и потому вызвало схожие черты в планировке Флоренции и Самарканда. Города-копии Бухары, а также Балх и Самарканд Темура вдохновили «второго после Темура» Шахджахана на столицу Шахджаханабад — вершину урбанизма Темуридов и свидетельство Ренессанса градостроительства династии.

Вопреки распространенному в мире и ошибочному делению на Темуридов Средней Азии и Бабуридов или Моголов Индии, исследованием доказано единство династии на протяжении ее четырех 35+80+80+80-летних этапов в XIV—XVII веках. Этапы этих веков отмечены бесспорной преемственностью в политике и архитектуре. Кочевая и стационарная архитектура 35 лет Темура вызвали мощный архитектурный стиль в Индии последовав-

ших 80 лет. Затем пришел Бабур, и спад в эти 80 лет остановил Акбар, возродив, в контактах с европейцами, наследие Темура и Бабура в Фотихпур Сикри. В последние 80 лет мечты Темуридов о Мовароуннахре логически завершились созданием Тадж Махала и Шахджаханабада. Когда Бабур вступил в Индию, Реформация в Европе начинала выступать за личную ответственность в вопросах веры и за почитание ее в общественных институтах. Его внук Акбар был рожден осуществить идеи Реформации.

Под влиянием принявшей итальянский Ренессанс Москвы, возродилась архитектура *хонакох* в Бухаре, Дели и Агре. С постройкой новаторского *хонакох* Касым Шайха, духовного наставника Абдуллахана II, не только план, но и всю композицию итальянского храма приняли в Дели для мавзолея Хумаюна, а Агра по *хонакох* Ахмада Яссави построила дворец Акбара Джахонгири Махал. Эти национальные храмы обновили типологию *хонакох* ради искавшегося образа единения государства и религии, образа усиления светскости. И с этой целью, Акбар в своем новом городе Фотихпур Сикри из сердцевины *хонакох*, его *хилватхоны*, продолжил собственные поиски духовной архитектуры. Ради единения религий, он в дискуссиях с посланниками Европы формировал свою свободную мысль и архитектуру духовного спасения. Реформация обновила концепцию спасения души: спасение стало рассматриваться как свободный личный выбор.

Обновлению концепции спасения способствовали новые женщины Темуридов. Искомое «место молитвы» Акбар нашел в святилище Тантры, культа любви человека и Бога. Роль женщины Тантры как духовного партнера на пути к Богу превзошла Нурджахон, супруга сына Акбара Джахонгира. Она трансформировала кочевую архитектуру в стационарную, изменила композицию темуридского сада, а ее кружевные ткани перевоплотились в штукатурные рельефы и беломраморную резьбу. Нурджахон феминизировала стиль Темуридов, который и так смягчался от воинственности первых тюркских династий к меланхоличности Бабура. Ее беломраморные кружева Шахджахан уподобил гигантским платкам в сводах *айбанов* Тадж Махала. Темуриды строили тантрические павильоны при главных осях своих цитаделей. В этих параллельных женских осях цитаделей Фотихпур Сикри и Шахджаханабада Темуриды находили духовное просвещение.

Общаясь с другими культурами и обращаясь к усиливавшейся светскости, Акбар вплотную познал Индию, Тибет, Монголию, Китай и Европу,

и обнаружил общие ценности как полезную для архитектуры теорию. Одержимый спасением души от наказаний за грехи, он учредил правила поведения *Дини илохий* для объединения духовных ценностей различных религий. Если прежде спасение гарантировалось жителям праведных городов типа Бухары, то Акбар для этого возвел пантеистский Фотихпур Сикри, спланированный как монгольский город и застроенный сельджукидскими дворцами, тантристским Панч Махалом, флорентийским «летающим коридором» и, наконец, своим темуридским трон-деревом, произошедшим также от кафедры христианского мученика Св. Стефана. Так объединял культуры духовный лидер Акбар.

Многовековая эволюция *хонакох* произвела в итоге Тадж Махал: его геометрия произошла от итальянского плана Филарете, принятого Москвой для церкви, Бухарой для *хонакох*, и Дели для мавзолея Хумаюна. Купол Таджа уподоблен бутону лотоса, идеальной форме трона Темура и символу кульминации в Тантре. Генеральный план вдохновлен схемой от Ибн Араби и еще одним планом Филарете с добавлением идей Реформации. Тадж увенчал два века проникновения Ренессанса и Реформации в Россию-Бухарию-Индию. В нем сплавлены стили его прототипов, поскольку вознесение к Богу перестало быть привилегией ритуала одного храма, — этим Тадж прославил терпимость перед Богом. Перед входом в Тадж Темуриды повторили римский план-эллипс Бернини, этот знак «материнского объятия» религии. Этим Темуриды подтвердили осуществление своего многовекового стремления «оказаться в руках Бога и измениться в Его объятии».

Исследованием впервые доказано, что первая и последняя столицы Темуридов — Балх и Шахджаханабад — связаны преемственностью. План Балха символизировал вселенную Темура и, переняв его, Шахджахан расположил в его центре Имперскую Мечеть как ось к Богу. Вслед за моделью Бухары как праведного города, девять веков тюрков и затем Темуридов в Индии сформировали три прогрессировавших типа городов: коранический, то есть по Корану; синтетический, то есть вобравший множество градостроительных моделей; и тип города по традиции Темура. Непланированная Агра с ее цитаделью, садами, дворцами и мавзолеями над рекой Джамной как воплощением описанного Кораном Райского потока явила собой коранический город. Фотихпур Сикри по библейским, монгольским, сельджукидским, индуистским и итальянским образцам — это синтетический город. Вершиной же урбанизма династии стал Шахджаханабад, спланированный по Балху и декканскому Ферузабаду, — это города по Темуру.

Пять веков Темуриды наследовали предшествовавшие Ренессансы Средней Азии и давали ростки своих собственных, испытывая влияния соседнего Ирана и отдаленной России для того, чтобы расцвести в Индии, продолжая впитывать там влияние Европы. Коран как теоретическую основу дополняли суфийские доктрины Термизи, Яссави, Ибн Араби, а затем геометрия Вселенной по Улугбеку и «Трактат» Филарете. Акбар унаследовал — и это перешло к молодым Темуридам — неприятие Реформацией формального аспекта религии и поиски скрытой за ним духовности. Реформация открыла Европе путь к XVIII-му веку Просвещения человека, опиравшегося на разум, критическое суждение, свободомыслие и веротерпимость. Поиски же Темуридами спасения и их формировавшаяся светскость оставались во многом личными, — поэтому их духовно и архитектурно неоспоримым Ренессансам еще предстоял путь Реформаций социальных. В пройденном династией пути важны два аспекта. Темуриды рассматривали религии не идеалистически для самоизоляции, а прагматично для самосовершенствования. И они видели в религиях мощный источник взаимопонимания культур. Такое мышление Темуридов и делает их людьми не средневековья, а нашими современниками.

Архитектура Темуридов ознаменовала собой высшее в культуре Средней Азии, и новое знание о ней расширяет понимание региона, восполняет его роль в мировых связях, воздает должное его прогрессирующей общественной мысли.

Литература по ссылкам

ВВЕДЕНИЕ

1. Brown P. *Indian architecture (Islamic period)*. — Mumbai: D.B.Taraporevala Sons & Co. Pvt. Ltd., 1956—1997, p.92.
2. Parry J.H. *The Age of Reconnaissance*. — London: Weidenfeld and Nicolson, 1963, ill. 40.
3. Brotton J. *The Renaissance Bazaar. From the Silk Road to Michelangelo*. — New York: Oxford University Press, 2002, p.155.
4. Howard D. *Venice & the East. The Impact of the Islamic World on Venetian Architecture 1100—1500*. — New Haven & London: Yale University Press, 2000, p.3.
5. Lombard M. *The Golden Age of Islam*. — Princeton: Markus Wiener Publishers, 2003, p.238, fig.30.
6. Inalcik H. *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300—1600*. — New Rochelle, New York: Aristide D. Caratzas Publisher, 1973, p.181.
7. Хайруллаев М.М. *Общественно-философская мысль XVI-первой половины XIX вв.* — Аскарлов А.А., Мукминова Р.Г., Ахмедов Б.А., Камалов С.К., и др. *История Узбекистана*. Том 3. — Ташкент: Фан, 1993, стр.356, 360.
8. Пугаченкова Г.А. *Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты*. — Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г.Гуляма, 1976, стр.106—107.
9. Dale S. *The Garden of the Eight Paradises. Babur and the culture of empire in Central Asia, Afghanistan and India (1483—1530)*. — Leiden-Boston: Brill, 2004, p.457.
10. Chaliand G. *Nomadic empires. From Mongolia to the Danube*. — New Brunswick — London: Transaction Publishers, 2004, pp.39, 41, 42, 44.
11. Ханьков Н.В. *Заметки по этнографии Персии*. — Москва: Главная редакция восточной литературы, 1977, стр.81.
12. Scerrato U., Ettinghausen R. *Monuments of Civilization. Islam*. — London: The Reader's Digest, 1976, p.66.
13. Hambly G. *Cities of Mughal India*. — New Delhi-Kanpur: Vikas Publishing House, 1977, p.14.
14. Frye R. *Notes on the Renaissance of the 10th and 11th Centuries in Eastern Iran*. — Central Asiatic Journal. The Hague-Wiesbaden. 1955, Vol.1, 2, p.137 (137—143).
15. Young Ch.R. *The Twelfth Century Renaissance*. — Huntington-New York: Robert E.Krieger Publishing Company, 1977, p.131.

16. Swanson R.N. *The Twelfth-Century Renaissance*. — Manchester-New York: Manchester University Press, 1999, pp.156,172.
17. The Shorter Cambridge Medieval History. By C.W.Previte-Orton. Vol.1. *The Later Roman Empire to the Twelfth Century*. — Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1952, p.639.
18. Frankle P. *Gothic architecture*. — Baltimore-Maryland: Penquin Books, 1962, pp.1—2.
19. См.17, p.639.
20. См. 18, p.1—2.
21. См.4, p.xii, 222.
22. Hill D.R. *Islamic science and engineering*. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1993, p.232.
23. Gargiani R. *Principi e Costruzione nell'Architettura Italiana del Quattrocento*. — Roma-Bari: Laterza, 2003, p.613—614.
24. Пугаченкова Г.А. *Искусство Туркменистана*. — Москва: Искусство, 1967, стр.122.
25. Cosman M.P. *Medieval Wordbook*. — New York: Facts on File, Inc. 1996, p.109.
26. Neufeldt V., Guralnik D. *Webster's New World Dictionary of American English*. — Cleveland & New York: Webster's New World, 1989, p.583.
27. Mozzati L. *Islam*. — Venezia: Mondadori Electa, 2002, p.117.
28. Там же.
29. Rossabi, M. *Khubilai Khan. His Life and Time*. — London: The Folio Society, 2005, pp.X, 2, 175—176.
30. Lockhart L. *European contacts with Persia, 1350—1736*. — The Cambridge History of Iran. Vol.6. The Saljuq and Mongol Periods. Edited by P.Jackson, L.Lockhart. — London: Cambridge University Press, 1968, pp.373—374, 376 (373—411).
31. O'Kane B. *Chaghatay Architecture and the Tomb of Tughluq Temur at Almalig*. — Muqarnas. An annual of visual culture of the Islamic world. — Leiden: Brill, 2004, Vol.21, p.277.
32. Ryan, J. D. *Conversion or the Crown of Martyrdom: Conflicting Goals for Fourteenth-Century Missionaries in Central Asia*. — In: *Medieval Cultures in Contact*. Edited by Richard F.Gyug. — New York: Fordham University Press, 2003, pp. 19—38, pp.25, 30, 34
33. D'Epiro P., Desmond Pinkowish M. *Spezzatura. 50 Ways Italian Genius Shaped the World*. — New York: Anchor Books, 2001, p.92.
34. King R. *Brunelleschi's Dome*. — London: Penguin Books, 2000, p.25.
35. См.32, p. 27.
36. См.4, pp.173,178.
37. Pope A.U. *Persian Architecture*. — Shiraz: Pahlavi University, 1969, p.67.

38. См.4, pp.173, 179, 183.
39. Yapp M.E. *The Golden Horde and its Successors*. — The Cambridge history of Islam. Vol.1. The Central Islamic lands. Edited by P.M.Holt, A.K.S.Lambton, B.Lewis. — London: Cambridge University Press, 1970, p.497 (495—502).
40. *Всеобщая история архитектуры в 12 томах*. Гл.ред. Колли Н.Д. — Москва: Издательство литературы по строительству, 1960—1980, том 3, стр.61.
41. См.34, pp.6—9.
42. *English-Italian, Italian-English*. Edited by V.Machhi. — Firenze: Sansoni Editore, 1992, p.2163.
43. *Новеллино*. — Москва: Наука, 1984, стр.47, 275.
44. Bartoli L. *Il Disegno della Cupola del Brunelleschi*. — Firenze: Leo S. Olschki Editore, 1994, pp.86—7; Capretti E. *Brunelleschi*. — Firenze-Milano: Giunti, 2003, pp.42, 86.
45. Михайлов Б.П. *Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры*. — Москва: Издательство литературы по строительству, 1967, стр.101.
46. См.25, pp.61, 252, 353.
47. См.45, стр. 102.
48. Гумилев Л.Н. *Древние торки*. — Москва: Айрис Пресс, 2004, стр. 421, 466.
49. Ням-Осорын Цултэм. *Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века*. — Москва: Изобразительное искусство, 1982, стр.37.
50. Даркевич В.П. *Аргонавты средневековья*. — Москва: Наука, 1976, стр.144—145.
51. Мухтаров А.М. *Позднесредневековый Балх*. — Душанбе: Дониш, 1980, стр.17.
52. Вамбери Г. *История Бохары с древнейших времен до наших дней*. — Санкт Петербург: Типография Скарятин, 1873, стр.225.
53. Abu L-Fazl Allami. *The Ain-i Akbari*. Translated into English by Blochmann H. — Delhi: D.K. Fine Arts Press, 1989, Vol.I, pp.47—49.
54. Уотт У.М. *Влияние ислама на средневековую Европу*. — Москва: Наука, 1976, стр.54—56.
55. Cosgrove D. *Il Paesaggio Palladiano. La Trasformazione Geografica e le sue Rappresentazione Culturala nell' Italia del XVI Secolo*. — Verona: Cierre Edizione, 2000, pp.176, 279, 281—282.
56. Нильсен В.А. *Обсерватория Улугбека в Самарканде*. — Ташкент: Узбекистан, 1986, стр.38.
57. *The Baburnama. Memoirs of Babur, Prince and Emperor*. Translated, edited, and annotated by Wheeler M. Thackston. — New York: The Modern Library, 2002, p.392.

58. Spear P. *Delhi — the “Stop-Go” capital. A Summation.* — Spear P., Gupta N., Frykenberg. *The Delhi Omnibus.* — New Delhi: Oxford University Press, 2002, p.314 (309—325).
59. Timur Gorgani. *The Mulfuzat Timury, or Autobiographical Memoirs of the Moghul Emperor Timur.* Translated by Ch..Stewart. — Lahore: Sang-e-Meel Publications, (1830)-2000, pp.11, 59.
60. Nath R. *History of Mughal Architecture. Vol.I. Early Mughal Architecture. The Formative period: Babur and Humayun.* — New Delhi: Abhinav Publications, 1982, p.2.
61. Rehman A. *Historic Towns of Punjab. Ancient & Medieval Period.* — Rawalpindi-Karachi: Ferozsons, 1997, pp.61—62.
62. Filarete, Antonio Averlino Detto il. *Trattato di Architettura. Volume Secondo.* — Milano: Polifilo, 1972, pp.55, 349.
63. См. 3, p.149.
64. White J. *Italy. The enduring culture.* — London and New York: Leicester University Press, 2000, p.151.
65. *Asian travel in the Renaissance.* Edited by D.Carey. — Maiden, U.S. — Oxford, U.K. — Carlton, Australia: Blackwell Publishing, 2004, p.65.
66. *Encyclopedia of Indian Events and Dates.* By S.B.Bhattacharje. — New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1995, p.A 42.
67. Monserrate, Farther Anthony. *Mongolicae Legationis Commentarius (Latin).* Eng. tr. J.S.Hoyland and S.N.Banerji, Oxford University Press, 1922, pp.180—184, 203—204.
68. См.54, стр.103.
69. Berinstain V. *Mughal India. Splendours of the Mughal Throne.* — London: Thames and Hudson, 1998, p.68.
70. Danielo B. *La Missione al Gran Mogor.* — Milano: Aldo Martello, 1945, pp.4, 22, 33.
71. Guerreiro, Father Fernao. *Jahangir and the Jesuits.* With the accounts of The Travels of Benedict Goes and The Mission to Pegu. Translated by C.H.Payne. — London-New Delhi: George Routledge & Sons-Munishiram Manoharlal, 1930—1977, p.xvi.
72. Srivastava A.L. *Akbar the Great. Vol.II. Evolution of Administration, 1556—1605.* — Agra: Shiva Lal Agarwala, 1973, pp.36—37, 351—352.
73. См.71, pp.49, 52, 55, 57; 65, 78.
74. Lach D. *Asia in the Making of Europe. Vol.1, Book 1.* — Chicago-London: The University of Chicago Press, 1965, p.276.
75. Cardini F. *Europa e Islam.* — Roma-Bari: Editori Laterza, 1999, p.224.
76. Burghart D.L. *In the Track of Tamerlane: Central Asia's Path to the 21st Century.* — In: In the track of Tamerlane: Central Asia's path to the 21st century. Edited by

- Burghart D.L., Sabonis-Helf T. — Washington: National Defence University, Center for Technology and National Security Policy, 2004, pp.5, 20 (3—24).
77. Dupree L. *Afghanistan*. — Princeton and New Jersey: Princeton University Press, 1973, p.317.
78. Subtelny M.E. *The Poetic Circle at the Court of the Timurid Sultan Husain Bayqara and its Political Significance*. Dissertation. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, May 1979, pp.1—3, 149.
79. Fremantle R. *God and Money. Florence and the Medici in the Renaissance*. — Firenze: Leo S.Olschki Editore, 1992, pp.9—10.
80. Rosen S. *India's Spiritual Renaissance. The Life and Times of Lord Chaitanya*. — New York: Folk Books, 1988, p.12.
81. Irving R.G. *Indian Summer. Lutyens, Baker, and Imperial Delhi*. — New Haven and London: Yale University Press, 1981, p.103.
82. *Архитектура республик Средней Азии*. — Москва: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951, стр.55. Со ссылкой на «Архитектура СССР», 1934, 8.
83. Golombek L., Wilber D. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*. — Princeton, 1988.
84. См. 1.
85. Nath R. *History of Mughal Architecture*. — New Delhi: Abhinav Publishers, 1982—1994, Vol. I—IV.
86. Grover S. *Islamic Architecture in India*. — New Delhi: Galgotia, 1996.
87. См.60, p.289.
88. Nath R. *History of Mughal architecture. Vol.II. Akbar. 1556—1605*. — New Delhi: Abhinav Publishers, 1985, p.228.
89. *A Mirror of Princes. The Mughals and the Medici*. Edited by A.Pertuccioli. — Bombay: Marg Publications, 1987.
90. Berinstain V. *Mughal India. Splendours of the Peacock Throne*. — London: Thames and Hudson, 1998, p.102.
91. Petruccioli A. *The City as an Image of the King: Some Notes on the Town-Planning of Mughal Capitals in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. — Architecture in Medieval India. Forms, Contents, Histories. Edited by M. Juneja. — New Delhi: Permanent Black, 2001, p.542 (pp.541—548).
92. См.8.
93. Маньковская Л.Ю. *Типологические основы зодчества Средней Азии. IX-начало XX в.* — Ташкент: Фан, 1980.
94. Ал-Бухорий, Хофиз Таниш. *Абдулломома. Шарафномаи шоҳий*. Иккинчи китоб. — Тошкент: Шарқ, 2000, 128 бет.

1. ХОНАКОХ ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО ТЕМУРА

1. Яссави, Ахмад. *Девони хикмат*. — Тошкент: Ғ.Ғулом адабиёт ва санъат нашриети бирлашмаси, 1991, 32 бет.
2. Нурмухамедова Ш.З. *Проблемы античной и средневековой архитектуры Средней Азии в исследованиях Г.А.Пугаченковой*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. — Ташкент: ТАСИ, 2008, стр.109.
3. Муминов И. *Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников*. — Ташкент: Фан, 1963, стр.15—16.
4. Boyce M. *Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices*. — London-New York: Routledge, 2001, p.14.
5. Clark P. *Zoroastrianism. An Introduction to an Ancient Faith*. — Brighton-Portland: Sussex Academic Press, 1998, p.116.
6. *Zoroastrian Rituals in Context*. Edited by M.Stausberg. — Leiden-Boston: Brill, 2004, p.619, 620.
7. *Хрестоматия по исламу*. — Москва: Наука, 1994, стр.139.
8. Kahler H. *Haghia Sophia*. — New York — Washington: Frederich A.Praeger Publishers, 1967, pp.66—67.
9. Watt W.M. *Muhammad. Prophet and Statesman*. — London-New York: Oxford University Press, 1961, pp.14, 30.
10. *The Koran*. Translated by N.J. Dawood. — London: Penquin Books, 1956—1999. 18. The Cave, p.206, 18:14—18—17.
11. Там же, p.207 (18:21).
12. Агеева Е.И. *Цитадель*. — В: *Археологические исследования на северных склонах Каратау*. — Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1962, стр.148 (117—153).
13. Там же, стр.120,146,153 (117—153).
14. Esin E. *Baliq and Ordu (The Early Turkic Circumvallations in Architectural Aspects)*. — Central Asiatic Journal. Wiesbaden. 1983, V.27, 3—4, pp.168—208.
15. Ходжаев М.К. *К генезису мавзолея Саманидов*. — Архитектура и строительство Узбекистана, 1984, 2, стр.6—8.
16. Шарденова З. *Архитектура средневековых городов южного Казахстана*. — Алматы: Кумбез, 1997, 2, стр.34—39.
17. *St.Sophia. The Chora Church*. — Istanbul: Mert Basim Yayincilik Dagitim ve Reclamcilik Tic.Ltd.Sti., 2007, p.27.
18. См.12, стр.125.
19. Onder O. *Mevlana, Mevlevi Order, and Mevlana Museum*. — Ankara: Donmez Offset, 2007, p.20.

20. Кныш А.Д. *Мусульманский мистицизм*. — Москва — Санкт-Петербург: Диля, 2004, стр.118, 194.
21. Al-Geyoushi M.I. *Al-Tirmidhi's Conception of the Areas of Interiority*. — The Islamic Quarterly, 1972, Volume16, 3—4, pp.168—188.
22. См.1, стр.201—203.
23. Там же, стр.70, 74.
24. Там же, стр.131.
25. Ryan J. D. *Conversion or the Crown of Martyrdom: Conflicting Goals for Fourteenth-Century Missionaries in Central Asia*. — Medieval Cultures in Contact. Edited by Richard F.Gyug. — New York: Fordham University Press, 2003, pp.19—38.
26. Хмельницкий С.Г. *Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Часть I*. — Берлин-Рига: Гамажун, 1996, стр.117—120.
27. См.21, р.180—181.
28. Ноткин И.И. *К производству работ на комплексе Шейх-Мухтар-Вали в кишлаке Остана*. — Ташкент: Главное управление по охране памятников и изобразительного искусства Министерства культуры Республики Узбекистан, 1973, стр.12—13.
29. Яздий Ш.А. *Зафарнома*. — Тошкент: Шарк, 1997, 9 а, в (19) бет.
30. См.20, стр.367.
31. Там же, стр.237,239,370.
32. *Мудрость суфиев*. Пер. с персид. — Санкт-Петербург: Азбука, 2001, стр.24.
33. См.10. 18. The Cave, p.207, 18:18.
34. См.5, р.116.
35. O'Kane, B. *Chaghatai architecture and the tomb of Tughluq Temur at Almaliq*. — Muqarnas. An annual on the visual culture of the Islamic world. Vol.21, Leiden: Brill, 2004, p.277 (277—288).
36. *Темур ва Улугбек даври тарихи*. — Тошкент, Комуслар бош тахририяти, 1996, 12, 72 бет.
37. Timur Gorgani. *The Mulfuzat Timury, or Autobiographical Memoirs of the Moghul Emperor Timur*. Translated by Ch..Stewart. — Lahore: Sang-e-Meel Publications, (1830)-2000, p.54.
38. Ноткин И.И. *Архитектура Средней Азии XIII—XIV вв.* — Всеобщая история архитектуры. — Москва: Издательство литературы по строительству, 1969, том 8, стр.272—273.
39. Немцева Н.Б. *Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре*. — Бухара: Бухоро, 2003, стр.108.
40. Захидов П.Ш. *Дворец или мавзолей?* — Строительство и архитектура Узбекистана, 1974, 9, стр.32—34.

41. Пугаченкова Г.А. *И все-таки — мавзолей!* — Строительство и архитектура Узбекистана, 1975, 12, стр.10—13.
42. Зохидов П.Ш. *Темур даврининг меъморий каҳкашони*. — Тошкент: Шарк, 1996, 69—73 бет.
43. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А., Засыпкин Б.Н., и др. *Мавзолей Ишратхана*. — Ташкент: Государственное издательство художественной литературы, 1958, стр.67.
44. Вяткин В.Л. *Вакуфный документ Ишратхана*. — Там же, стр.124 (111—136).
45. Там же, стр.124, 131, 132, 135.
46. Там же, стр.26, 29, 111, 122, 132, 135.
47. Пугаченкова Г.А. *Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты*. — Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г.Гуляма, 1976, стр.104.
48. См. 20, стр.72.
49. Шихаб-ад-дин ибн бинт амир Хамза. *Житие Амира Кулала*. — См. 32, стр. 230, 260, 262 (27—270).
50. *The Letters of Kwaja Ubayd Allah Ahrar and His Associates*. By A. Urinbaev and J.-A. Gross. — Leiden-Boston-Koln: Brill, 2002, pp.163, 272.
51. См. 41.
52. См.47, стр.42.
53. См.29,стр.221.
54. См.37, р.144.
55. Вамбери Г. *История Бохары с древнейших времен до наших дней*. — Санкт Петербург: Типография Скарятина, 1873, стр.158.
56. Кляшторный С.Г., Султанов Г.И. *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье*. — Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004, стр.187, 189.
57. Аскарлов А.А., Мукминова Р.Г., Ахмедов Б.А., Камалов С.К., и др. *История Узбекистана*. Том 3. — Ташкент: Фан, 1993, стр.343.
58. Can S. *Fundamentals of Rumi's Thought: A Mevlevi Sufi Perspective*. — New Jersey: Light, 2005, p.301.

2. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ СТОЛИЦЫ: БАЛХ И САМАРКАНД

1. *The Koran*. Translated by N.J.Dawood. — London: Penquin Books, 1956—1999. 65. Divorce, p.397—398 (65:12).
2. Агаджанов С.Г. *Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв.* — Москва: Наука, 1991, стр.167.
3. *Древнетюркский словарь*. — Ленинград: Наука, 1967, стр.611.
4. Unsal B. *Turkish Islamic Architecture in Seljuk and Ottoman Times, 1071—1923*. — London: Alec Tiranti, 1959, pp.11—12.
5. Большаков О.Г. *Средневековый город Ближнего Востока. VII-середина XIII вв.* — Москва: Наука, 1984, стр.116, 118.
6. Kwanten L. *Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500—1500*. — Leicester: University Press, 1979, p.172.
7. Petrushevsky I.P. *The Town in the Fourteenth Century*. — The Cambridge History of Iran. Vol.5. The Saljuq and Mongol periods. — London-New York: Cambridge University Press, 1968, p.509 (505—514).
8. *Islamic Urban Studies. Historical Review and Perspectives*. Edited by Haneda M., Miura T. — London-New York: Kegan Paul International, 1994, p.287.
9. Федоров-Давыдов Г.А. *Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII—XIV вв.* — Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. — Алматы: Наука, 1983, стр.215, 218 (215—20).
10. Wilber D.N. *The Architecture of Islamic Iran. The Ilkhanid Period*. — Princeton: University Press, 1995, pp.16, 23.
11. C.Adle. *The Alleged Collapse of the Cupola of Qazan Khan's mausoleum at Tabriz in 705/1305 and its Political Implications*. — Studia Iranica, 1986, Vol.15, 2, p.270.
12. Blair S.S. *The Mongol Capital of Sultaniya, "the Imperial"*. — Iran. Journal of the British Institute of Persian studies. 1986, Vol.24, pp.140, 144 (139—151).
13. Blair S.S., Bloom J.M. *The Art and Architecture of Islam. 1250—1800*. — New Haven and London, Yale University Press, 1994, 1995, p.7.
14. См.12, p.146 (139—151).
15. *The Baburnama. Memoirs of Babur, Prince and Emperor*. Translated, edited, and annotated by Wheeler M. Thackston. — New York: The Modern Library, 2002, p.458.
16. *The Cambridge History of Iran*. V.6. The Saljuq and Mongol Periods. Edited by P.Jackson, L.Lockhart. — London: Cambridge University Press, 1968, p.401.
17. Timur Gorgani. *The Mulfuzat Timury, or Autobiographical Memoirs of the Moghul Emperor Timur*. Translated by Ch..Stewart. — Lahore: Sang-e-Meel Publications, (1830)-2000, pp.54—56.

18. Там же, р.119.
19. Manz B. F. *The Rise and Rule of Tamerlane*. — Cambridge: University Press, 1989, pp.54—57, 78—79.
20. Массон В.М., Ромодин В.А. *История Афганистана*. Том I. — Москва: Наука, 1964, стр.324, 332.
21. Ал-Бухорий, Хофиз Таниш. *Абдуллонома. Шарафномаи шоҳий*. Иккинчи китоб. — Тошкент: Шарк, 2000, 403 бет.
22. Вамбери Г. *История Бохары с древнейших времен до наших дней*. — Санкт Петербург: Типография Скарятина, 1873, стр.12.
23. Бартольд В.В. *Сочинения*. Том VII. — Москва: Наука, 1971, стр.41.
24. Там же., стр.42.
25. *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Том I. — Moskva-Leningrad, 1939, стр.149. Цитируется по: Мухтаров А.М. *Позднесредневековый Балх (материалы к исторической топографии города в XVI—XVIII вв.)*. — Душанбе: Дониш, 1980, стр.17.
26. Ртвеладзе Э.В. *Великий шелковый путь*. — Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, стр.195.
27. См. 22, стр.42—43.
28. См. 21, стр.79.
29. Хмельницкий С.Г. *Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии*. — Берлин-Рига: Гамажун, 1992, стр.33.
30. Togan Z.V. *The Topography of Balkh Down to the Middle of the Seventeenth century*. — Central Asiatic Journal, Wiesbaden, 1970, Vol.XIV, 4, p.278 (277—88).
31. Массон М.Е. *Архитектурно-планировочный облик Самарканда эпохи Навои (вторая половина XV в.)*. — В сб.: Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия, выпуск 81, Исторические науки, книга 12. — Ташкент: Издательство САГУ, 1956, стр.83 (57—84).
32. Dupree L. *Afghanistan*. — Princeton and New Jersey: Princeton University Press, 1973, pp. 307—309.
33. Мухтаров А.М. *Позднесредневековый Балх (материалы к исторической топографии города в XVI—XVIII вв.)*. — Душанбе: Дониш, 1980, стр.41—47.
34. Бухари, Хафиз-и Таныш. *Шараф-нама-и-шахи. Книга царской славы*. Часть 1. — Москва: Наука, 1983, стр.191.
35. Ремпель Л.И. *Далекое и близкое. Бухарские записи*. — Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Г.Гуляма, 1981, стр.106.
36. Муминов И.М., Аскарлов А.А., Лев Д.Н., и др. *История Самарканда*. Том I. — Ташкент: Фан, 1969, стр.12—13.
37. См. 22, стр. XXVI, 73—75.

38. Нильсен В.А. *У истоков современного градостроительства Узбекистана*. — Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г.Гуляма, 1988, стр.27.
39. Маньковская Л.Ю. *Бухоро. Из истории города*. — Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г.Гуляма, 1991, стр.56.
40. Абу Тахир Ходжа. «Самария». *Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда*. Перевод В.Л.Вяткина. — Справочная книга Самаркандской области 1898. — Самарканд: Типография К.М.Федорова, 1899, стр.223 (153—259).
41. Cawthorne N. *Tyrants. History's 100 Most Evil Despots & Dictators*. — New York: Barnes & Noble, 2005, p.39.
42. См.17, p. 90.
43. *О классовой борьбе в Самарканде в 1365—1366 гг.* — Ташкент: Издательство Комитета наук, 1936, стр.14.
44. См.31, p.57—84.
45. См.36, стр.147, 153.
46. Bonine M.E. *The Morphogenesis of Iranian Cities*. — Annals of the Association of American Geographers, 1979, Vol 69, 2, pp.208—224.
47. Али, Гиясиддин. *Дневник похода в Индию*. — Москва: Издательство восточной литературы, 1958, стр.190.
48. Сухарева О.А. *Оборонительные стены Самарканда*. — В сб.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. — Москва: Наука, 1979, стр.91—93 (85—95).
49. Массон М.Е. *К периодизации древней истории Самарканда*. — Вестник древней истории. — Москва: Издательство АН СССР, 1950, 4, стр.155—166.
50. См.31, pp.57—84.
51. Пугаченкова Г.А. *Среднеазиатские сады и парки*. — В сб.: Пугаченкова Г.А. Из истории сокровищницы Среднего Востока. — Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1987, стр.184 (172—185).
52. Adorno F., Adriani M., Apollonio M., et al. *The World of Renaissance Florence*. — Florence: Cuinti, 1999, pp.31—32.
53. *Древнетюркский словарь*. — Ленинград: Наука, 1969, стр.200.
54. *Encyclopedia of the Renaissance*. P.F. Grendler, Editor in chief. Vol.2/6. — New York: Charles Scribner's Sons, 1999, p.389.
55. См.52, стр.31—32.
56. Bartoli M.T. *Un Laboratorio Dell' Architettura Gotica. Firenze, la citta, le mura, il palazzo*. — Citta e architettura. Le matrici do Arnolfo. A cura di Bartoli M.T., Bertocci S. — Firenze: Edifir, 2003, p.29 (17—53).
57. См.54, p.382.
58. См.52, pp.31—32.

59. Brucker G. *Florence. The Golden Age 1138—1737*. — Berkeley-London: University of California Press, 1998, p.24—25.
60. См.1, 7. The Heights, p.(7:3) 109.
61. Ахмедов Б. *Икки оғиз сўз*. — Ал-Бухорий, Ҳофиз Таниш. *Абдуллонома. Шарафномайи шоҳий*. Иккинчи китоб. — Тошкент: Шарк, 2000, 270 бет.
62. MacLeod C., Mayhew B. *Uzbekistan: The Golden Road to Samarkand*. Hong-Kong: Odissey, 1999, p.224.
63. Chaliand G. *Nomadic Empires. From Mongolia to the Danube*. — New Brunswick — London: Transaction Publishers, 2004, p.78.
64. См.1, 90. The City, p. (90:1, 90:8) 426.
65. Althamry, E. *The Civilization History of Bukhara City from Arabic Period up to the End of the Xth Century*. — MA thesis in Yanmok University, Amman, Jordan, 1997.
66. Ikram S.M. *Muslim Civilization in India*. — New York-London: Columbia University Press, 1964, p.114.
67. *Islamic Heritage of the Deccan*. Guest editor G. Michell. — Bombay: Marg Publications, 1986, p.28.
68. Michell G., Eaton R. *Firuzabad. Palace City of the Deccan*. — Oxford: University Press, 1992, p.89.
69. Brown P. *Indian Architecture (Islamic period)*. — Mumbai: Taraporevala, 1956—1997, p.70.
70. См.67, pp. 55—57.
71. *Encyclopedia of Indian Events and Dates*. By S.B.Bhattacharje. — New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1995, p.A 49.
72. Pertuccioli A. *The City as an Image of the King. Some Notes on the Town Planning of Mughal Capitals in the XVth-XVIIth Centuries*. — In: *A Mirror of the Princes. The Mughals and the Medici*. — Bombay: Marg Publications, 1987, p.63 (57—68).
73. См.67, p.74.
74. Филимонов В.М. *Регистан-Майдан — древнейший градоформирующий элемент Бухары*. — Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 6, стр.11—14.
75. Safrani Sh.H. *The Deccan. A Nucleus of Culture*. — Golkonda and Hyderabad. Edited by Sh.H.Safrani. Bombay: Marg Publications, 1992, p.16 (1—18).
76. Ал-Бухорий, Ҳофиз Таниш. *Абдуллонома. Шарафномайи шоҳий*. Иккинчи китоб. — Тошкент: Шарк, 2000, 211, 285 бет.

3. ЧЕТЫРЕ ЭТАПА ДИНАСТИИ

1. Nath R. *History of Mughal Architecture*. Vol.I. Early Mughal Architecture. The Formative period: Babur and Humayun. — New Delhi: Abhinav Publications, 1982, p.2.
2. Азимджанова С.А. *Индийский диван Бабура*. — Ташкент: Фан, 1966, стр.77, 81—83.
3. Blake S.P. *Shahjahanabad: the Sovereign City in Mughal India, 1639—1739*. — Cambridge-Sydney: Cambridge University Press, 1991, p.13.
4. Гулбаданбегим, Захириддин Бобур кизи. *Хумоюннома: Захириддин Мухаммад Бобурнинг ўгли — Хумоюн подшоҳнинг ахлоли*. Форс тилидан С.Азимжонов тарж.; масъул муҳаррир А.П.Каюмов. — Тошкент: Маънавият, 1998, 40,46,98 бет.
5. Hambley G. *Cities of Mughul India*. — New Delhi-Kanpur: Vikas, 1977, p.28.
6. Nath R. *Agra and its monuments*. Agra: The Historical Research Documentation Program, 1997, p.8.
7. Хофизии Абру. “*Зайли Зафарномаи Шомий*”дан. Форс тилидан О.Бўриев тарж. — Темурийлар бунедкорлиги давр манбаларида. — Тошкент: А.Қодирий номидаги халқ Мероси нашриети, 1997, 78 бет.
8. Клавихо, Руи Гонсалес де. *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403—1406)*. — Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990, стр.114—132.
9. Wilber D.N. *The Timurid Court: Life in Gardens and Tents*. — Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. — 1979, Vol.17, pp.127—134.
10. *Textual Sources for the Study of Zoroastrianism*. Edited and translated by Mary Boyce. — Manchester: University Press, 1984, p.17.
11. Минерт Л.К. *Монгольское градостроительство XIII—XIV веков*. — В кн.: История и культура Востока Азии. — Новосибирск: Наука, 1990, стр.102 (89—106).
12. Ням-Осорын Цултэм. *Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века*. — Москва: Изобразительное искусство, 1982, стр.38—39.
13. Карпини П. *История монголов*. Цитируется по книге: Рубрик В. Путешествие в восточные страны. Пер.Малеина А.И. Санкт-Петербург, 1911, стр.138—140.
14. Даркевич В.П. *Аргонавты средневековья*. — Москва: Наука, 1976, стр.147.
15. Malla B.L. *Trees in Indian Art Mythology and Folklore*. — New Delhi: Aryan Books International, 2000, p.3.
16. Timur Gorgani. *The Mulfuzat Timury, or Autobiographical Memoirs of the Moghul Emperor Timur*. Translated by Ch..Stewart. — Lahore: Sang-e-Meel Publications, (1830)-2000, p.17—18.

17. Там же, р.152.
18. Али, Гиясаддин. *Дневник похода в Индию*. — Москва: Издательство восточной литературы, 1958, стр.14.
19. Banerjee J.M. *History of Feruz Shah Tughluq*. — Delhi: Munshiram Manoharlal, 1967, pp. 154, 160.
20. Jauhri R.C. *Firoz Tughluq (1351—1388)*. — Agra: Shiva Lal Agarwala & Company, 1968, pp.154—192.
21. Sharma Y.D. *Delhi and Its Neighbourhood*. — New Delhi: Archaeological Survey of India, 1990, pp.130, 135—136.
22. Stephen C. *The Archaeology and Monumental Remains of Delhi*. — New Delhi: Aryan Books International, 1876—2002, pp.78—79.
23. Encyclopedia of Indian Events and Dates. By S.B.Bhattacharje. — New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1995, p. A29.
24. Кныш А.Д. *Мусульманский мистицизм*. — Москва — Санкт-Петербург: Диля, 2004, стр.270—271, 324.
25. Яздий, Шарафуддин Али. *Зафарнома*. — Тошкент: Шарк, 1997, 209 (208а) бет.
26. См.8, стр.102.
27. Там же, стр.134.
28. Там же, стр.135.
29. Yazdani G. *Mandu. The City of Joy*. — New Delhi: Arian Books International, 2000, p.9.
30. Brown P. *Indian Architecture (Islamic Period)*. — Mumbai: D.B.Taraporevala Sons & Co.Pvt.Ltd., 1956—1997, p.50.
31. Бабур З.М. *Бабур-наме*. — Ташкент: Главная редакция энциклопедии. 1993, стр.229.
32. Бабур З.М. *Бабур-наме*. — Ташкент: Главная редакция энциклопедии. 1982, стр.18.
33. Там же, стр.131 (176 б).
34. Ali, Mohan. *Travels in the Punjab, Afghanistan, Turkistan to Balk, Bokhara & Herat*. — Lahore: Al Biruni, 1979 (first published in Calcutta in 1834), p.311.
35. Бобир З.М. *Бобирнома*. — Тошкент: Ўзбекистон ССР Фанлар Академияси нашриети, 1960, 321—371 бет.
36. Там же, 426 бет.
37. *Бобирнома расмлари*. — Тошкент: Фан, 1970, 32 расм.
38. *The Baburnama. Memoirs of Babur, Prince and Emperor*. Translated, edited, and annotated by Wheeler M. Thackston. — New York: The Modern Library, 2002, p.262.

39. Koch E. *The Mughal Waterfront Garden*. — Gardens in the Time of the Great Muslim Empires. Leiden-Koln: Brill, 1997, p.154 (140—160).
40. См.32, стр.238—239.
41. *The Koran*. Translated by N.J.Dawood. — London: Penquin Books, 1956—1999. 44. Smoke, p.348 (44:1).
42. *The Tuzuk-I-Jahangiri or Memoirs of Jahangir*. Vol.I. Translated by Alexander Rogers, edited by Henry Beveridge. — New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt.Ltd., 1978, p.427.
43. Moynihan E.B. *The Lotus Garden Palace of Zahir al-din Muhammad Babur*. — Muqarnas, 1993, Vol.10, pp.136, 139 (135—152).
44. См 4, стр.41.
45. Crane H. *The Patronage of Zahir al-Din Babur and the Origins of Mughal Architecture*. — Bulletin of the Asia Institute. New Series, Vol.1, 1987. Detroit, Michigan: Wayne State University Press, 1987, p.99 (95—110).
46. Rehman A. *Historic Towns of Punjab. Ancient and Medieval Period*. — Rawalpindi: Ferozsons, 1997, p.177.
47. Latif S.M. *Lahore: Its History, Architectural Remains and Antiquities*. — Lahore: Sang-e-Meel Publications, 1892—1994, ill. pp.112—113.
48. Бабур З.М. *Избранная лирика*. — Ташкент: Главная редакция энциклопедии, 1982, стр.99.
49. См.2, стр.45.
50. См.6, p.10.
51. См.4, стр.42.
52. См.6, стр.169.
53. Nath R. *India as Seen by Babur*. — New Delhi: MD Publications, 1996, p.22.
54. См.4, стр.50—54.
55. Sharma Y.D. *Delhi and Its Neighbourhood*. — New Delhi: Archaeological Survey of India, 1990, pp.34—36.
56. Brown P. *Indian Architecture (Islamic Period)*. — Mumbai: Taraporevala, 1997, p.87.
57. Das A.K. *Mughal Masters. Further Studies*. — Mumbai: Marg Publications, 1998, p.19, ill. 9.
58. Khokhar M.H. *Conservation of Lahore Fort*. — The Mughal Garden. Interpretation, Conservation, and Implications. Edited by Hussain M., Rehman A., Westcoat J.L.Jr., Rawalpindi-Karachi: Ferozsons, 1996, p.131 (129—132).
59. Nath R. *Private Life of the Mughals of India*. — Jaipur: The Historical Research Documentation Program, 1996, pp.4—9, 121—123, 145.
60. R.Nath. *Historiographical Study of Indo-Muslim Architecture (Medival architecture of India and Pakistan)*. — Jaipur: The Historical Research Documentation Programme, 1989, p.28.

61. См.8, стр.117—119.
62. Там же, стр.132.
63. Там же, стр.115.
64. Nath R. *Mosque Architecture (from Medina to Hindustan, 622—1654)*. — Jaipur: The Historical Research Documentation Program, 1994, p.94.
65. Moynihan E.B. *Paradise as a Garden*. — New York: George Braziller, Inc., 1979, p.115.
66. См.42, p.196.
67. Там же, p.89.
68. *Memoirs of the Emperor Jahangueir Written by Himself and Translated from a Persian Manuscript by Major David Price*. — New Delhi: Mittal Publications, 1829—1904—1995, pp. 53—54.
69. См.16, p.13.
70. Terry J. *The Charm of Indo-Islamic Architecture*. — London: Aleg Tianti Ltd., 1955, p.10.
71. См.65, p.85—86.
72. Brand M. *Orthodoxy, Innovation, and Revival: Considerations of the Past in Imperial Mughal Tomb Architecture*. — Muqarnas, Vol.10, 1993, p.326 (322—334).
73. *King of the World. The Padshahnama*. An Imperial Mughal Manuscript from the Royal Library, Windsor Castle. Milo C.Beach, Ebba Koch. Azimuth Editions. Sackler Gallery. — London: Thames and Hudson, 1997, p.25, ill.4—5: Temur and Shahjahan. Folio 2B-3A, about 1657.
74. См.47, p.114
75. См.2, стр.77—81.
76. Irving R.G. *Indian Summer. Lutyens, Baker, and Imperial Delhi*. — New Haven and London: Yale University Press, 1981, p.7, ill.4,7.

4 ВОЗРОЖДЕНИЕ ХОНАКОХ

1. Бухари, Хафиз-и Таныш. *Шараф-нама-йи-шахи. Книга царской славы. Часть 1.* — Москва: Наука, 1983, стр.174.
2. McChesney R.D. *Central Asia: Foundations of Change.* — Princeton, New Jersey: The Darwin Press, Inc., 1996, pp.129—138.
3. Там же.
4. Gargiani R. *Principi e Costruzione nell'Architettura Italiana del Quattrocento.* — Roma-Bari: Laterza, 2003, pp.257, 262, 479—480, 651.
5. Саваренская Т.Ф. *История градостроительного искусства.* — Москва: Стройиздат, 1984, стр.326.
6. Торопов С.А. *Архитектура донетровской Москвы.* — Москва: Главное издательство по строительству и архитектуре, 1954, стр.25—26.
7. *История русской архитектуры.* — Москва: Государственное издательство по строительству и архитектуре, 1956, стр.145.
8. Аскарлов А.А., Мукминова Р.Г., Ахмедов Б.А., Камалов С.К., и др. *История Узбекистана.* Том 3. — Ташкент: Фан, 1993, стр.81.
9. Ал-Бухорий, Хофиз Таниш. *Абдуллонома. Шарафномаи шоҳий.* Иккинчи китоб. — Тошкент: Шарк, 2000, 119 бет.
10. ЮБартольд В.В. *К вопросу о погребальных обрядах тюрков.* — Сочинения, том 4. Москва: 1966, стр.393.
11. Subtelny M.E. *Mirak-i Sayyid Ghiyas and the Timurid Tradition of Landscape Architecture.* — *Studia Iranica*, 1995, Vol.24, 1, pp.34—35 (19—60).
12. Foltz R.C. *Mughal India and Central Asia.* — Karachi: Oxford University Press, 1998, p.87.
13. Grover S. *Islamic Architecture in India.* — New Delhi: Galgotia, 1996, p.120.
14. Brown P. *Indian Architecture.* Mumbai: Taraporevala, 1956—1997, p.93.
15. Tadgell Ch. *The History of Indian Architecture.* London, Phaidon, 1990—1998, p. 231.
16. Nath R. *Agra and its Monuments.* Agra, The Historical Research Documentation Program, 1997, pp.42, 44.
17. Бурякова Е.Ю. *К планировке и фортификации самаркандской цитадели XIV—XV вв.* — Культура Среднего Востока: развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Ташкент: Фан, 1989, стр.115—125.
18. Allchin F.R., Hammond N. *The Archaeology of Afghanistan from Earliest Times to the Timurid period.* — London: Academic Press, 1978, pp.395,398.
19. Frye R.N. *Two Timurid Monuments in Herat.* — *Artibus Asia (Ascona, Switzerland)*, 1947, Vol.XI, 3, p.211 (206—212).
20. Кныш А.Д. *Мусульманский мистицизм.* — Москва — Санкт-Петербург: Диля, 2004, стр.313.

21. De Weese D. *The Masha'ikh-i Turk and the Khojagan: Rethinking the Links between the Yassavi and Naqshbandi Sufi Traditions*. — *Journal of Islamic Studies*. Vol.7, 2, 1996, pp.202, 203, 206 (180—207).
22. Srivastava A.L. *Akbar the Great*. Vol.II. Evolution of Administration, 1556—1605. — Agra: Shiva Lal Agarvala & Company, 1973, pp.310—311.
23. Guerreiro, Father Fernao. *Jahangir and the Jesuits. With the accounts of The Travels of Benedict Goes and The Mission to Pegu*. Translated by C.H.Payne. — London-New Delhi: George Routledge & Sons-Munishiram Manoharlal, 1930—1977, p.52.
24. Abu L-Fazl Allami. *The Ain-i Akbari*. Translated into English by Blochmann H. — Delhi: D.K. Fine Arts Press, 1989, Vol.III, p.398.
25. Buehler A.F. *The Naqshbandiyya in Timurid India: the Central Asian Legacy*. — *Journal of Islamic Studies*. Vol.7, 2, 1996, p.217.
26. Nizami K.A. *Popular Movements, Religious Trends and Sufi Influence on the Masses in the Post-Abbasid period*. — *History of Civilizations of Central Asia*. Vol.IV. — Paris: UNESCO Publishing, 1998, p.377 (365—381).
27. Ahmad A. *Studies in Islamic Culture in the Indian Environment*. — Oxford: Claredon Press, 1964, p.191.
28. *Манакиб-и Ходжа Убайдаллах Ахрар*. — *Мудрость суфиев*. Пер. с персид. — Санкт-Петербург: Азбука, 2001, стр.379 (373—428).
29. Махдум-и Аъзам. *Трактат о назидании султанам* (Рисала-йи Танбих ас-Салатин). — Там же, стр.380 (373—428).
30. Foltz R. *The Central Asian Naqshbandi Connection of the Mughal Emperors*. — *Journal of Islamic Studies*. Vol.7, 2, 1996, pp.230—231 (229—239).
31. Mishra R. *Women in Mughal India (1526—1748)*. — Delhi-6, Munshiram Manoharlal, 1967, p.84. With ref. to: Dara Shukoh — *Life and Works*. By B. Hasrat, pp.84—86.
32. Brown P. *Indian Architecture (Islamic Period)*. — Mumbai: Taraporevala, 1956—1997, p.93.
33. Berinstain V. *Mughal India. Splendours of the Peacock Throne*. — London: Thames and Hudson, 1998, pp.114—115.
34. Carroll D. *The Taj Mahal*. — New York: Newsweek, 1972, p.108.
35. Петров М.Т. *Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса*. — Ленинград: Наука, 1982, стр.210.
36. Вазари Дж. *Микеланджело*. — *Жизнеописание великих художников*. — Москва: ТКИСО, 1995, стр.104.
37. Rehman A. *Historic Towns of Punjab. Ancient & Medieval Period*. — Rawalpindi-Karachi: Ferozsons, 1997, p.182.

38. Khokhar M.H. *Conservation of Lahore Fort Gardens*. — The Mughal Garden. Interpretation, Conservation, and Implications. Edited by M.Hussain, A.Rehman, J.L.Wescoat Jr., Rawalpindi-Karachi: Ferozsons (Pvt) Ltd., p.129 (129—132).
39. Abu L-Fazl Allami. *The Ain-i Akbari*. Translated into English by Blochmann H. — Delhi: D.K. Fine Arts Press, 1989, Vol.I, pp.179—180.
40. Rezavi S.A.N. *Revisiting Fatehpur Sikri. An Interpretation of Certain Buildings*. — Akbar and his India. — Delhi: Oxford University Press, 1998, pp.177—178 (173—187).
41. Aijazuddin F.S. *Lahore. Illustrated Views of the XIXth century*. — Ahmedabad: Mapin Publishing Pvt.Ltd., 1991, p.48.
42. Moynihan E.B. *Paradise as a Garden*. — New York: George Braziller Inc., 1979, p.142.
43. Nath R. *History of Mughal Architecture*, Vol.II, Akbar (1556—1605). — New Delhi: Abhinav Publications, 1985, map 1.
44. Koch E. *Mughal Architecture*. — New Delhi: Oxford, 2002, p.49.
45. *Древнетюркский словарь*. — Ленинград: Наука, 1969, стр.197.
46. См.37, p.214.
47. Nath R. *Private Life of the Mughals of India (1526—1803)*. — Jaipur: The Historical Research Documentation Program, 1996, pp.139—140.
48. *The Koran*. Translated by N.J.Dawood. — London: Penguin Books, 1956—1999. 39. The Throngs, p.(39:17) 323 (321—328).
49. Iizuka K. *The Shah Jahan's Concept of Town Planning in Delhi*. — Roma: Environmental Design, 1984, pp.30—35.

5. ФЕМИНИЗАЦИЯ

1. Carroll D. *The Taj Mahal*. — New York: Newsweek, 1972, p.20.
2. *Encyclopedia of Indian Events and Dates*. By S.B.Bhattacharje. — New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1995, p.A 45.
3. *Мудрость суфиев*. Пер. с персид. — Санкт Петербург: Азбука, 2001, стр.437.
4. Burkhardt T. *An Introduction to Sufism*. — Kent: Crucible, 1990, p.79.
5. *Encyclopedia of Religious Rites, Rituals, and Festivals*. Editor F. A. Salamone. — New York — London: Routledge, 2004, p.122.
6. *The Enlightened Mind. An Anthology of Sacred Prose*. Edited by S.Mitchell. — New York: HarperPerennial, a division of Harpers Collins Publishers, 1993, p.71.
7. Мухаммад Парса ал-Бухари. *Трактат о святости (Писала-йи Кудсия)*. — См.3, стр.312(271—372).
8. Eaton R.M. *Sufis of Bijapur. 1300—1700. Social Roles of Sufis in Medieval India*. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1978, p.47.
9. Picknett L. *Sacred Sex and Divine Love*. — Secrets of the Da Vinci Code. An Unauthorized Guide to the Bestselling Novel. — U.S.News & World Report, Special edition, May 2006, p.33 (31—33).
10. Freke T., Gandy P. *The God and the Goddess*. — Там же, p.35 (34—35).
11. Starbird M. *The "Sacred Feminine."* — Там же, p.34 (34—35).
12. *Virgin and Child*. Italy (Lombardy or Emilia-Romagna), about 1125—1150. Limestone, with polichromy. Maria Antoinette Evans Fund, 1957. 57—583. Museum of Fine Arts, Boston.
13. См.10, p.35 (34—35).
14. Armstrong K. *History of God. The 4000—Year Quest of Judaism, Christianity and Islam*. — New York: Ballantine Books, 1994, pp.178—179, 236.
15. Luther M. *Through Faith Alone*. — Saint Louis: Concordia Publishing House, 1999, pp.:May 28, Feb 20.
16. Yazdani G. *Mandu. The City of Joy*. — New Delhi: Arian Books International, 2000, pp.19, 23, 63—64.
17. Taylor M., Fergusson J. *Architecture at Beejapoor*. — London: John Murray, 1866, p.60.
18. Tadgell Ch. *The History of Architecture in India*. London: Phaidon, 1990, pp.223—224.
19. Gascoigne B. *The Great Mughals*. — London: Constable, 1971—1991, p.44.
20. См.16, pp.34—35.
21. *The Koran*. Translated by N.J.Dawood. — London: Penquin Books, 1956—1999. 73. The Mantled One, p. 409 (73:1).

22. Шихаб-ад-дин ибн бинт амир Хамза. *Житие Амира Кулала*. — См.3, стр.138 (27—270).
23. Abul Fazl. *Akbar Nama*. Translation by A. Beveridge. Vol.II. — New Delhi: Bright Printers, 1902—1989, p.225.
24. Abu L-Fazl Allami. *The Ain-i Akbari*. Translated into English by Blochmann H. — Delhi: D.K. Fine Arts Press, 1989, Vol.III., p.424.
25. Там же, p.427—428.
26. Nath R. *Some Aspects of Mughal Architecture*. — New Delhi: Abhinav Publishers, 1976, pp.73—74.
27. См.21, 70. The Ladders, p. (70:22) 406.
28. Nath R. *Agra and Its Monuments*. Agra: The Historical Research Documentation Program, 1997, pp.13—14.
29. См.26, p.70.
30. Rawson F. *Tantra. The Indian Cult of Ecstasy*. — London: Thames and Hudson, 1973, pp. 10—12, 116.
31. Kaulacara R. *Silpa Prakasa. Medieval Orissan Sanskrit Text on Temple Architecture*. Translated by Boner A. and Sarma S. R. — Leiden: E.J.Brill, 1966, plate LII.
32. Malla B.L. *Trees in Indian Art Mythology and Folklore*. — New Delhi: Aryan Books International, 2000, pp.14, 66, 68, 69.
33. Ал-Бухорий, Ҳофиз Таниш. *Абдулланом. Шарафномаи шоҳий*. Иккинчи китоб. — Тошкент: Шарқ, 2000, 368 бет.
34. Rosen S. *India's Spiritual Renaissance. The Life and Times of Lord Chaitanya*. — New York: Folk Books, 1988, pp.iii,107.
35. См.34, pp.147—148.
36. *Great Thinkers of the Eastern World*. Edited by I. P. McGreal. — New York: Harper Collins Publishers, 1995, pp.244—246.
37. См.34, pp.147—148.
38. Blofeld J. *The Tantric Mysticism of Tibet*. — Boston: Shambhala, 1987, pp.150—151.
39. Nath R. *History of Mughal Architecture*. Vol.II: Akbar. — Delhi: Abhinav, 1985, p.233.
40. Sarkar S.J., Saraswatis S.K., Gosnama A. *Glimpses of Mughal Architecture*. — Calcutta, Gossain & Co, 1953, p.33.
41. Carroll D. *The Taj Mahal*. — New York: Newsweek, 1972, p.42.
42. См.39, p.307.
43. Nath R. *Architecture of Fatehpur Sikri (Forms, Techniques & Concepts)*. — Jaipur, The Historical Research Documentation Program, 1988, p.76.
44. Там же, p.80.

45. Mozzati L. *Islam*. — Venezia: Mondadori Electa, 2002, p.321.
46. Brand M., Lowry G.D. *Art from the Mughal city of Victory*. — New York: The Asia Society Galleries, 1986, p.159.
47. Robson J. Assistant Professor of Chinese Buddhism, University of Michigan. *Numinous Peaks: the Contours of Chinese Sacred Geography*. Lecture at the Harvard Center for the Study of World Religions. April 27, 2006.
48. Boner A. *Introducton*. — См.31, pp.XXVI, XXVIII (XIII—LVII).
49. Leidy D.P., Thurman R.A.F. *Mandala. The Architecture of Enlightenment*. — London: Thames and Hudson, 1998, pp.98,153,168.
50. Bishop C. *Sex and Spirit*. — London: Duncan Baird Publishers, 1996, pp.150—151.
51. Silburn L. *Kundalini. The Energy of the Depth. A Comprehensive Study Based on the Scriptures of Nondualistic Kasmir Saivism*. — New York: State University of New York Press, 1988, p.138.
52. *Episodes in the Life of Akbar. Contemporary Records and Reminiscences*. Translated and edited by Shireen Moosvi. — New Delhi: National Book Trust, 1994, pp.70—71.
53. Nath R. *Private Life of the Mughals of India*. — Jaipur: The Historical Research Documentation Program, 1996, p.112.
54. Keene H.G. *The Turks in India. Critical Chapters on the Administration of that Country by the Chughatai, Babar, and His Descendants*. — London: W.H.Allen and Co., 1879, fontispis.
55. Gray B. *Rajput Painting*. — London: Faber and Faber Ltd., 1960, p.10, plate 4, size 15x8 5/8 inch, British Museum (1927—2—23—01).
56. Nath R. *Private Life of the Mughals of India (1526—1803)*. — Jaipur: The Historical Research Documentation Program, 1996, p.48.
57. Rogers J.M. *Mughal Miniatures*. — London: British Museum Press, 1993, p.50.
58. Prasad R.N. *Raja Man Singh of Amber*. — Calcutta: The World Press Private. Ltd., 1966, pp.132—137.
59. Asher C.B. *The Architecture of Raja Man Singh: A Study of Sub-Imperial Patronage*. — Architecture in Medieval India. Forms, Contents, Histories. Edited by M. Juneja. — New Delhi: Permanent Black, 2001, p. 371 (pp.370—392).
60. Joshi, V. *Poligamy and Purdah. Women and Society Among Rajputs*. — Jaipur-New Delhi: Rawat Publications, 1995, pp.133,135,175.
61. См.56, p.19.
62. Asher C.B. *Architecture of Mughal India*. — Cambridge: University Press, 1995, p.112.
63. Nath R. *Agra and Its Monuments*. Agra: The Historical Research Documentation Program, 1997, p.15.

64. См.24, Vol.I, pp. 47—49.
65. Ханыков Н.В. *Записки по этнографии Персии*. — Москва: Главная редакция восточной литературы, 1977, стр.94.
66. *The Tuzuk-I-Jahangiri or Memoirs of Jahangir*. Vol.II. Translated by Alexander Rogers, edited by Henry Beveridge. — New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt.Ltd., 1978, pp.199—200.
67. См.24, Vol.I, pp.47—49.
68. Bira Sh. *The Mongols and Their State in the Twelfth to the Thirteenth Century*. — History of Civilizations of Central Asia. Vol.IV. — Paris: UNESCO Publishing, 1998, p.245 (243—60).
69. *Древнетюркский словарь*. — Ленинград: Наука, 1967, стр.162.
70. Mishra R. *Women in Mughal India (1526—1748)*. — Delhi-6: Munshiram Manoharlal, 1967, pp.93,122.
71. Hambly G. *Cities of Mughal India*. — New Delhi-Kanpur, 1977, p.83.
72. Brown P. *Indian Architecture (Islamic Period)*. Mumbai: Taraporevala, 1956—1997, p.107.
73. Latif S.M. *Lahore: Its History, Architectural Remains and Antiquities*. — Lahore: Sang-e-Meel Publications, 1892—1994, pp.109—110.
74. Mitra Chenoy Sh. *Shahjahanabad. A City of Delhi, 1638—1857*. — New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt.Ltd., 1998, pp.65,97,174.
75. См.71, p.141.
76. См.70, p.56—58.
77. Desai V.N. *Life at Court: Art for India's Rulers, XVIth-XIXth Centuries*. — Boston: Museum of Fine Arts, 1985, p.89, ill.71.

6. СПАСЕНИЕ В ФОТИХПУР СИКРИ

1. Яссави, Ахмад. *Девони ҳикмат*. — Тошкент: Ғ.Ғулом адабиёт ва санъат нашриети бирлашмаси, 1991, 158 бет.
2. Wengert T.J. Harvesting Martin Luther's reflections on theology, ethics, and the church. — Grand Rapids-Cambridge: W.B.Eerdmans Publishing Company, 2004, p.187—188.
3. *Encyclopedia of the Renaissance*. P.F. Grendler, Editor in chief. Vol.3/6. — New York: Charles Scribner's Sons, 1999, p.367.
4. *Windows of Salvation*. Edited by English D. — London: Darton, Longman and Tood Ltd., 1994, p.57.
5. Там же, p.69.
6. Там же, p.59.
7. Hoffman B.R. *Luther and the Mystics. A Re-examinaion of Luther's Spiritual Experience and His Relationship to the Mystics*. — Minneapolis: Augsburg Publishing House, 1976, p.167.
8. Rosen S. *India's Spiritual Renaissance. The Life and Times of Lord Chaitanya*. — New York: Folk Books, 1988, p.iii.
9. Там же, p.107.
10. Kinder H., Hilgemann W. *The Penguin Atlas of World History. Volume I: From the Beginning to the Eve of the French Revolution*. — London: Penguin Books, 2003, p.257.
11. См.8, p.12.
12. Carroll D. *The Taj Mahal*. — New York: Newsweek, 1972, p.82.
13. Burke S.M. *Akbar the Greatest Mogul*. — New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt.Ltd., 1989, p.150.
14. Petruccioli A. *Fathpur Sikri*. — Roma: Carucci Editore, 1988, p.179.
15. Macneal A. *Stone Encampment*. — Environmental Design. Journal of the Islamic Environmental Design Research Center (Roma), 1984, IXth year, 11, pp.36—45.
16. Abu L-Fazl Allami. *The Ain-i Akbari*. Translated into English by Blochmann H. — Delhi: D.K. Fine Arts Press, 1989, Vol.I, pp.47—49.
17. Sey Y., Onal S., Basarid Y., et al. *Housing and Settlement in Anatolia. A Historical Perspective*. — Istanbul: Tepe, 1999, ill.123
18. См.15, p.36—45.
19. См.16, p.443.
20. Ням-Осорын Цултэм. *Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века*. — Москва: Изобразительное искусство, 1982, стр.37.
21. *Webster's Third New International Dictionary of English Language Unabridged*. — Springfield, MA: G&C. Merriam Company Publishers, 1976, p.1266.

22. Bold B.O. *Mongolian Nomadic Society. A Reconstruction of the "Medieval" History of Mongolia*. — Richmond: Curzon, 2001, pp.10,133,136.
23. Майдар Д. *Архитектура и градостроительство Монголии. Очерки по истории*. — Москва: Стройиздат, 1970, стр.63,79 ill.
24. Агаджанов С.Г. *Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв.* — Ашхабад: Ылым, 1973, стр. 5,75,76.
25. *The Baburnama. Memoirs of Babur, Prince and Emperor*. Translated, edited, and annotated by Wheeler M. Thackston. — New York: The Modern Library, 2002, pp.427,433.
26. Khokar M.H. *Conservation of Lahore Fort Gardens*. — The Mughal Garden. Rawalpindi-Lahore-Karachi: Ferozsons, 1996, pp.129 (129—132).
27. Lach D. *Asia in the Making of Europe*. Vol.1, book 1. — Chicago-London: The University of Chicago Press, 1965, pp.275—277, 469, 471, 475, 479.
28. См.13, pp. 147, 176, 188.
29. Pruneti P. *Il Percorso del Principe*. — Livorno: Sillabe, 2000, pp.21—22.
30. *Mughal Empire*. General Editor Majumdar R.C. — Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1974, pp.133,134.
31. *Episodes in the Life of Akbar. Contemporary Records and Reminiscences*. Translated and edited by Shireen Moosvi. — New Delhi: National Book Trust, 1994, pp.70—71.
32. См.7, pp.167,190,231.
33. Fremantle R. *God and Money. Florence and the Medici in the Renaissance*. — Firenze: Leo S.Olschki Editore, 1992, p.59.
34. Косидовский З. *Библейские сказания*. — Москва: Политиздат, 1968, стр.311.
35. См.27, p.479.
36. Blake S.P. *Shahjahanabad: the Sovereign City in Mughal India, 1639—1739*. — Cambridge-Sydney: Cambridge University Press, 1991, pp.14—15.
37. Srivastava A.L. *Akbar the Great. Vol.II. Evolution of Administration, 1556—1605*. — Agra: Shiva Lal Agarwala, 1973, pp.36—37,351—352.
38. См.27, p.277.
39. Rizvi S.A.A. *Religious and Intellectual History of the Muslims in Akbar's Reign*. — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 1975, p.377.
40. Freke T., Candy P. *The Pagan Mysteries Behind Early Christianity*. — Secrets of the Da Vinci Code. An Unauthorized Guide to the Bestselling Novel. — U.S.News & World Report, Special edition, May 2006, p.46(46—47).
41. Das A.K. *Dawn of Mughal Painting*. — Bombay: Vakils, Feffer & Simons Ltd., 1982, p.32, plate XII; Husain Naqqash, faces Kesuvdas; Victoria and Albert Museum, London.
42. Berinstain V. *Mughal India. Splendours of the Mughal Throne*. — London: Thames and Hudson, 1998, p.55.

43. Brand M. *Mughal Ritual in Pre-Mughal cities. The Case of Jahangir in Mandu.* — Environmental design (Roma). 1984, n.11, pp.8—17.
44. MacLagan E. *The Jesuits and the Great Mogul.* — New Delhi: Vintage Books, 1932—1990, p. 54.
45. Cosman M.P. *Medieval Wordbook.* — New York: Facts on File, Inc. 1996, p.182.
46. *Encyclopedia of Indian Events and Dates.* By S.B.Bhattacharje. — New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1995, p.A 55.
47. Koch E. *Shah Jahan and Orpheus.* — Graz: Akademische Druck und Verlagsanstalt, 1988, p. 24.
48. СМ.43, p.180.
49. Harper P.O. *Thrones and Enthronement Scenes in Sasanian Art.* — Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. — 1979, Vol.17, pp.59,60,61(49—64).

7. ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОНАКОХ: ТАДЖ МАХАЛ

1. Brown P. *Indian architecture*. — Mumbai: Taraporevala, 1956—1997, p.109.
2. *The Tuzuk-I-Jahangiri or Memoirs of Jahangir*. Vol.I. Translated by Alexander Rogers, edited by Henry Beveridge. — New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt.Ltd., 1978, p. 88.
3. Hambley G. *Cities of Mughul India*. — New Delhi-Kanpur: Vikas, 1977, p.42.
4. Akhtar N. *Sambandha (Indo-Uzbek Relations Through the Ages)*. — New Delhi: National Museum Institute of History of Art, 1995, no pages.
5. Burke S.M. *Akbar the Greatest Mogul*. — New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt.Ltd., 1989, pp.76—77, 80.
6. Blake S.P. *Shahjahanabad: the Sovereign City in Mughal India, 1639—1739*. — Cambridge-Sydney: Cambridge University Press, 1991, pp.33—34.
7. Grover S. *Islamic Architecture in India*. — New Delhi: Galgotia, 1996, p.81.
8. См.3, p.42.
9. *Webster's New World Dictionary of American English*. — Cleveland & New York: Simon & Shuster, 1988, p.1371.
10. Rogers J.M. *Mughal Miniatures*. — London: British Museum Press, 1993, p.30, ill.9.
11. Saran Sh. *Taj Mahal. Agra. Fatehpur Sikri*. — New Delhi: Lustre Press, 1984—1999, pp.47, 49.
12. *The Koran*. Translated by N.J.Dawood. — London: Penquin Books, 1956—1999. 2. The Cow, p.13(2:28); 65. Divorce, p. 397(65:12); 67. Sovereignty, p. 399 (67:3).
13. Latif S.M. *Lahore: Its History, Architectural Remains and Antiquities*. — Lahore: Sang-e-Meel Publications, 1892—1994, p.107.
14. См.12, 7. The Heights, p. 113 (7:54).
15. Марек Я. *По следам султанов и раджей*. — Москва: Наука, 1987, стр.137.
16. См.7, p.49.
17. Kozakiewicz S. *Słownik Terminologiczny Sztuk Pięknych*. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969, str.88, 144—145.
18. Quispel G. *The Secret Book of Revelation. The Last Book of Bible*. — New York-St Louis: McGraw-Hill Book Company, 1979, pp.6, 8, 72—73.
19. Begley W.E. *The Myth of the Taj Mahal and a New Theory of Its Symbolic Meaning*. — The Art Bulletin, New York. 1979, Vol.LXI, pp.10, 16, 19, 25, 26 (7—37).
20. Begley W.E., Desai Z.A. *Taj Mahal. The Illuminated Tomb. An Anthology of Seventeenth-Century Mughal and European Documentary Sources*. — Cambridge-London: The Aga Khan Program for Islamic Architecture — The University of Washington Press, 1989, pp. xlvi, xlviiii.

21. Nath R. *The Taj Mahal and Its Incarnation*. — Jaipur: Ajay Nath Publishers, 1985, p.19.
22. Nath R. *Agra and Its Monuments*. — Agra: The Historical Research Documentation Program, 1997, pp.48—49, 112.
23. Тюляев С.И. *Тадж Махал*. — Искусство Индии. Москва: Наука, 1969, стр.118—119 (115—136).
24. Вазари Дж. *Микеланджело*. — Жизнеописания великих художников. — Москва: ТКИСО, 1995, стр.24—212.
25. Carroll D. *The Taj Mahal*. — New York: Newsweek, 1972, p.59.
26. *Encyclopedia of Indian Events and Dates*. By S.B.Bhattacharje. — New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1995, p.A 54.
27. См.3, p.94.
28. Brand M. *Orthodoxy, Innovation, and Revival: Considerations of the Past in Imperial Mughal Tomb Architecture*. — Muqarnas, Vol.10, 1993, p.330 (322—334).
29. Tadgell Chr. *The History of Architecture in India*. — London: Phaidon, 1990—1998, p.325.
30. См.21, p.38.
31. Nicholson L. *The Red Fort, Delhi*. — London: Taurus Parke Books, 1989, pp.28, 32.
32. Keene H.G. *The Turks in India. Critical Chapters on the Administration of that Country by the Chughtai, Babar, and His Descendants*. — London: W.H.Allen and Co, 1879, pp.251—252.
33. Там же.
34. MacLagan E. *The Jesuits and the Great Mogul*. — New Delhi: Vintage Books, 1932—1990, pp.320—321.
35. Там же, p.332.
36. См.20, pp.xli, 64, 76.
37. Там же, p.10.
38. Там же, pp.64, 76.
39. Pal P., Leoshko J., Dye J.M., Markel S. *Romance of the Taj Mahal*. — Los Angeles-Lonfon: Thames and Hudson, 1989, p.55, ill.44.
40. Petruccioli A. *Gardens and Urban Design*. — Hussain M., Rehman A., Westcoat J.L.Jr. *The Mughal Garden. Interpretation, Conservation and Implications*. — Rawalpindi-Karachi: Ferozsos, 1996, pp.187—199.
41. См.25, p.62.
42. Там же, pp.91, 95.

43. Rumi J. *Thou and I*. — Shah I. *The Way of the Sufi*. — London: Arkana, 1968—1990, p.115.
44. D'Epiro P., Desmond Pinkowish M. *Spezzatura. 50 ways Italian Genius Shaped the World*. — New York: Anchor Books, 2001, p.263.
45. Кагал К. *Вистара. Архитектура Индии*. — Бомбей: Тата Пресс Лимитед, 1986, стр.72.
46. Toman R., Borngasser B., Bednorz A. *Barocco e Rococo*. — Berlin-Milano: Feierabend Verlag OHG-Gribaudo, 2003, p.16.
47. Subtelny M.E. *Mirak-i Sayyid Ghiyas and the Timurid Tradition of Landscape Architecture*. — *Studia Iranica*, 1995, Vol.24, 1, p.49(19—60); with reference to: Brand M. *Orthodoxy, Innovation, and Revival: Considerations of the Past in Imperial Mughal Tomb Architecture*. — *Muqarnas*, Vol.10, 1993, pp.332—333 (322—334).
48. См.31, p.106.

8. ПОСЛЕДНЯЯ СТОЛИЦА: ШАХДЖАХАНАБАД

1. Али, Гиясиддин. *Дневник похода в Индию*. — Москва: Издательство восточной литературы, 1958, стр.125.
2. Aijazuddin F.S. *Lahore. Illustrated Views of the XIXth Century*. Ahmedabad: Mapin Publishing Pvt.Ltd., 1991, p.72 quotation, p.64, ill.25.
3. Tadgell Ch. *The History of Architecture in India*. — London, Phaidon, 1990, p.324.
4. Blake S.P. *Shahjahanabad: the Sovereign City in Mughal India, 1639—1739*. — Cambridge-Sydney, Cambridge University Press, 1991, pp.32, 43,71—74.
5. *The Baburnama. Memoirs of Babur, Prince and Emperor*. Translated, edited, and annotated by Wheeler M. Thackston. — New York: The Modern Library, 2002, p.423.
6. *The Akbar Nama of Abu-l-Fazl*. Translated from the Persian by H.Beveridge. — Delhi: D.K.Publishers, 1993, Vol.I., p.549.
7. Мухтаров А.М. *Позднесредневековый Балх (материалы к исторической топографии города в XVI—XVIII вв.)*. — Душанбе: Дониш, 1980, стр.4—5, 21, 26, 36.
8. Mishra R. *Women in Mughal India (1526—1748)*. — Delhi-6: Munshiram Manoharlal, 1967, p.115.
9. Mahajan V.D. *Mughal Rule in India*. — New Delhi, S.Chand & Company Ltd, 1992, p.146.
10. MacLagan E. *The Jesuits and the Great Mogul*. — New Delhi: Vintage Books, 1932—1990, p.100.
11. *Encyclopedia of Indian Events and Dates*. By S.B.Bhattacharje. — New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1995, p.A 49.
12. *Encyclopedia of the Renaissance*. P.F. Grendler, Editor in chief. Vol.3/6. — New York: Charles Scribner's Sons, 1999, p.147.
13. Руми Дж. *Поэма о скрытом смысле*. Избранные притчи. — Москва: Наука, 1986, стр. 259.
14. Brotton J. *The Renaissance Bazaar. From the Silk Road to Michelangelo*. — New York: Oxford University Press, 2002, p.155.
15. *Filarete's Treatise On Architecture*. Translated by J.R.Spencer. Vol.1—2. — New Haven and London: Yale University Press, 1965, Vol.2, pp.43—44.
16. Там же, p.22.
17. Iizuka K. *The Shah Jahan's Concept of Town Planning in Delhi*. — Environmental design (Roma), IX year, 1984, n.11, pp.30—35.
18. King of the World. *The Padshahnama. An Imperial Mughal Manuscript from the Royal Library, Windsor Castle*. Milo C.Beach, Ebba Koch. Azimuth Editions.

- Sackler Gallery. — London: Thames and Hudson, 1997, p.25, ill.4—5, folio 2B-3A.
19. Inalcik H. *The Ottoman Empire. The classical Age 1300—1600*. — New Rochelle, New York: Aristide D. Caratzas Publisher, 1973, p.44.
 20. См.14, p.145.
 21. *Philip II and Escorial: Technology and the Representation of Architecture*. An Exhibition by the Department of Art. — Providence, Rhode Island: Brown University, 1990, p.69.
 22. Campbell G. *Renaissance Art and Architecture*. — New York: Oxford University Press, 2004, p.128.
 23. См.4, pp.29, 31, 60.
 24. Там же, pp.30, 49, 50, 74, 75, 101—102, 193.
 25. Там же, p.68.
 26. Там же, pp.57, 58, 67, 68, 74, 97—98, 100—102, 156.
 27. Hambley G. *Cities of Mughul India*. — New Delhi-Kanpur: Vikas, 1977, pp.131,142.
 28. Jain A.K. *The Making of a Metropolis. Planning and Growth of Delhi*. — New Delhi: National Book Organization, 1990, p.150.
 29. Saha S.K. *Conservation Based Development of Shahjahanabad: the Historic Capital City of India. The 1992 doctoral thesis submitted to Kyoto University, Japan*. — Delhi, United Nations Center for Regional Development, Research paper No 9, 1995, p.142.
 30. Evenson N. *The Indian Metropolis. A View Toward the West*. — New Haven and London: Yale University Press, 1989, p.101.
 31. См.28, pp.71—72.
 32. Irving R.G. *Indian Summer. Lutyens, Baker, and Imperial Delhi*. — New Haven and London: Yale University Press, 1981, pp.110, 119.
 33. Там же, pp.88, 89.
 34. См.29, p.161.
 35. Gupta R.G. *Concept of Urban Renewal with Reference to Walled City of Delhi*. — Space: Journal of School of Planning and Architecture New Delhi, 1990, Vol.5, #1&2 (January-June), p.66.
 36. Там же, pp.61—68.
 37. Saha S.K. *Lessons for Learning from Shahjahanabad*. — Asia Urbs, 2000, 2, p.10.
 38. См.29, pp.226, 230.

Словарь

Определения слов и словосочетаний даны из словарей, справочной литературы и библиографических источников, включая *Ўзбек тилининг изохли лугати*, 5 жилд, Тошкент, “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриети, 2006—2008. Используются аннотации исследователей к следующим трудам: О.Ф.Акимушкина к *Руми*, Москва, 1986; Shiekh Muzaffer Ozak Al-Jarrahi к *Ibn Arabi’s Journey to the Lord of Power*, Rochester, 1989; Wheeler M. Thackston к *The Baburnama*, New York, 2002; William C.Chittick к *Me and Rumi*, Luisville, 2004.

А Арабский

Ис Испанский

Ит Итальянский

Л Латинский

М Монгольский

П Персидский (включая арабо-персидский)

Р Русский

Т Тюркский

д Древнегюркский

ч Чагатайский

У Урду

Х Хинди

А

айван (А) крытая терраса

Акас-дия (Т) в кочевническом лагере, высокий столб с лампой на его вершине

Аксарай (Т) буквально, Белый дворец

амалака (Х) лотос, завершающий зенит купола

амир (А) военачальник

ансида (Л) — крытый сводом или полукуполом полукруглый или многогранный выступ в восточной стене церкви

Асад Бурдж (А) Башня Льва

Б

Бабур (А) буквально, Лев

балик (Т д) город, столица

бангла (X) криволинейная кровля камышовых хижин Бенгалии

бегам (Т) знатная женщина темуридского происхождения

Божий Агнец, от *Agnus Dei* (Л) изображение ягненка или Христа, часто с крестом или со знаменем

Бола хисор (Т д) Высокая стена

боргох (П) шатер-резиденция в кочевом лагере

бурдж (А) созвездие и/или башня стены цитадели

Бухария (Р) определение Россией XV—XVI вв. независимого политического образования Бухары

В

вазир (А) премьер-министр

вакф (А) здесь: документ об имуществе, завещанном духовному учреждению без права продажи

внутреннее сердце так Термизи называл *зикрхону* в *хонакох*

вознесение духовный подъем к божественному; практиковался в индивидуальных или коллективных ритуалах *хонакох* посредством эмоционального упоения в молитве, пении или танце

встреча в кораническом смысле, встреча с Богом после смерти; для суфиев встреча значила обнаружение Бога в этом мире и жизнь в Его присутствии

Г

гойиб (А) буквально, отсутствующий; бессознательное состояние, как в экстазе; отсутствие в этом мире подразумевало присутствие с кем-либо иным, например с Богом

Гулал-бар (Т ч) так Акбар называл 90-метровой длины огражденную центральную территорию кочевого лагеря

Д

даргох (П) обитель суфийского святого

дарсхона (П) классная комната

Дафтархона (П) Канцелярия

дахма (П) платформа для ритуалов в зороастризме, индивидуальное или групповое захоронение в исламе

Девони Омм (П) Зал общественных приемов

Девони Хос (П) Зал частных приемов

джали (X) буквально, сеть; решетчатая каменная стенка

джарокха (X) окно для утреннего явления Акбара публике, позже ниша для трона

Джарокха Давлатхона Хосу-Омм (X) Государственный зал для частных и общественных приемов с тронной нишей императора

Джиловхона (П) Двор для спешивания

Джума Масжид (А) Пятничная мечеть

Дини шлохий (А) Божественная религия, свод правил поведения для двора Акбара

домбира (Т) барабан, также и архитектурный

Дурбар (У) Правительственное официальное собрание

З

зенана (П) женские покои, гарем

зикр (А) буквально, упоминание; в частности, память или воспоминание об Аллахе посредством произнесения его имени; весьма рекомендуемый Кораном, *зикр* является самым характерным суфийским ритуалом

И

Ибачки (Т ч) огражденная территория, на которой Акбар конфиденциально встречался как с мужчинами с запада своего лагеря, так и с женщинами с его востока

Идгох (А) загородная открытая праздничная территория перед стеной *мусалла-номозгох*

изора (П) декорированная панель по низу стены

илик (Т д) знать

Ипсони комил (П) Совершенная личность

ишорат (А) божественные намек и/или указание, ожидавшиеся и/или полученные в уединении

Ишорати Аъло (А) Высшее, Божие указание

К

каландар (П) странствующий дервиш, затворник, отшельник

калас-соз (П) изготовитель шпиля

кармука (X) лук для стрел

карши (Т д) дворец

кешик (Т+П) феодальный замок с четырьмя угловыми башнями; также садовый павильон

кипчак (Т) название среднеазиатского племени

китобхона (П) библиотека

колодец глубокая погребальная шахта древних тюрков; в зороастризме она со- держала негашеную известь для разложения тел

корридойо, от *corridoio* (Ит) коридор

кудукхона (П) помещение с колодцем для раздачи священной воды

кундал (П) гипсовый декор, называемый в Индии на европейский манер *gesso*

Кундалини (Х) змееобразная энергия

Курултай (Т+М) Съезд

кюриен (М) буквально, круг; монгольский командный пункт из центрального тен- та и остальных вокруг него

Л

лавабо (Л) умывальник для омовения рук и для освященных хлеба или сосудов с вином во время христианского обряда Святого причастия, называемого Евхаристия

лотос силуэт бутона лотоса как спинка трона символизировал потенциал к просвещению и воплощал мифическое дерево на седьмом небе

М

мадраса (П) высшее мусульманское духовное учебное заведение по теологии и законоведению; временами противопоставлялось *хонакох*

мактабхона (П) школа, училище

мансаб (П) чин, звание, должность

мансабдор (П) чиновник, должностное лицо, функционер

мардана (П) буквально, мужской; в частности, мужская часть дворца

махал (Х) дворец или дворцовое здание

махалла (А) соседство, территориальная единица города

Махтаби (П) огражденное пространство для частных приемов в кочевническом лагере

минбар (А) возвышение для проповеди в мечети

минораи-баланд (П) буквально, высокий минарет; в частности, для суфийских экспериментов

мировое дерево символическое дерево, расположенное на оси мира и соединяю- щее землю и небо

михраб (А) буквально, арка; в частности, ниша в стене мечети, указывающая на- правление на Мекку

Мовароуннахр (А) земля между Амударьей (древнее название Оксус) и Сыр- дарьей

Мугул, Могул, Могол буквально, монгол; неправильное название Темуридов
Мугулистан, или Моголистан (Т) земля к востоку от Мовароуннахра
муджовир (А) затворник, отшельник, постоянно проживающий на святом месте
мусалла (А) ориентированная на Мекку загородная молитвенная стена, перед которой проводились и празднества населения города; она развилась в мечеть-*мусалла*
мусамман (П) буквально, восьмигранник; в частности, восьмигранная башня-*бурдж* стены цитадели, символизирующая вознесение в небеса

Н

нага (Х) змея в буддийских культах
Намгира (П) платформа трона под навесом на четырех стойках, широко распространена в имперских кочевнических лагерях стран Азии
нартекс (Л) крыльцо, портик или коридор в западной части раннехристианских церквей, где находили кров кающиеся и/или прочие, недозволенные вовнутрь
Ногорахона (П) здание над правительственными воротами, в котором били в барабан на рассвете и в сумерки

О

Олжейту (М) буквально, Счастливый, Благоприятный, Родившийся под удачливым созвездием
оловхона (П) комната огня
оми(а) (А) простояюдины, люди из народа
орда, или урда (Т+М) командный пункт, ставка, штаб, резиденция правителя
Оспедале Мажжоре (Ит) Главная больница
ось мира, от *axis mundi* (Л) воображаемая главная линия мира
оташ бази (П) фейерверк

П

падишах (П) независимый правитель
палаццо (Ит) дворец
пештак (П) портал
прасада (Х) многоэтажный особняк, дворец или храм
приделы (Р) входные помещения
пьетра-дюра, от *pietra dura* (Ит) метод мозаичной техники инкрустации драгоценными и полудрагоценными камнями

Р

рабат (А) огражденный стеной пригород

рабат, или *рабата* (А) буквально, привязывать коня; в частности, укрепления ранних исламских боевиков

раоти (Х) искаженные *рабат/рабата*

реликвия дела Сакра Чинтола (Ит) реликвия Священный Пояс

С

саид (А) потомок Пророка Мухаммада

само (А) буквально, слушать; словом означают сеансы декламации и музыки, часто сопровождаемые обращенным к небу экстатическим танцем, с целью усилить у участников осознание Божественного присутствия

санктум (Л) святилище, в котором молящегося не положено беспокоить

сараки-гирд (П) концентрические улицы города Балха

саранарда (П) кочевническое переносное ограждение из ткани или ковров

сахн (П) двор и/или сцена

световой колодец/шахта цилиндр от кровли вниз к усопшему (в *хонакох*) или к молящимся (в мечетях Ахмадабада и Чампанира); произошел от захоронения — см. колодец

сестьеры (Ит) шесть административных секторов Флоренции, каждый со своими воротами в город

Созвездие конфигурация звезд в определенное время, в частности, при чем-либо рождении

Сохибкирон (А) Рожденный под счастливым созвездием планет

Сохибкирони Сони (А) Второй рожденный под счастливым созвездием планет

соябон (П) навес, тент, зонт

спасение избавление от греха и от наказаний за него

спинапеше, от *spinapesce* (Ит) буквально, рыбий скелет; обобщая, «елочка»; в частности, кладка кирпичей «елочкой»

султан (А) повелитель, правитель

суфа (А) возвышение, помост, платформа

Т

таблинум (Л) древнеримский жилой дом с парадным и хозяйственным дворами, и комнатой «таблинум» между ними, служившей брачным ложем, мастерской или богато декорированным залом

таважжух (А) буквально, внимание, сосредоточенность; подразумевается, на духовном партнере, тексте Корана, или могиле святого
тамбуро (Ит) барабан, включая архитектурный; произошел от тюркского *дамбири*
танаб (А) 0,15—0,5 гектаров
тарикат (А) Тропа, духовный путь к Богу
 татар, или таргар неправильное название Европой тюрков и монгол
тахт (П) трон
 Тахти Такдис (П) Священный трон
 Тахти Товус (П) Павлиний трон
токча (П) полочки в стене
тур (Т) верхнее, почетное место
тура (М) обычаи и привычки, постановления и решения (например, суда) времен Чингизхана, принятые тюркскими и монгольскими племенами
тура (Т д) замок или крепость
 Туран (Т) Средняя Азия как тюркская страна, соседствующая с Ираном
тургох (Т+П) место наверху
турхона (Т+П) верхняя комната

У

уйгуры (Т) древнейшая в Азии тюркская нация
уламо (А) лидеры мусульманского духовенства
улус (Т+М) буквально, народ, страна; в частности, название феодального государства в Средней Азии
урду-беги (Т ч) знатная женщина

Ф

фарсанг (П) 7—8 километров

Х

хава (Т д) любовь, страсть
хаво (А) воздух
хадис (А) предание о Пророке Мухаммаде, его поступках и изречениях, переданных заслуживающими доверия посредниками
 Хазинаи Хос (А) Казначейство
хакан (Т д) правитель
халимхона (П) кухня с благотворительной столовой
халиф (А) *халифа* значит «последователь» или «заместитель», особенно Пророка; в раннем исламе — глава общины, позже — государь халифата; заместитель шайха; земной представитель Бога

халифат (А) должность или правление халифа; управляемая халифом территория

хан (Т+М) правитель, прямой потомок Чингизхана

Хани Ханан (П) Хан Ханов

ханрел (Х) первоначально, кровля и карниз из камыша

хатаба (А) воздуховоды в полу и стенах, в частности, идущие от каминов

хваб (П) сон, мечта

Хвабгах, или Хавабгах, или Хабга (П) Спальня

хилват (А) духовное уединение, одиночество, сосредоточившись на *тарикат*, чтобы осветить душу божественным и понять, таким образом, Бога и себя

хилватгох (А+П) место или двор для уединения

хилватхона (А+П) комната для уединения

хисар (Т д) стена

ходжа (П) ученое звание, обычно, суфийским лидерам

хоким (А) правитель

холу мало (А) состояние экстаза, даруемое Богом, а не осуществляемое человеком

хонакох (П) буквально, большая комната; институт суфизма

хос (А) избранные, придворные, аристократия

хофиз (А) декламатор Корана наизусть

худжра (А) небольшая комната

хутба (А) проповедь имама в мечети перед молением по пятницам или праздникам, в которой поминается имя *халифа* или правителя

Ч

“четырёхногий деревянный конь” похоронные носилки по Яссави

чиллагох (П) место для уединения

чиллахона (П) помещение для уединения

чор (П) четыре

чор-баг (П) сад, поделенный на четыре части

чор-чаман (П) сад, символизирующий Рай, обещанный Кораном правоверным

чхатри (Х) буквально, зонт; небольшой павильон на колоннах

Ш

шайх (П) буквально, старец; в общем, знаток суфийской науки; почетное звание духовного наставника, возглавляющего *хонакох*

шариат (А) свод мусульманских законов и правил, основанных на Коране

шахид (А) павший за веру

шахри-берун и *шахри-дарун* (П) буквально, внешний и внутренний город; кочевники перенесли эти названия занимаемых ими оазиса и пригорода на соответственно город и его цитадель

шахристан (П) внутренний город, близ или вокруг цитадели

Э

экстаз состояние восторга, упоения, и пребывания во власти внешней сверхестественной или божественной силы

эстило дезорнаментадо, от *estilo desornamentado* (Ис) лишенный декора стиль

Ю

юрта (Р) оригинально, *ўтов* (Т); тюркское кочевническое сборно-разборное жилище

Я

яйлов или *яйлак* (Т) оригинально, *джайляу* (Т+М), летовка, выпас; в частности, летний кочевой лагерь

ясса (М) свод законов Чингизхана

Источники иллюстраций

- Автор 1, 2, 6, 9, 15, 16, 22, 23, 27, 29, 30, 32, 33, 35-43, 45, 46, 49-51, 55-61, 63-67, 69, 71-73, 75, 76, 81
- Агеева Е.И. 6
- Архив Управления по охране исторических памятников при Министерстве культуры Республики Узбекистан 14-16, 37, 38
- Воронина В.Л., Крюков К.С. 7
- Головченко В.Э. 9, 10, 14, 16
- Государственный музей искусств Республики Узбекистан 49
- Государственный музей искусства народов Востока, Москва 8, 11
- Карпини П. 28
- Куренной В.Н. 24
- Майдар Д. 54
- Ням-Осорын Цултэм 53
- Савон И.К. 6, 12, 16
- Саламов Р.Б. 7, 16
- Самаркандский музей изобразительных искусств 67
- Трудилюбова Т.Р. 9, 10, 16
- Турдиев А.А. 13, 16
- Хабарова А.В. 11-13, 15, 16
- Эрмитаж, Санкт-Петербург 64
- Aga Khan Development Network 33
- Aijazuddin F.S. 76
- Aramco World 36
- Archaeological Survey of India 66
- Archivio di Stato, Torino 77
- Barraud R.A. 40
- Bartoli L. 3
- Begley W.E. 71
- Beveridge A.S. 33
- Biblioteca Nacional, Madrid 79, 80
- Boyce M. 28
- Brentjes B. 72
- British Museum, London 48, 67
- Brown P. 29, 66
- Brown University, Providence, Rhode Island 79
- Bruschi A. 77
- Casa Editrice Giusti di Becocci, Firenze 1, 42
- Farmer H.G. 8
- Cloister Museum, New York 63
- Dacens B., Berre M., Schlumberger D. 18-20, 78
- Fanshawe H.C. 78
- Fine Arts Museum, Boston 45, 55
- Fine Arts Museum, Ulan Bator 52
- Freer Gallery of Arts; Washington, D.C. 51
- Grover S. 45, 46, 66
- Gulistan Palace Library, Tehran 34
- Hambly G. 41
- Iizuka K. 44
- India Office Library and Records, London 51
- Irving R.G. 35
- Istanbul University Library 17
- Kaulacara R. 46
- Keene H.G. 47
- Kelchner J.W. 59
- Khokar M.H. 56
- Koch E. 40, 43
- Kozakiewicz S. 70
- Lombard M. 31
- Los Angeles Museum of Art 49
- MacLeod C., Mayhew B. 2
- Malla B.L. 28, 46
- Masson Ch. 33
- Mert Basim Yayibcilik Dagitim ve Reclamcilik Tic. Ltd. Sti., Istanbul 16
- Mevlana Museum, Konya 8
- Michell G. 26
- Moynihan E.B. 32
- Mozatti L. 3, 76
- Museum fur Indische Kunst, Berlin 70
- Nath R. 30-32, 35, 40, 46, 49, 53, 56, 57
- Nicholson L. 44, 62, 80
- O'Kane B. 15
- Petruccioli A. 30, 54, 74
- Pope A.U. 1
- Rajput Sh.A. 49
- Rehman A. 76
- Roli Books Pvt. Ltd., New Delhi 61
- Royal Library, Windsor Castle, Berkshire, London 25 и обложка
- Safrani Sh.H. 24-27
- Saha Sh.K. 82
- San Marco Museo, Venezia 1
- Sang-e-Meel Publications, Lahore 69
- Tadgell Ch. 48
- Tata Press Ltd., Mumbai 39, 74
- Universita degli Studi di Milano 5
- Uffizi, Firenze 3
- Victoria and Albert Museum, London 60
- Wilber D.N. 28
- Yazdani G. 45
- Zumbuhl H. 47

Аскарлов Шукур Дџураевич

АРХИТЕКТУРА ТЕМУРИДОВ

Издательство «San'at» — 2009

Редактор *А. Кременцова*

Худож. редактор *Ж. Гурова*

Техн. редактор *Л. Самиева*

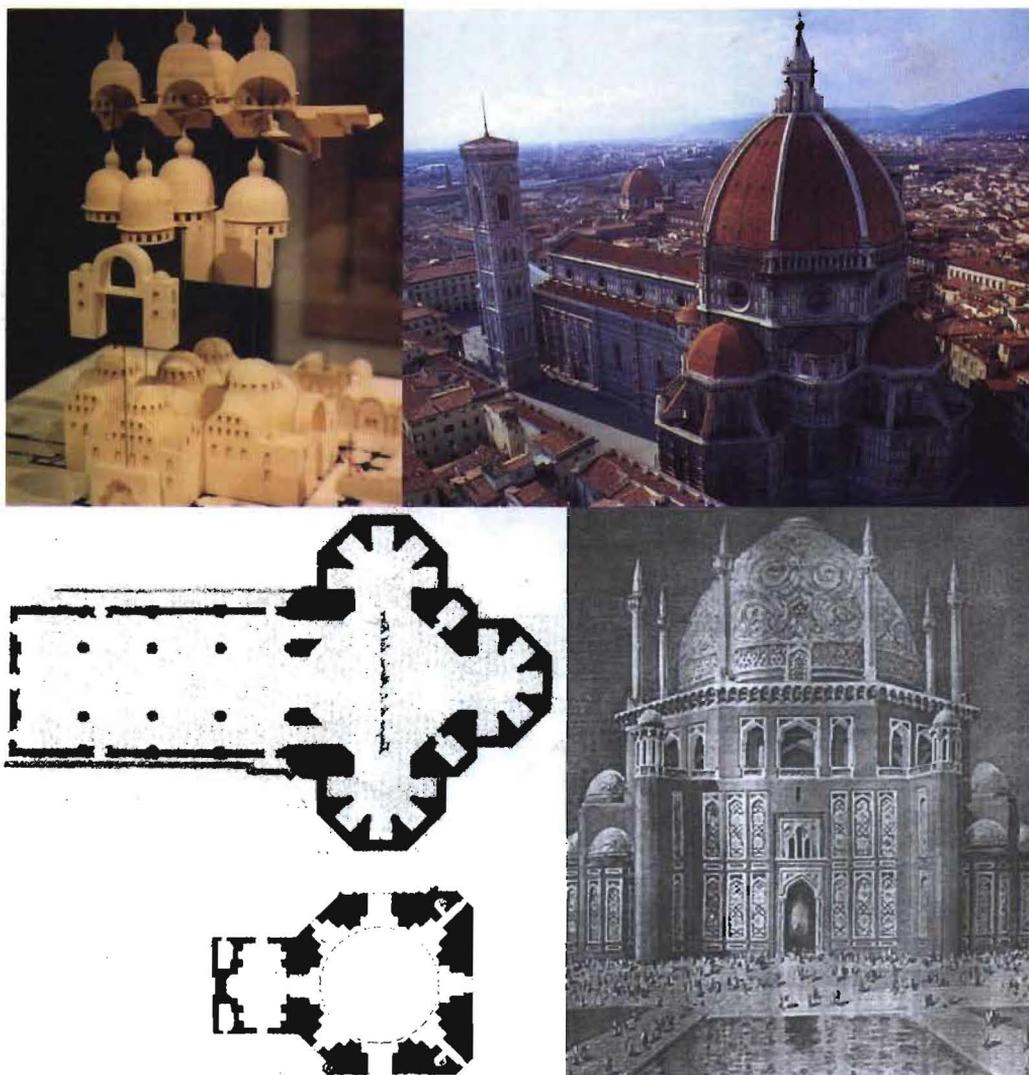
Компьютерная верстка *Е. Гильмутдиновой*

Подписано в печать 22.06.09. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная.

Гарнитура «Times». Усл. п.л. 11,7+6,5 цв. вкл-ка. Уч.-изд. л. 18,38.

Тираж 200. Заказ № 274.

Отпечатано в ДП «Niso poligraf». 100182, Ташкент, ул. Байкаро, 41.

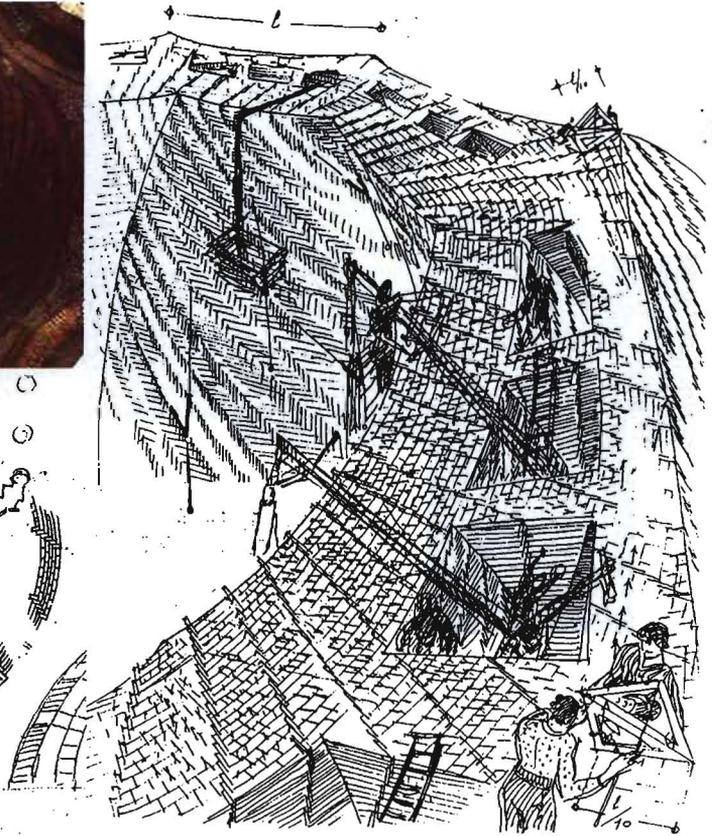
1. КРИЗИС ХРИСТИАНСТВА XIII В. И ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АЗИИ В XIV В.

(Сверху против часовой стрелки)

Надстройка деревянными куполами плоских куполов базилики Сан Марко в Венеции (фото макета),
 планы мавзолея Олжейту и Санта Мария дель Фиоре,
 мавзолей Олжейту (реконструкция А.А. Поупа),
 Санта Мария дель Фиоре.

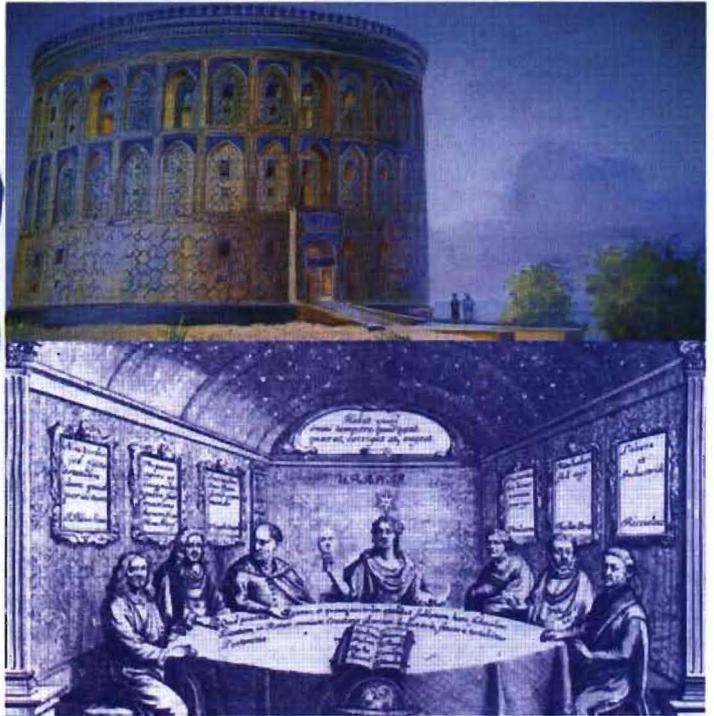
2. ОТРАЖЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ТЕМУРА В ВЕНЕЦИИ
Мечеть Биби Ханым (1399—1404 гг.) в Самарканде
и Дворец Дожей (1340—1441 гг.) в Венеции.

**3. СЕЛДЖУКИДСКАЯ КЛАДКА
 В КУПОЛАХ БРУНЕЛЛЕСКИ И САНГАЛЛО**

(Сверху по часовой стрелке)

Спиральная кладка купола мечети Эски Малатия,
 кладка-стипапеше при возведении купола Брунеллески,
 рисунок стипапеше Антонио Сангалло.

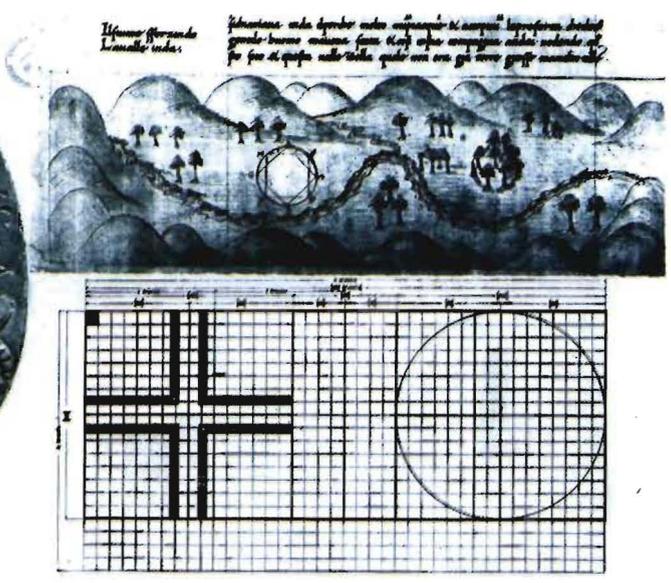

4. НЕБЕСНАЯ ГЕОМЕТРИЯ УЛУГБЕКА ОПРЕДЕЛЯЛА АРХИТЕКТУРУ ТЕМУРИДОВ

Улугбек, портрет по М.М.Герасимову.

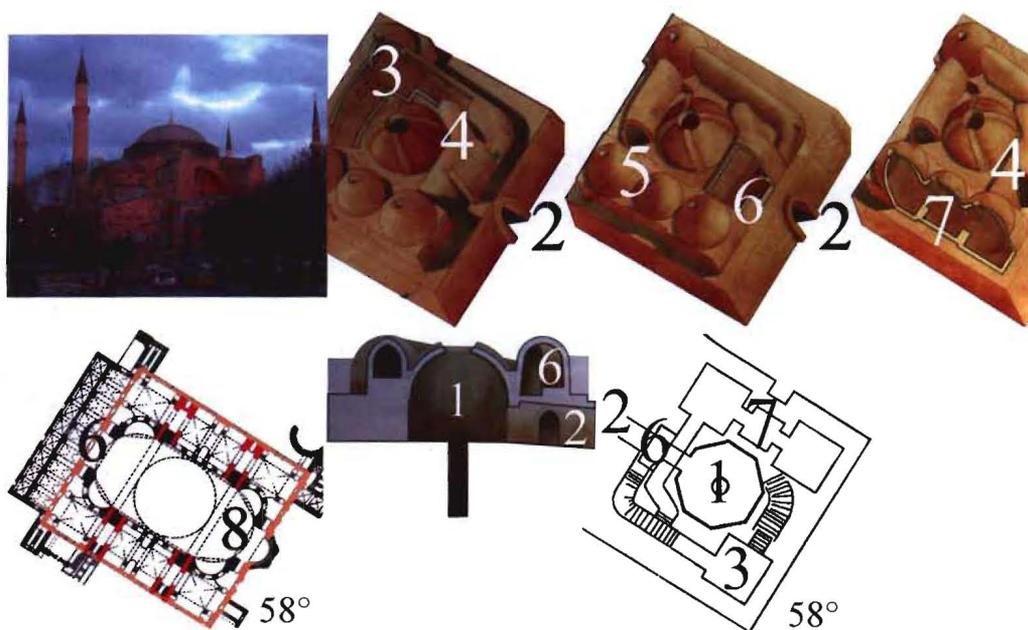
Обсерватория в Самарканде, реконструкция В.А.Нильсена.

Улугбек по правую руку от покровительницы астрономии Урании среди виднейших астрономов мира, голландская гравюра XVII в.

5. ФИЛАРЕТЕ ВОЗРОДИЛ ЕДИНСТВО ГЕОМЕТРИИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Антонио Аверлино ди Пьетро, прозванный Филарете.
 Идеальный город Сфорцинда в долине Инда (вверху)
 и схема плана Оспедале Мажжоре в Милане (внизу).

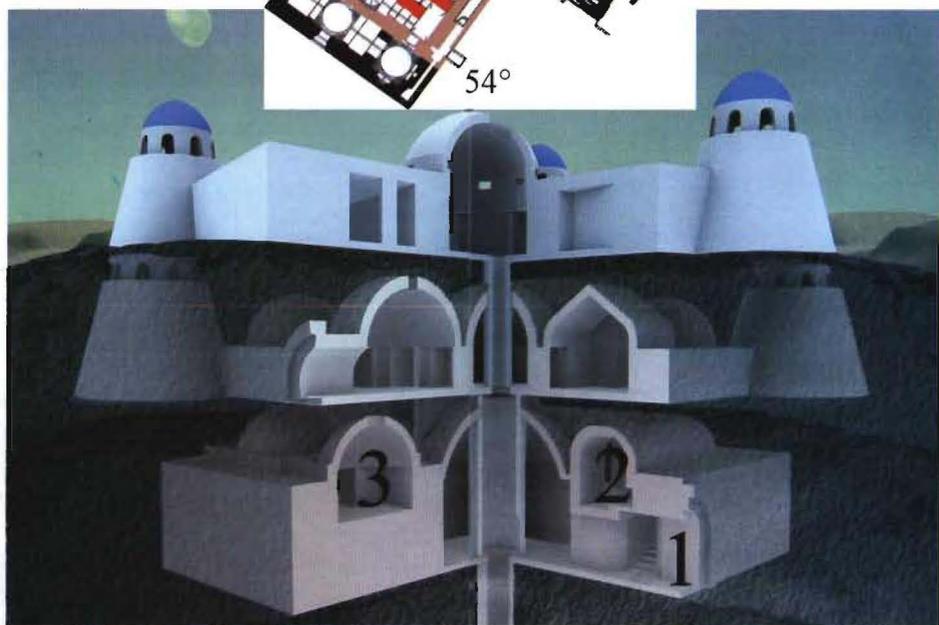
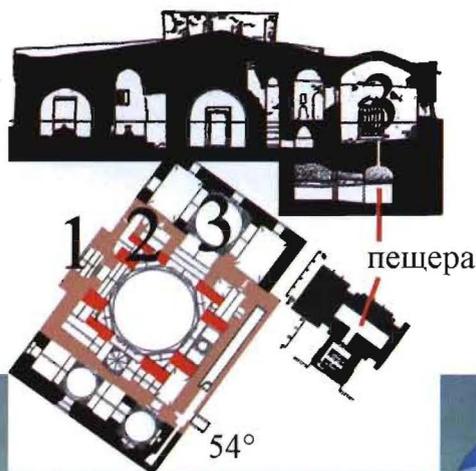
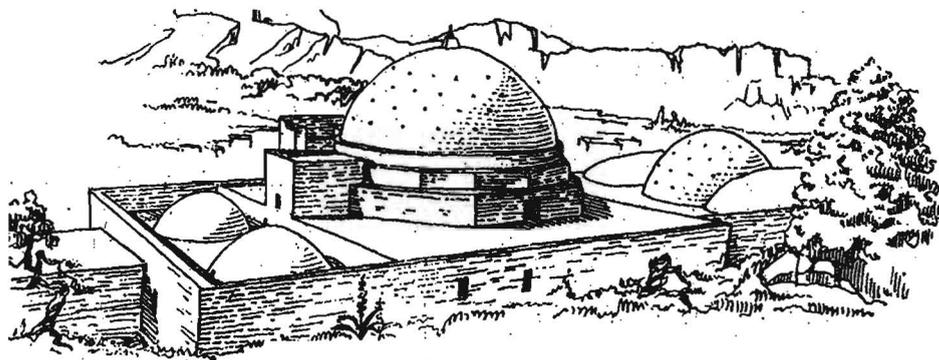

6. БАЗИЛИКА И ХОНАКОХ: «ПРАВИЛЬНЫЙ» ПУТЬ И ОРИЕНТАЦИЯ

Базлика Св.Софии (VI в.) и хонакох Баба-Ата (VII в.):

планы, разрез, аксонометрии.

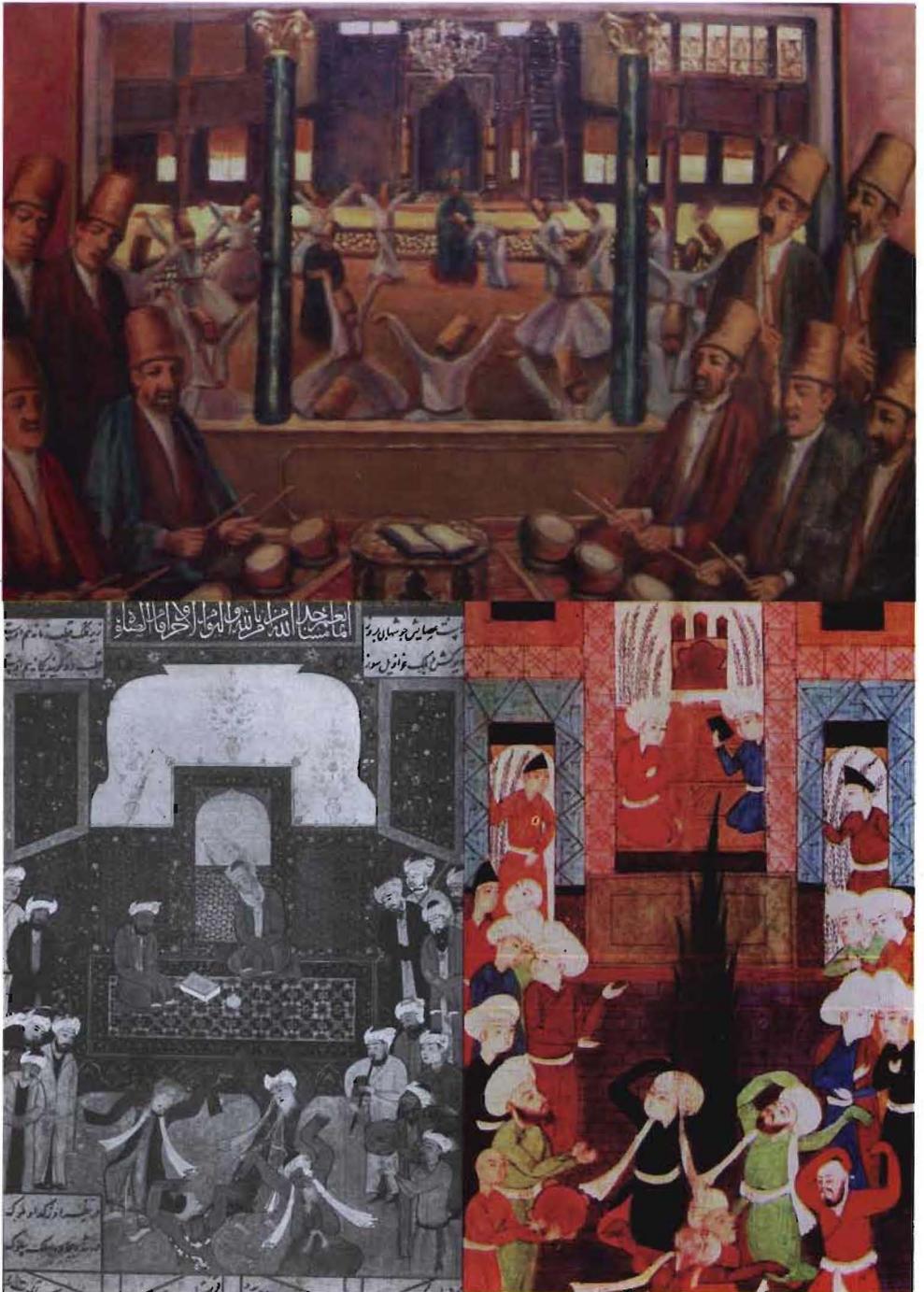
- 1 — оловхона,
- 2 — вход,
- 3 — коридор на кровлю,
- 4 — переход,
- 5 — выход на кровлю,
- 6 — зикрхона (место императора в Св.Софии),
- 7 — мечеть,
- 8 — алтарь в Св.Софии.

7. СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ХОНАКОХ

(Снизу вверх) *Хонакох* Баба-Ата в VIII—XII вв. (аксонометрия),
хонакох Мухаммада Бошаро XI—XIV вв. (план, разрез, вид).

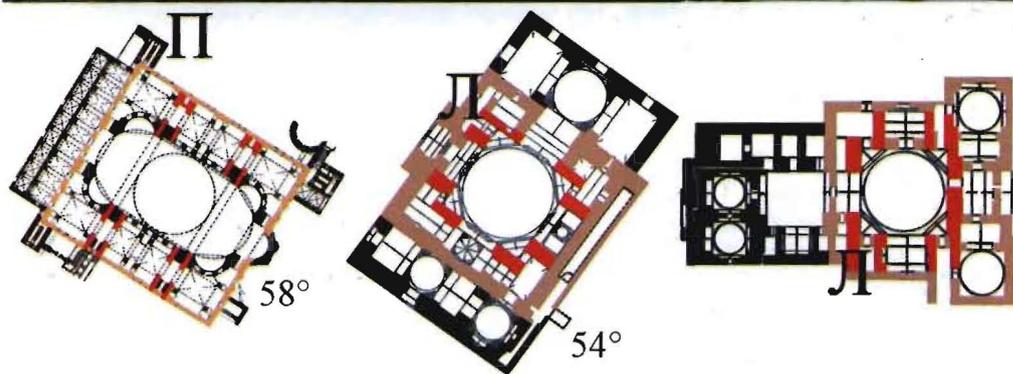
1 — вход, 2 — лестница в *зикрхону*, 3 — мечеть.

8. ЗИКРХОНА И САМОХОНА

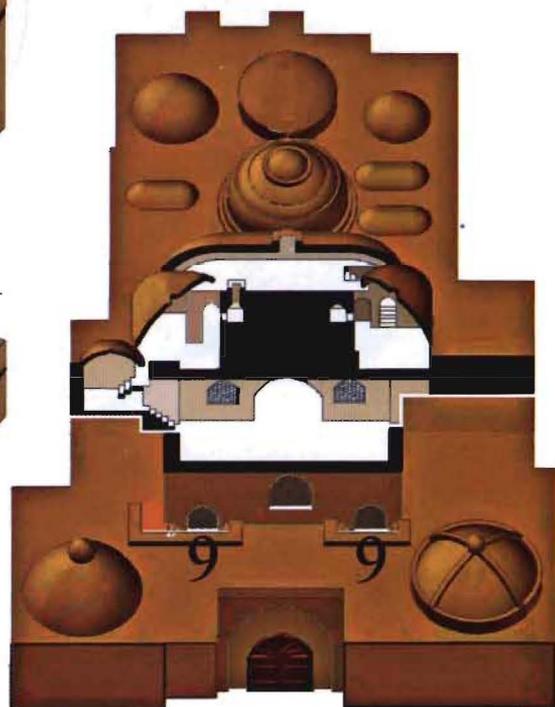
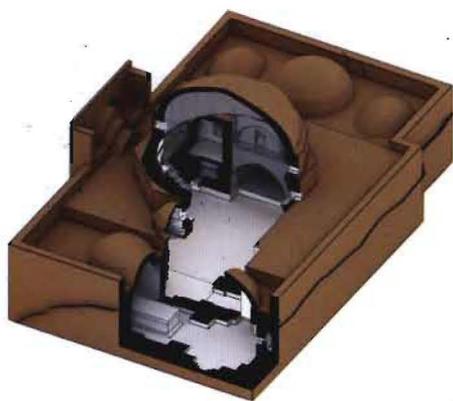
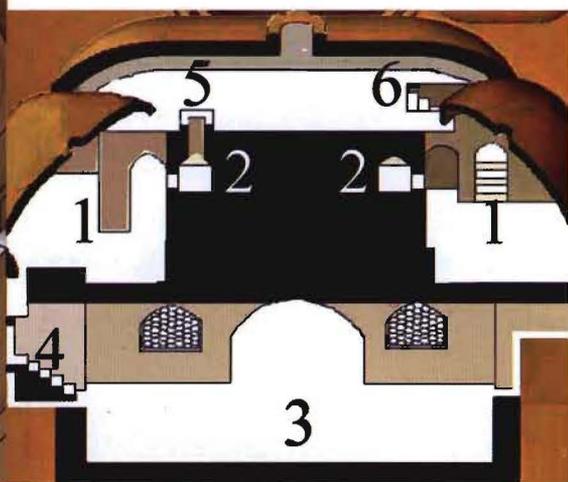
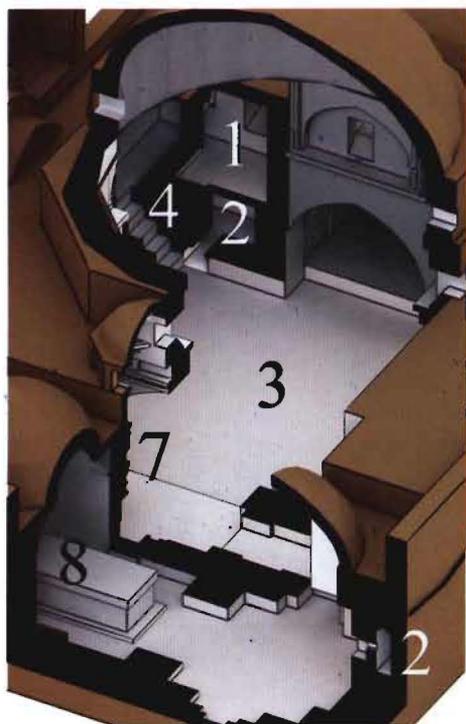
Миниатюры (снизу против часовой стрелки):

Герат 1485 г., Иран XIX в., Конья XX в.

9. СВ. СОФИЯ И ХОНАКОХ УЛУСА ЧАГАТАЙ

Базилика Св.Софии,
хонакох Мухаммада Бошаро (XI в. — 1343 г.)
и *шайха* Мухтора Вали (1287 г. — середина XIV в.).
Л — лестницы, П — пандус.

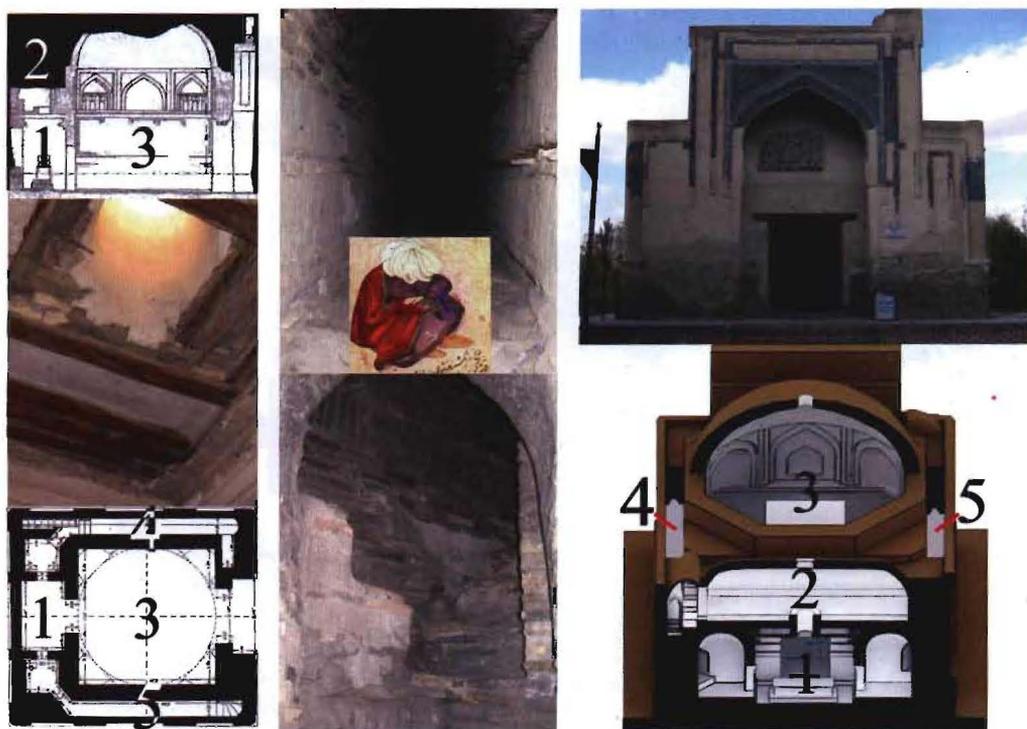

М.Бошаро

М.Вали

10. ИНТЕРЬЕРЫ ХОНАКОХ МУХАММАДА БОШАРО И МУХТОРА ВАЛИ

1 — зикрхона, 2 — чиллахона, 3 — самохона, 4 — лестница в зикрхону, 5 — колодец над чиллахоной, 6 — лестница в северную зикрхону, 7 — михраб, 8 — захоронение, 9 — спуски к восточным окнам самохоны.

11. ХОНАКОХ БАЁНКУЛИХАНА

Разрез Красильникова 1935 г.,
световой колодец над захоронением,
план,

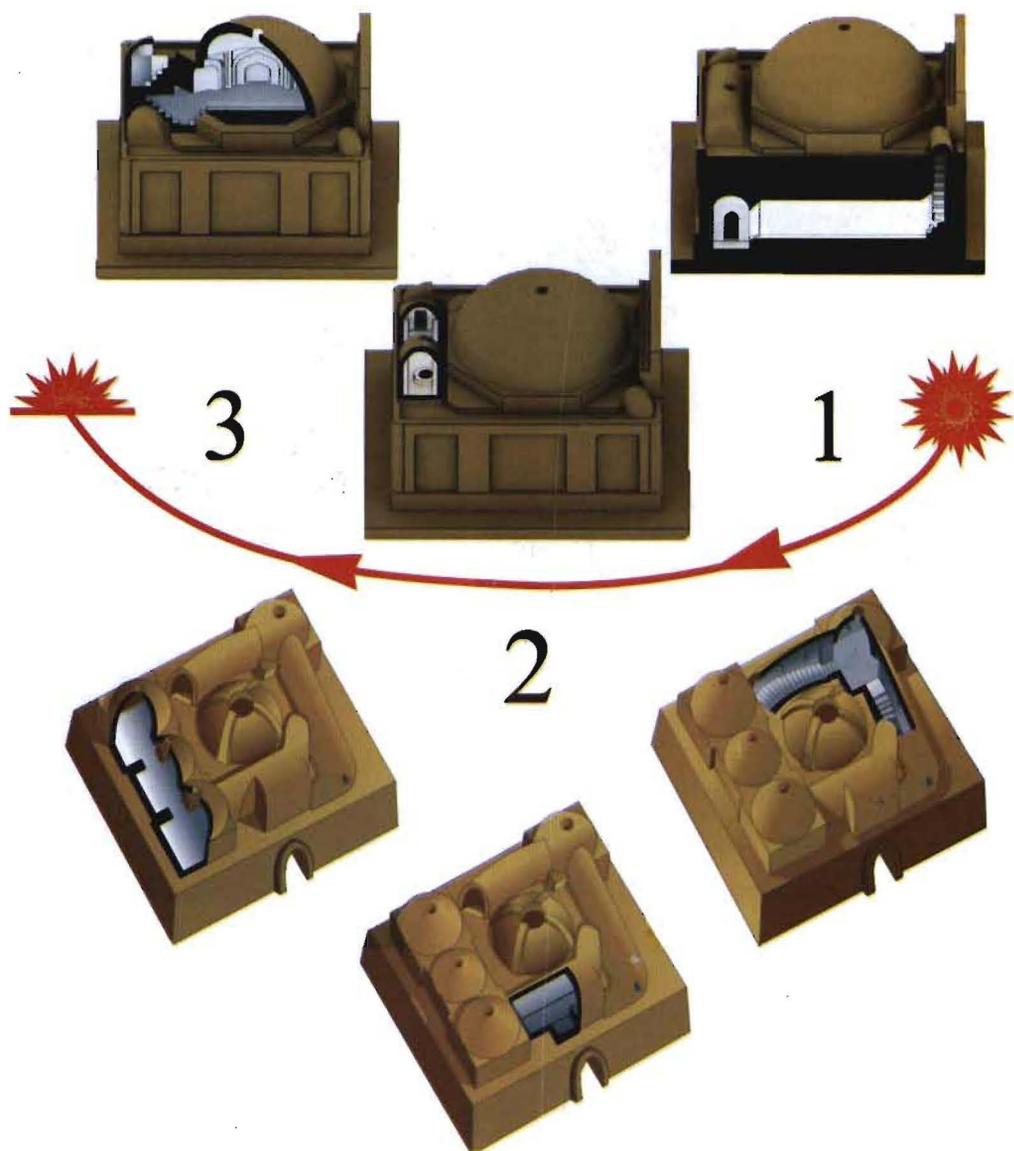
чиллахона северной стены и миниатюра «Суфий в думах» (Иран 1631—1632 гг.),

лестница в эту *чиллахону* и на кровлю,

фасад,

аксонометрия.

1 — захоронение, 2 — *зикрхона*, 3 — *самохона*, 4 — *чиллахона*, 5 — коридор на кровлю.

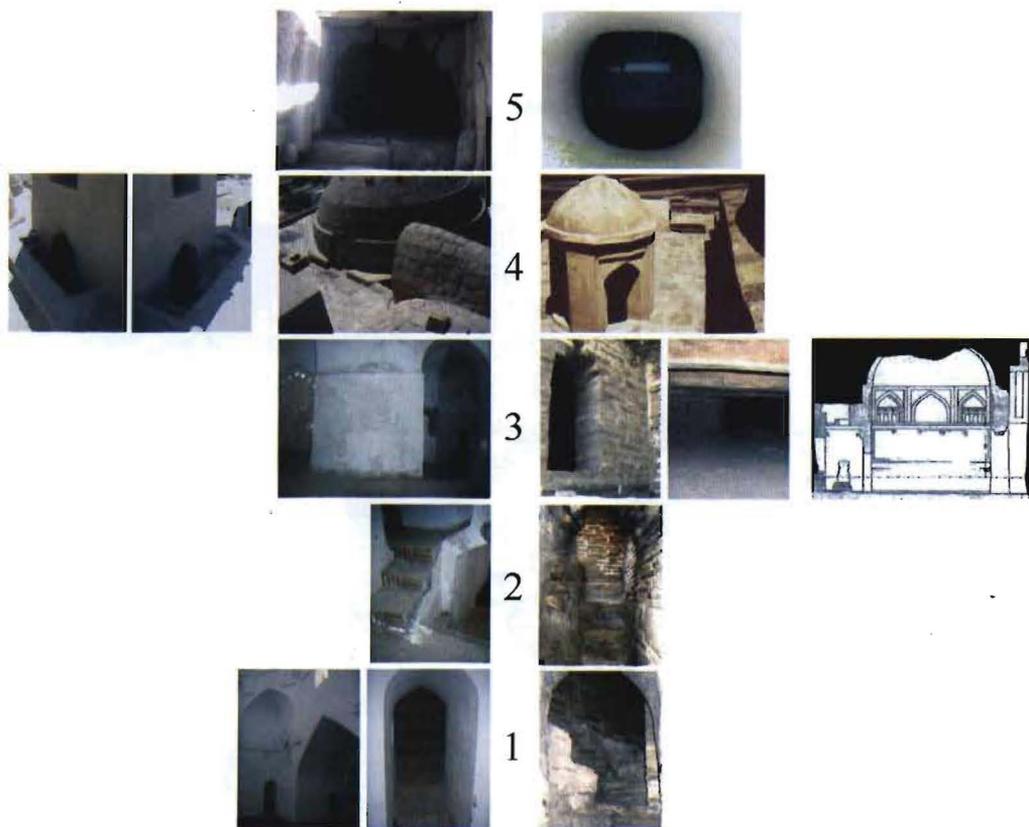
12. СЕМЬ ВЕКОВ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Хонакох Баба-Ата и Баёнкулихана:

1 — коридор на кровлю,

2 — зикрхона,

3 — мечеть (в Баба-Ата) и чиллахона (в хонакох Баёнкулихана).

13. ИЗ САМОХОНЫ В ЗИКРХОНУ И НА КРОВЛЮ

Хонакох шайха Мухтор Вали и Баёнкулихана:

- 1 — лестницы из самохоны в зикрхону,
- 2 — повороты лестниц,
- 3 — зикрхона,
- 4 — кровля,
- 5 — виды из кровель внутрь колодцев.

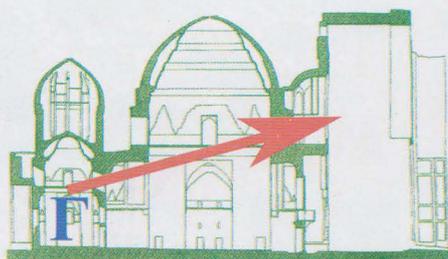
14. ОТ ХОНАКОХ УЛУСА ЧАГАТАЙ К ХОНАКОХ ТЕМУРА

Хонакох Мухаммада Бошаро (XI в. — 1343 г.),

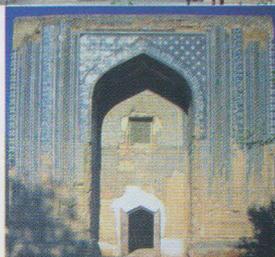
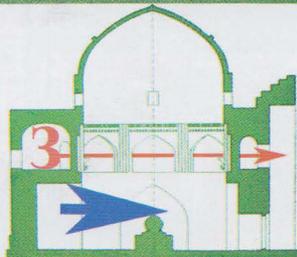
Ишоратхона (рубеж XIV—XV вв.)

и Ахмада Яссави (1389—1399 гг.)

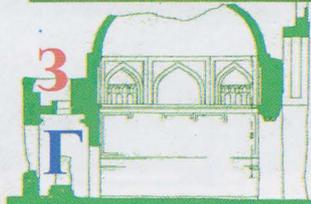
1389-1405
Яссави

1369-1370
Тугулук Темур

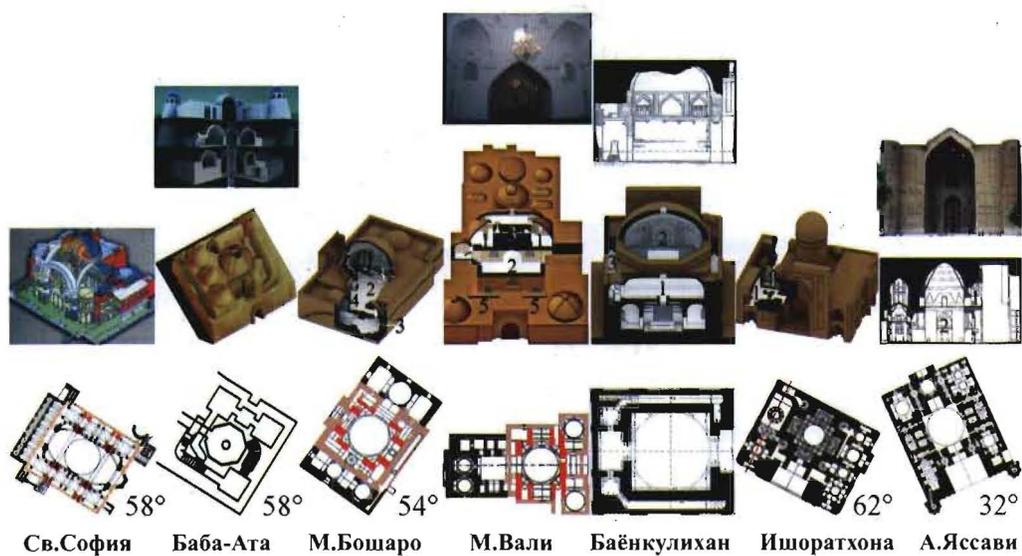
1358
Баёнкулихан

15. СКРЫТНАЯ ЗИКРХОНА ВЫХОДИТ НА ФАСАД

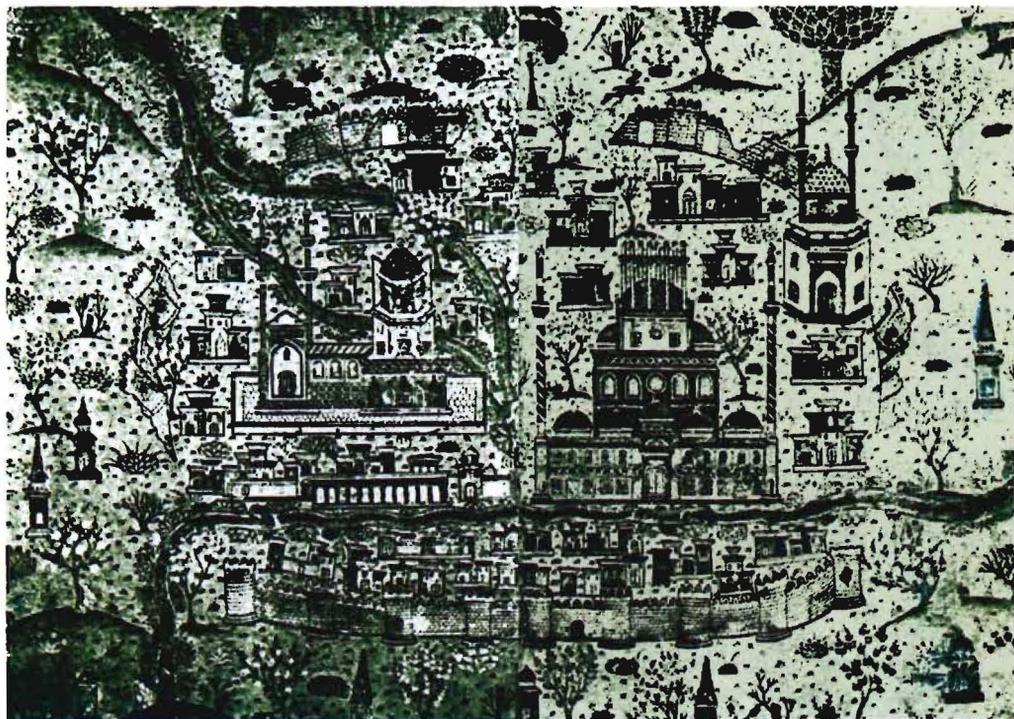
Хонакох Баёнкулихана,
Туглук Темура (1369—1370 гг.)
и Ахмада Яссави:
разрезы и фасады.

Г — гурхона-захоронение, З — зикрхона.

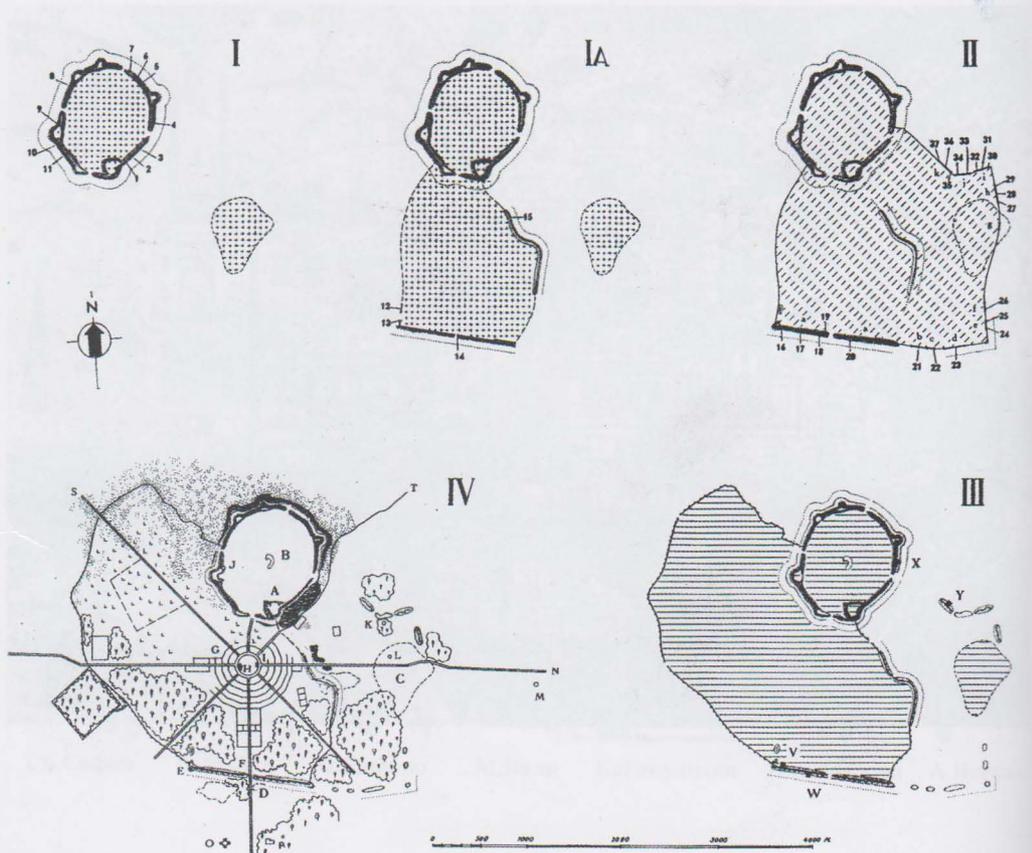

16. ХОНАКОХ ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО ТЕМУРА

1 — зикрхона, 2 — самохона, 3 — чиллахона, 4 — михраб, 5 — спуски к восточным окнам самохоны.

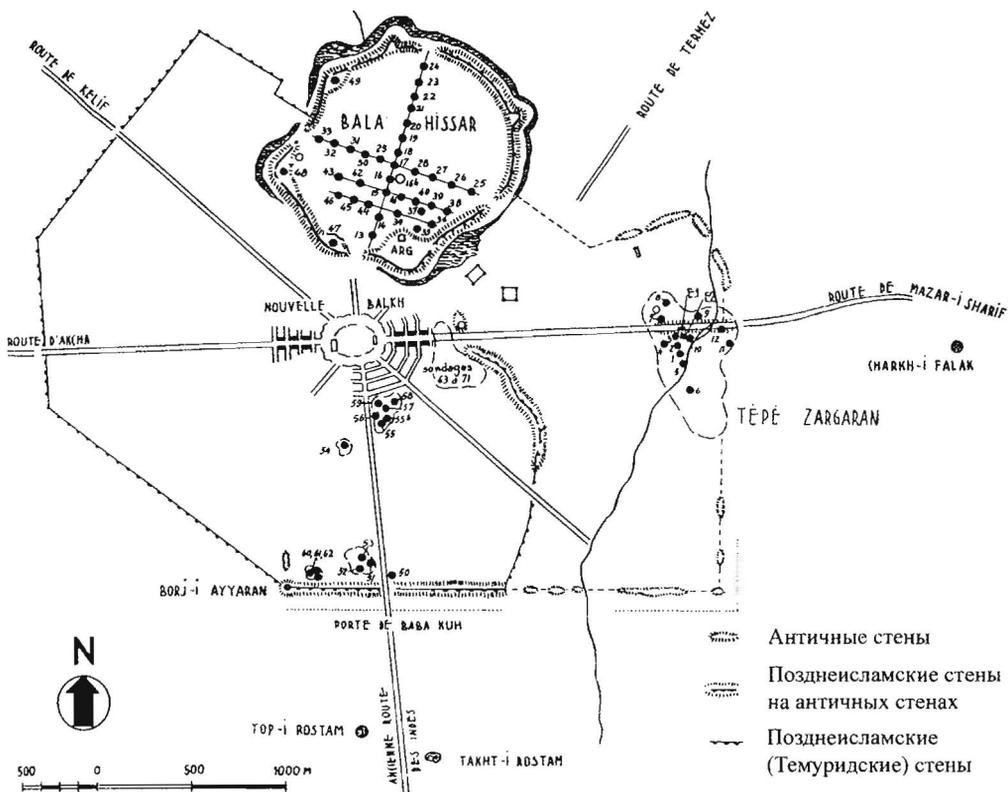

17. ЦИТАДЕЛЬ СУЛТАНИИ
Миниатюра 1537—1538 гг.

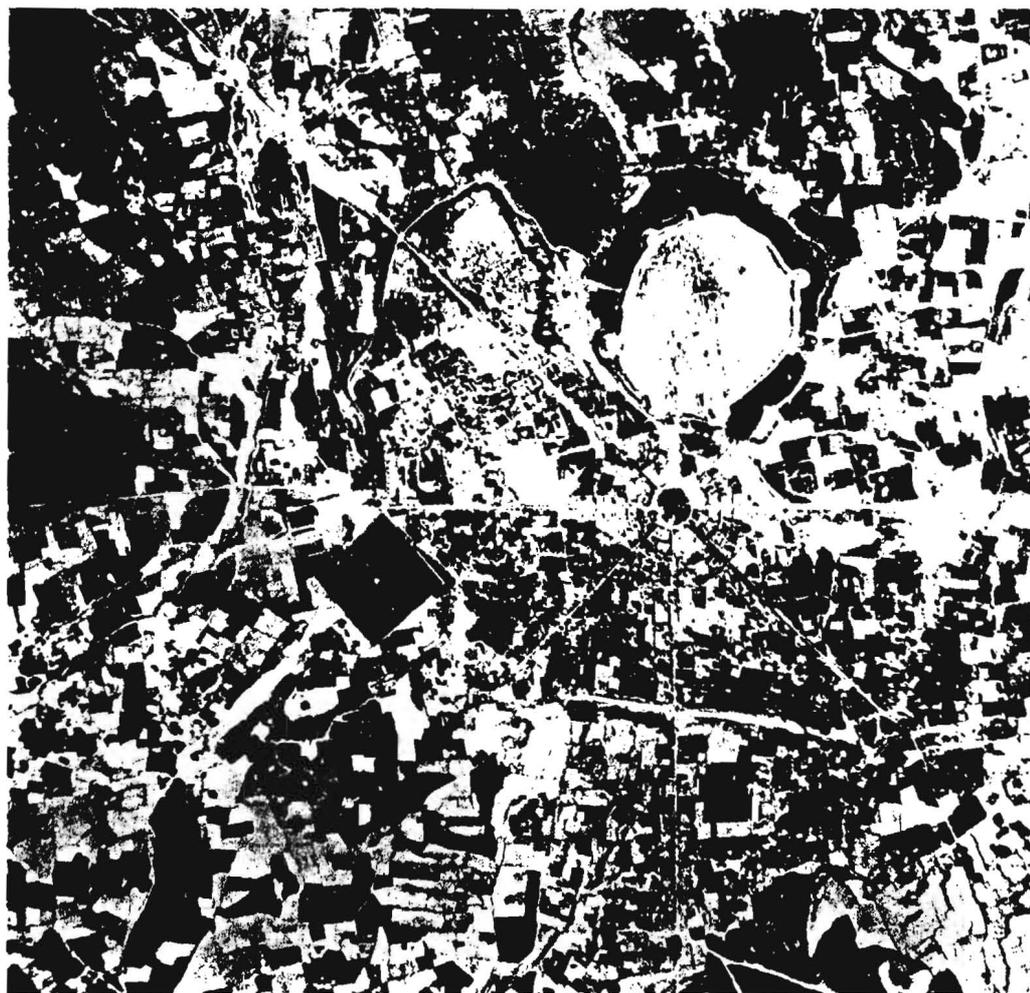
18. БАЛХ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

I — кушанский, IA — рост, II — античный, III — позднеисламский, IV — середина XX в.

- Antiques walls
- Medieval Islamic walls on antique walls
- Medieval Islamic (Timurid) walls

19. ТЕМУРИДСКИЙ БАЛХ, ПЛАН ГОРОДСКИХ СТЕН

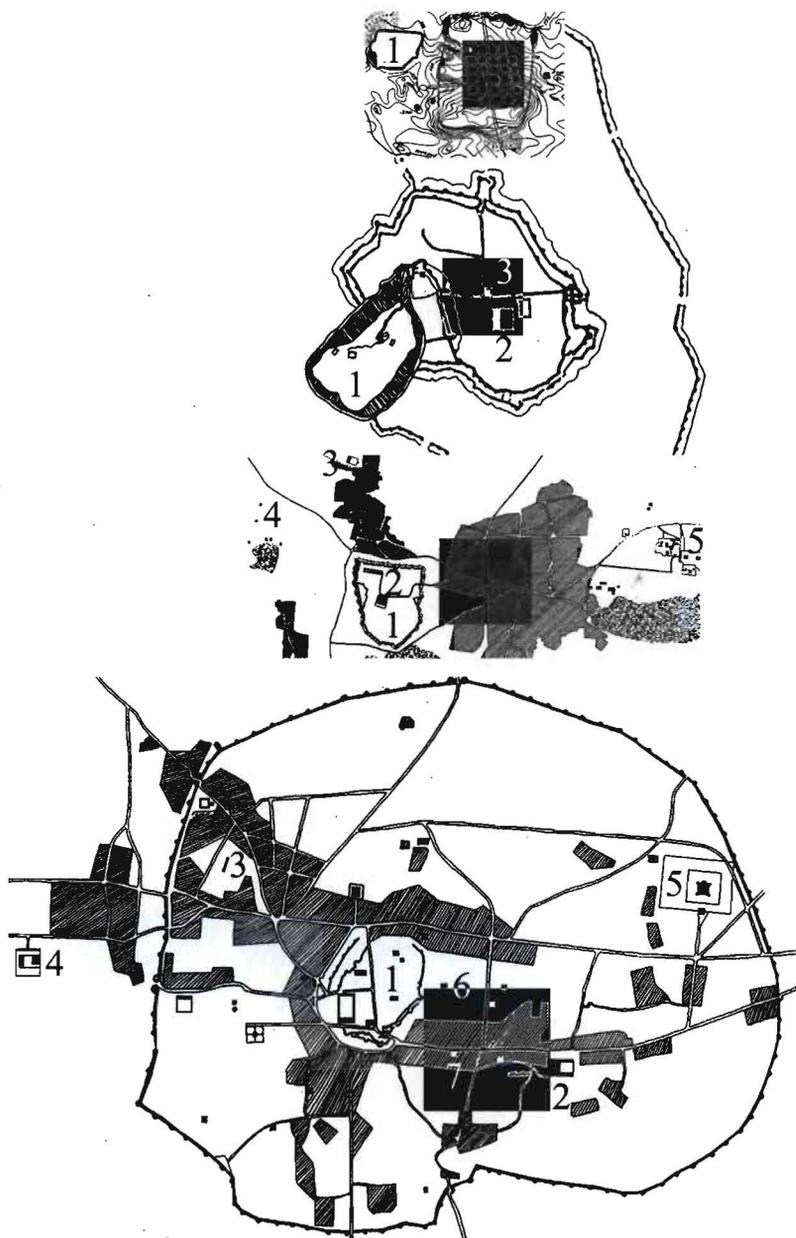

20. БАЛХ С ВОЗДУХА, СЕРЕДИНА XX В.

23. РАДИАЛЬНЫЕ УЛИЦЫ САМАРКАНДА

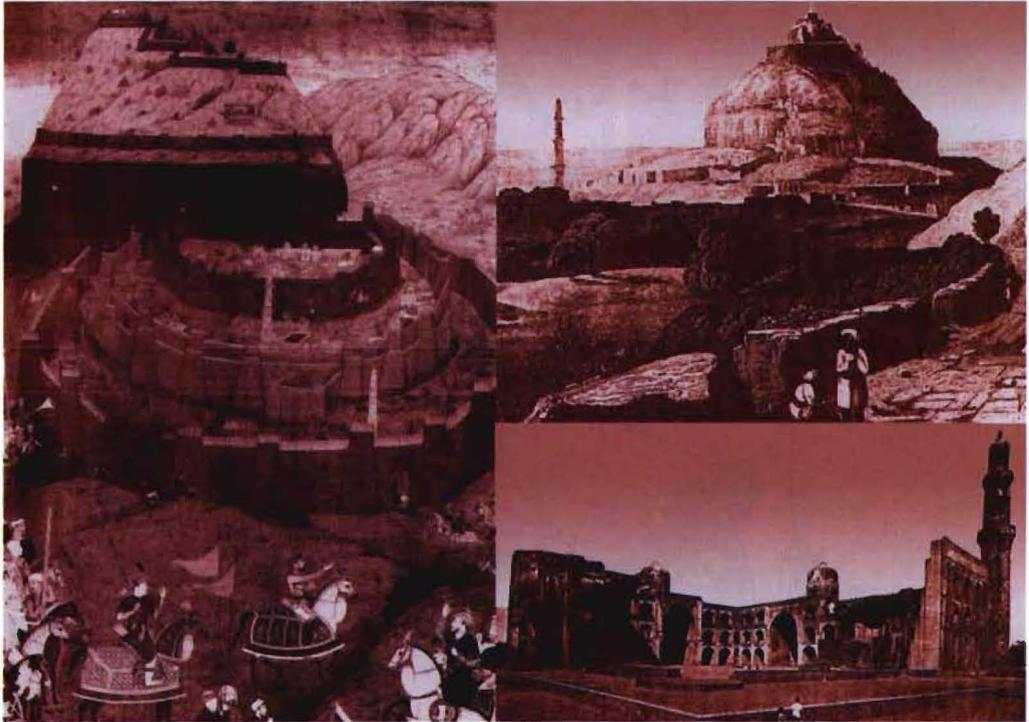
Внизу — вид на улицы Мехнат (слева) и Сузангаранская (справа)
от места ворот Сузангаран. Вверху — улица Мехнат.

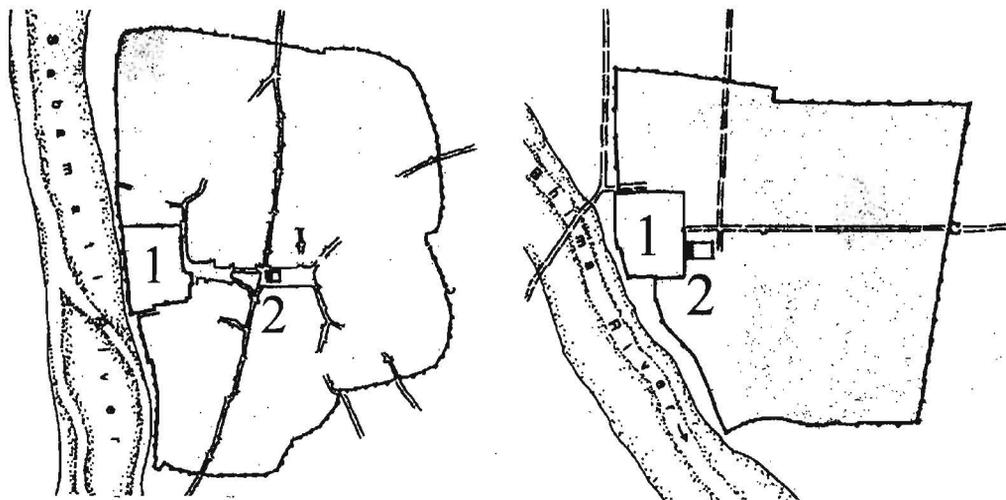
24. БУХАРА И САМАРКАНД В ИНДИИ

(Сверху вниз) Бухара, Давлатабад, Гульбарга, Биджапур:

1 — цитадель, 2 — мечеть Джамии, 3 — Чанд Минар (в Давлатабаде), мечеть Шах Базар (в Гульбарге) и Идгох (в Биджапуре), 4 — мавзолеи первых султанов (в Гульбарге) и мавзолее Ибрагима Одил Шаха (в Биджапуре), 5 — мемориальный комплекс Хазрат Гезу Дараз (в Гульбарге) и мавзолее Гол Гумбаз (в Биджапуре), 6 — Джахаз Махал, 7 — Михтар Махал.

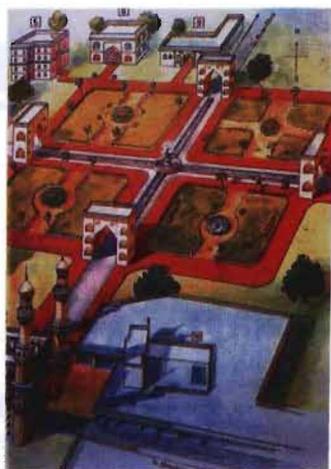
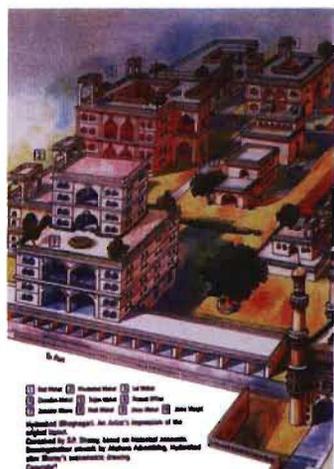

**25. 9 СТЕН ДАВЛАТАБАДА КАК 9 НЕБЕС УЛУГБЕКА (слева и справа).
МАДРАСА САМАРКАНДА В БИДАРЕ (внизу справа).**

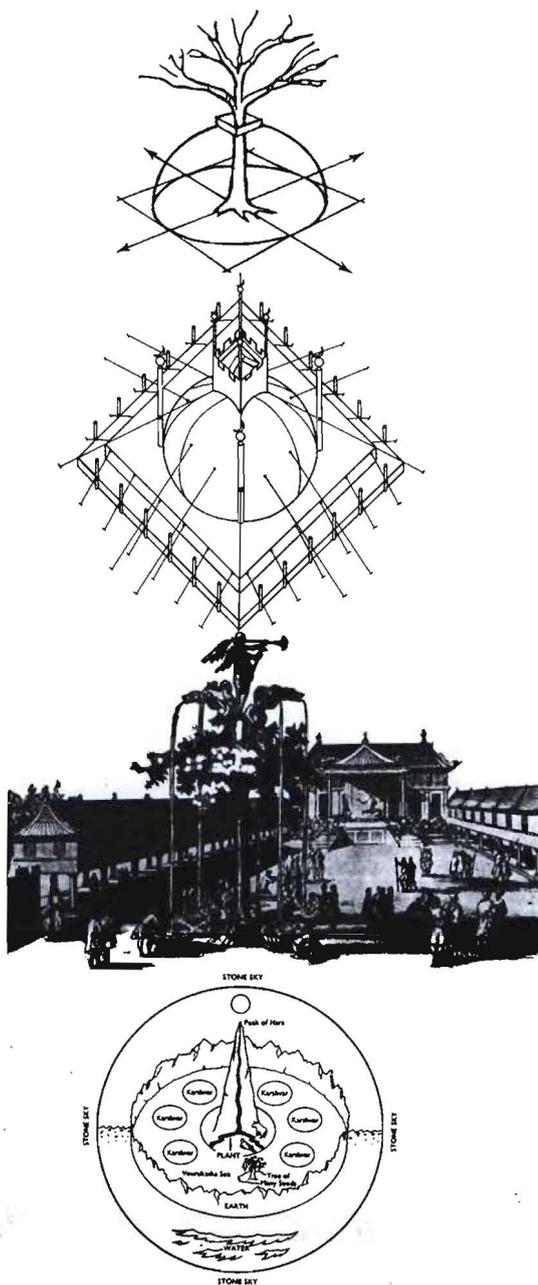

26. ВДОХНОВЛЁННЫЕ ТЕМУРОМ ФЕРУЗАБАД И АХМАДАБАД.

1 — цитадель, 2 — мечеть Джами.

27. ЧОР МИНОРЫ ХАЙДАРАБАДА И БУХАРЫ

28. ДЕРЕВО НА ОСИ МИРА И ШАТЁР ТЕМУРА (Снизу вверх)

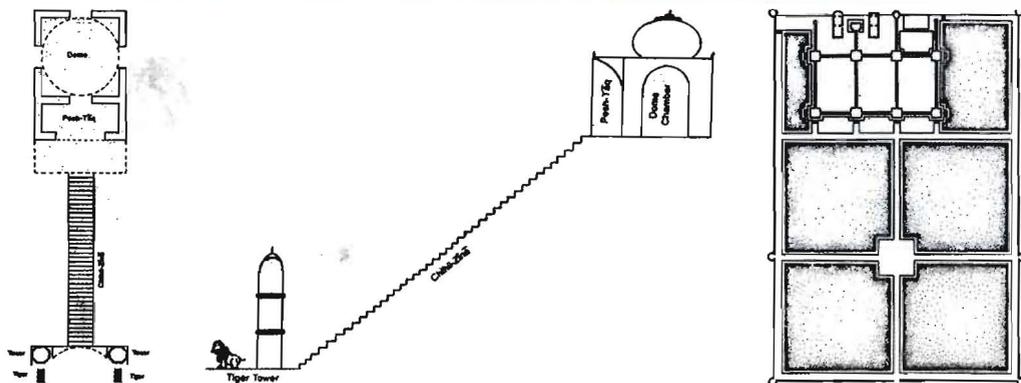
Дерево у горы — древнеиранского центра земли, мировое дерево во дворце Чингизхана в Каракоруме, шатёр-резиденция Темура, дерево и трон на оси мира.

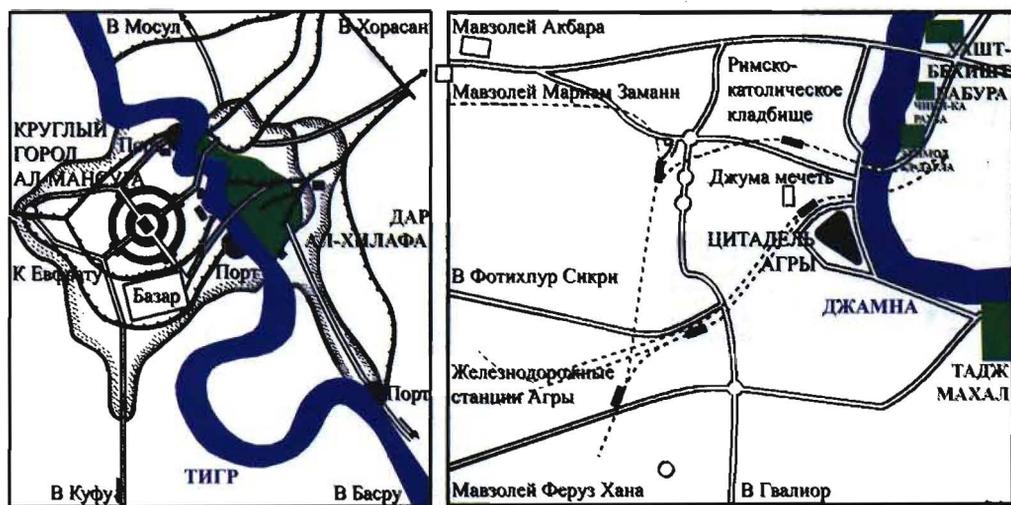
29. ТЕМУР В РАННЕЙ МЕЧЕТИ, РАЗВИТИЕ ИМ СЕЛЬДЖУКИДСКОЙ МЕЧЕТИ И ДУХОВНОСТЬ ИНТЕРЬЕРОВ

(Сверху вниз)

Мечеть Джами Ферузабада Дели,
мечеть Биби Ханым (реконструкция Пугаченковой Г.А.),
мечеть Чампанира.

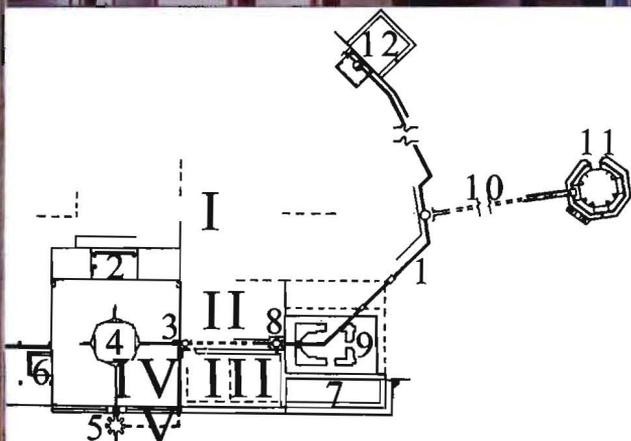
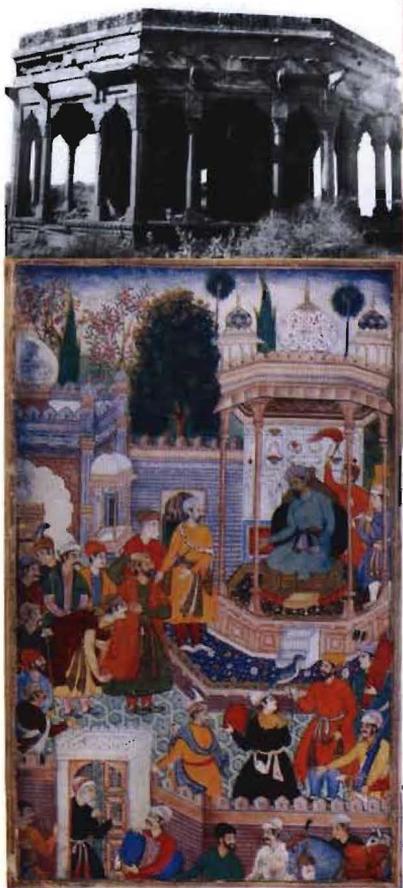

30. ВЫСОТЫ БАБУРА
 (Против часовой стрелки)
 Баги Бабур в Андижане,
 Чихил Зина в Кандагаре,
 Хашт Бехишт в Агре.

31. УЕДИНЕНИЕ БАБУРА ПО АЛ-МАНСУРУ

Обители для *хилват* за реками Багдада (слева) и Агры (справа).

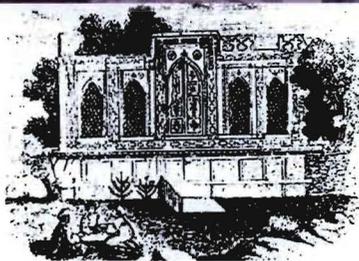
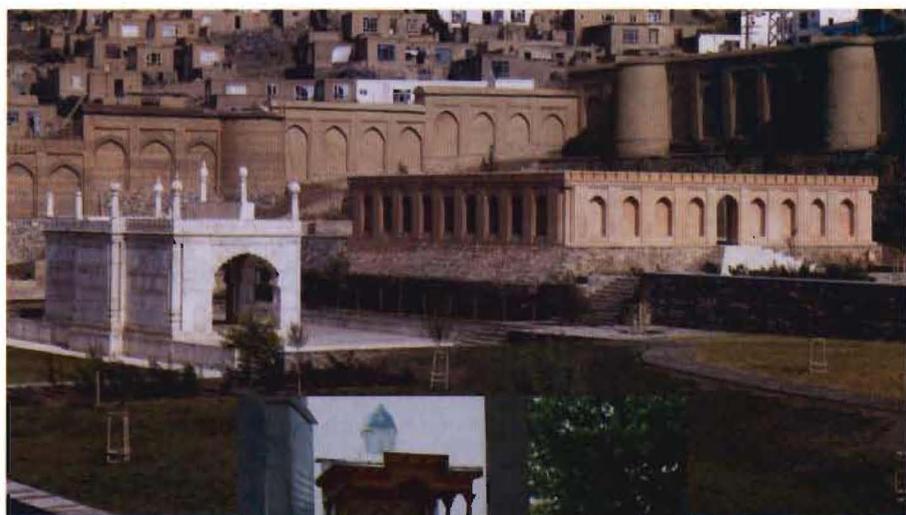
32. БАБУР СТРОИТ РАДИ СВЕТА И ВОЗДУХА

(Снизу по часовой стрелке)

Миниатюра XVI в. «Бабур принимает посла Бенгалии»,
 павильон Джал Махал,
тургох павильона Камрана Мирзо,
 план Баги Нилуфар.

I и II—IV — верхняя и средние платформы, V—*чор-баг*,

1 — водовод,	2 — трон,
3 — бутон лотоса,	4 — лотос в цвету,
5 — увядший лотос,	6 — каменный павильон,
7 — сад,	8 — каскад и 8-гранный бассейн,
9 — <i>хилватхона</i> ,	10 — акведук,
11 — колодец,	12 — баня-хаммом.

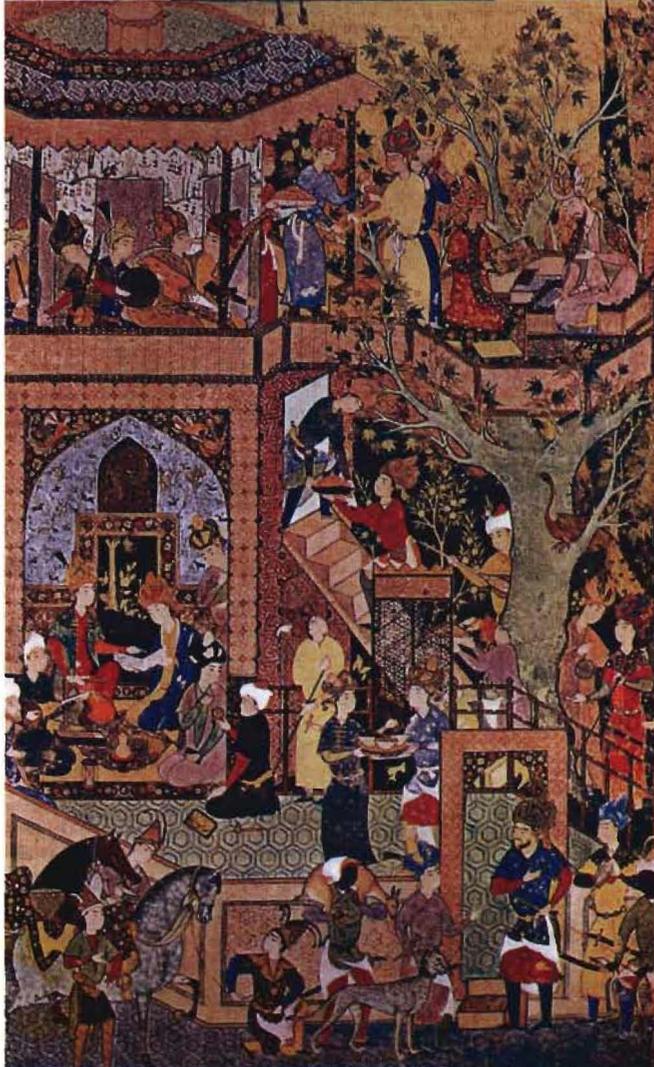
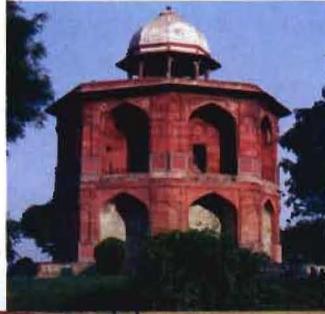
33. МОГИЛЫ БАБУРА

(Снизу вверх)

Кабул, 1643—1646 гг., благоустройство Шахджаханом;
состояние в 1921 г.;

символическая могила в Баги Бабур Андижана, начало 1990-х гг.;

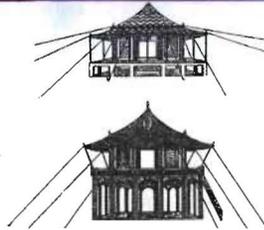
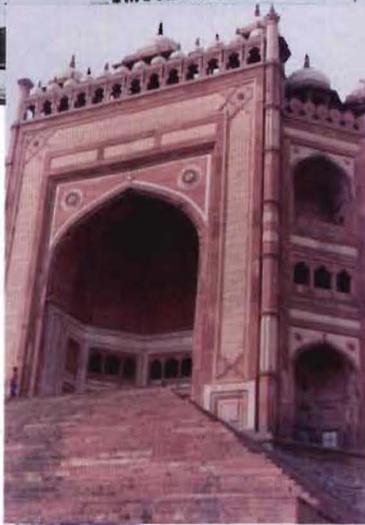
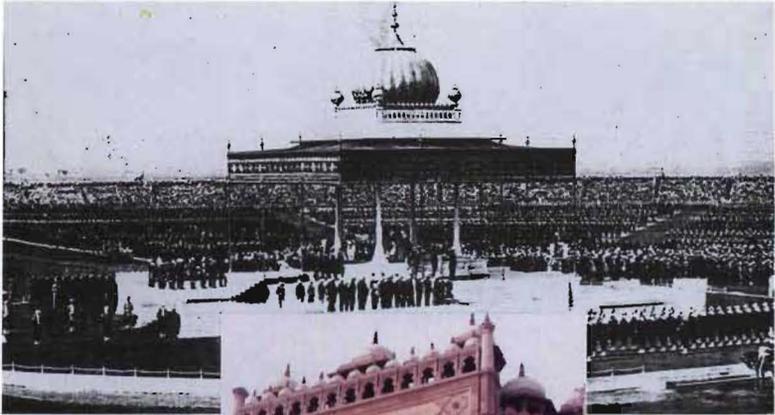
Кабул, 2005 г., благоустройство Фондом Ага Хана.

34. НАСЛЕДИЕ ХУМАЮНА

Павильон Шер Мандал

и миниатюра «Юный Акбар показывает картинку отцу Хумаюну».

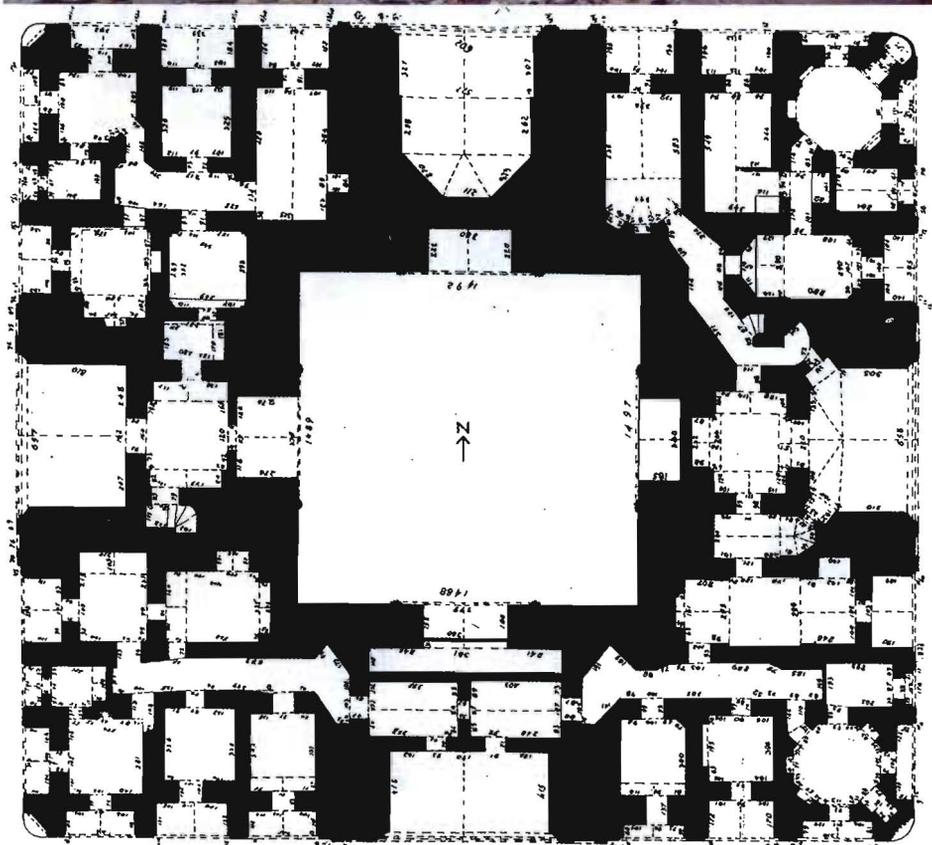
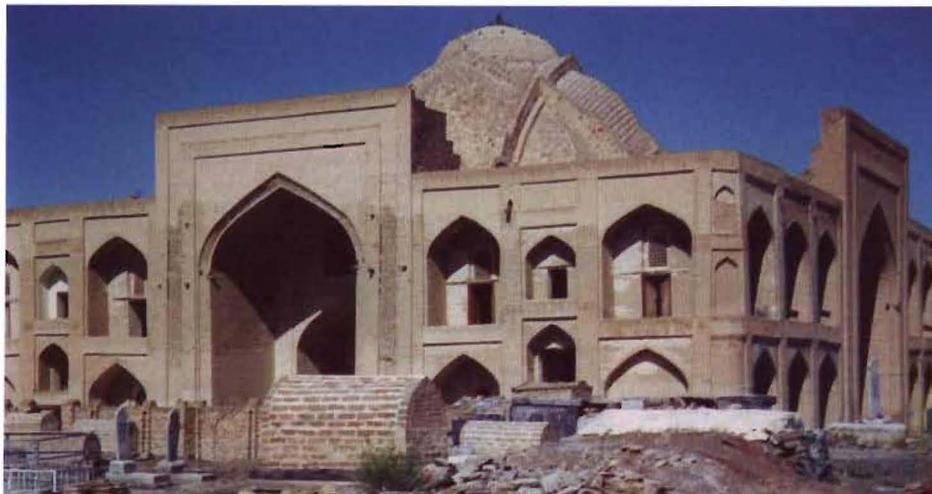
35. ВОЗРОЖДЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ТЕМУРА ОТ XVI ДО XX ВВ.

(Снизу вверх)
 Шатры Акбара,
 его мечеть Калаи Кухна и ворота Баланд Дарваза.
 Павильон британцев для коронации.

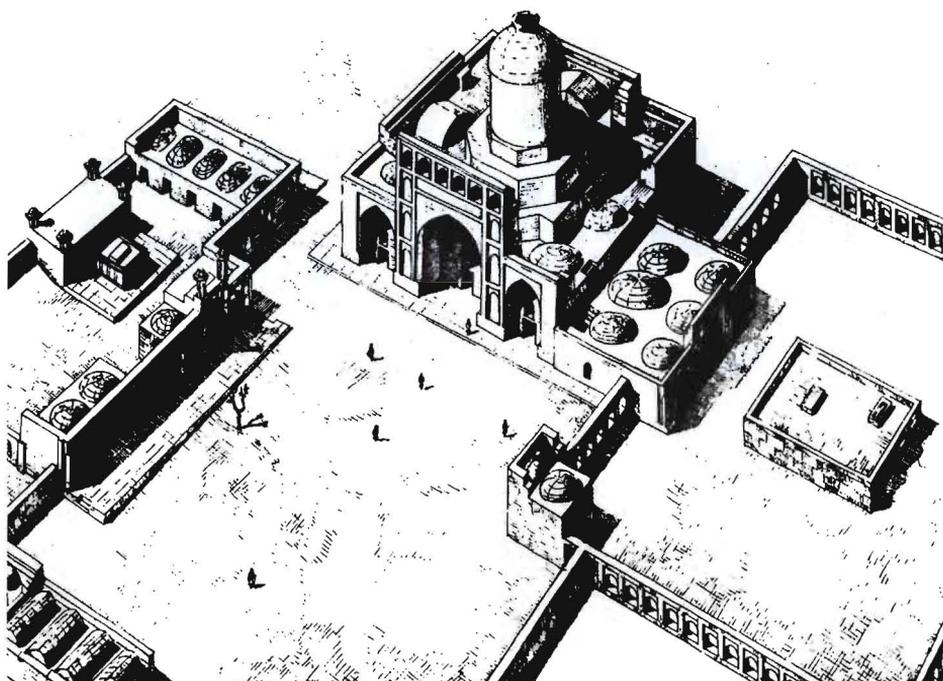
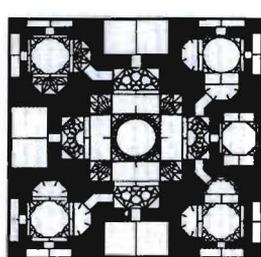
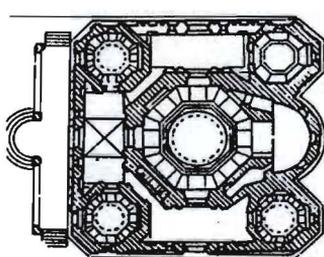
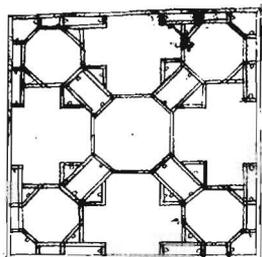
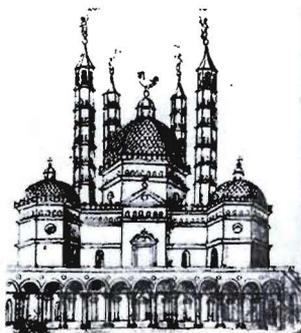
36. ОБНОВЛЕНИЕ СТИЛЯ ТЕМУРА РАДИ ПРИНЕСЁННЫХ ИМ РЕЛИКВИЙ

Аурангзеб: мечеть Бадшахи, Лахор, 1673—1674 гг.

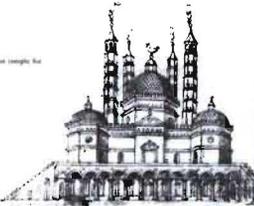
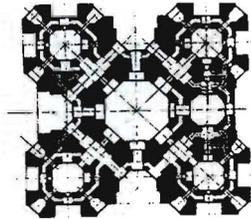
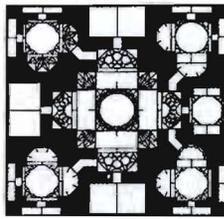
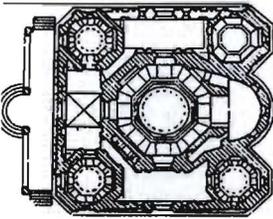
37. КОНЕЦ ТИПОЛОГИИ ХОНАКОХ С КОРИДОРОМ «ПРАВИЛЬНОГО» ПУТИ

*Хонакох (1544—1545 гг.) Бохоуддина Накшбанда (1318—1389 гг.):
 план второго этажа и общий вид.*

38. ХОНАКОХ ОБНОВЛЯЕТСЯ В КОНТАКТАХ С МОСКВОЙ

Вверху: храм Филарете для идеального города Плюсиаполис (1461—1464 гг.), церковь Иоанна Предтечи (1547 г.) в Дьякове, хонакох (1558 г.) Абдуллахана для Касым Шайха в Кармана.
Внизу: аксонометрия комплекса хонакох.

39. ХОНАКОХ В РЯДУ НОВЫХ ХРАМОВ РОССИИ И ИНДИИ

Вверху:

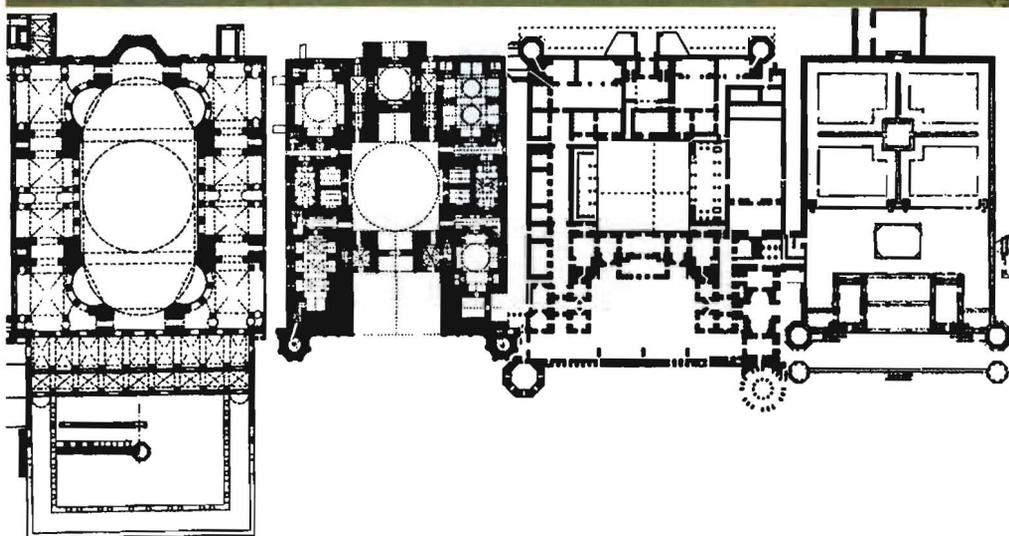
церковь Иоанна Предтечи (1547 г.) в Москве,
хонакох (1558 г.) Абдуллахана для Касым Шайха в Кармана,
мавзолей (1556—1565 гг.) Хумаюна в Дели.

В середине:

камины и воздухопроводы-хатаба в хонакох Касым Шайха.

Внизу:

храм для города Плюсиаполис и мавзолей Хумаюна.

40. ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОНАКОХ ЯССАВИ В ИНДИИ

Дворец Джахонгири Махал (1565—1569 гг.)

Планы:

базилики Св.Софии,

хонакох Яссави,

дворца Джахонгири Махал,

дворца Лал Махал (1637 г.)

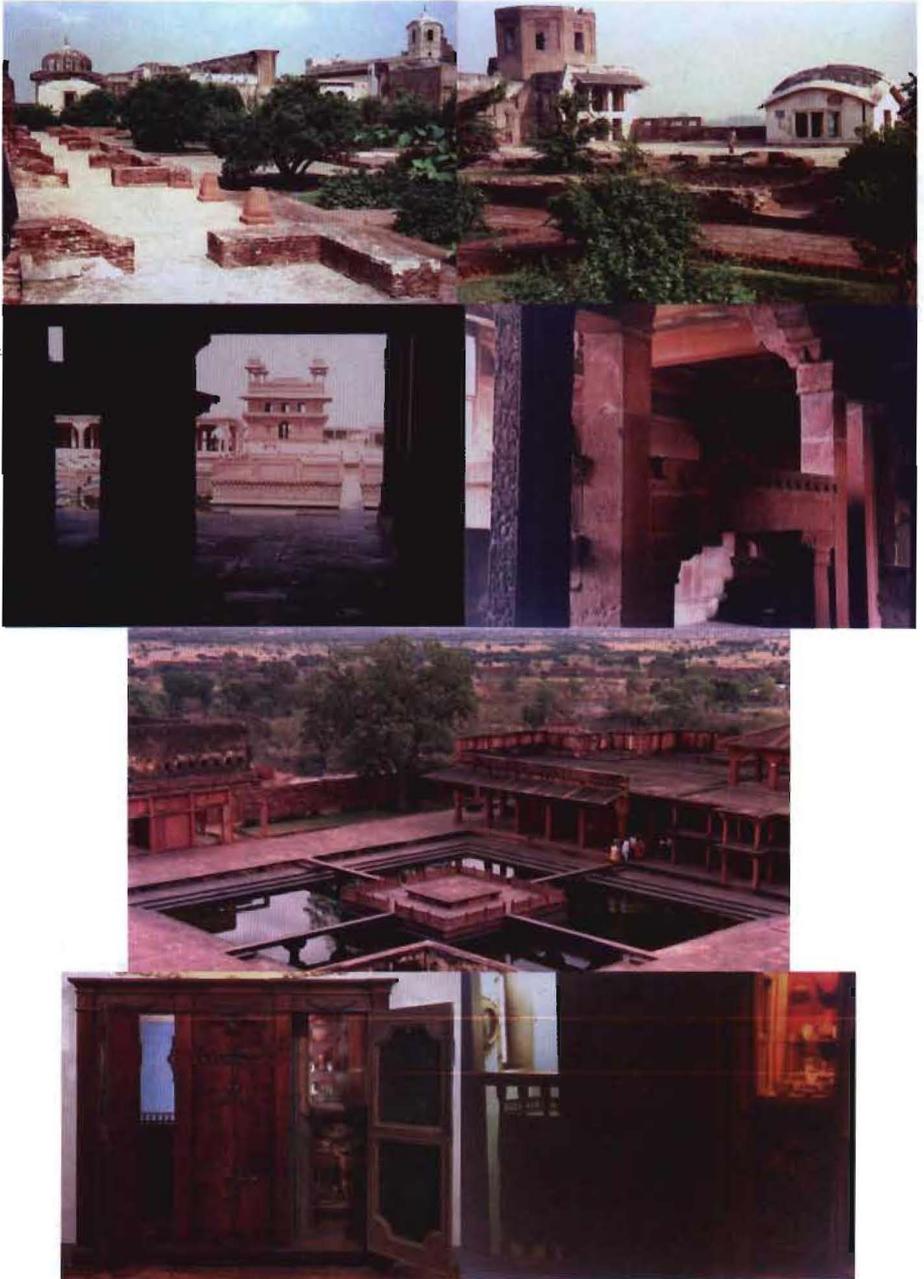

41. КОТЁЛ СКРЫТНЫХ СУФИЙСКИХ РИТУАЛОВ ВЫНОСЯТ В НАРОД

Котёл «Назир Ниёз козони» в *самохоне хонакох* Ахмада Яссави (внизу)

и Ховузи Джахонгири (Джахонгиров водоём)

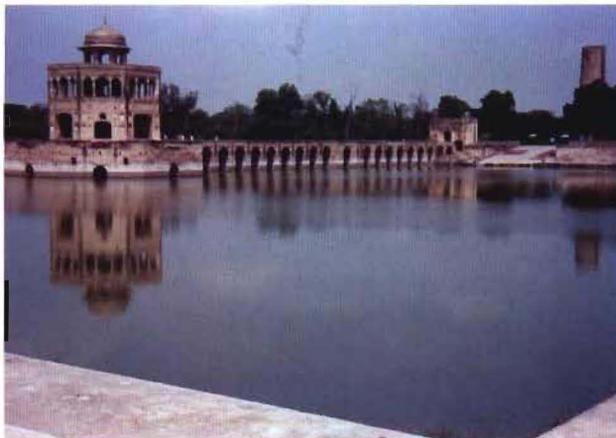
перед дворцом Джахонгири Махал (вверху).

42. ГЕНИЙ РЕНЕССАНСА В ПОИСКАХ УЕДИНЕНИЯ

(Снизу вверх)

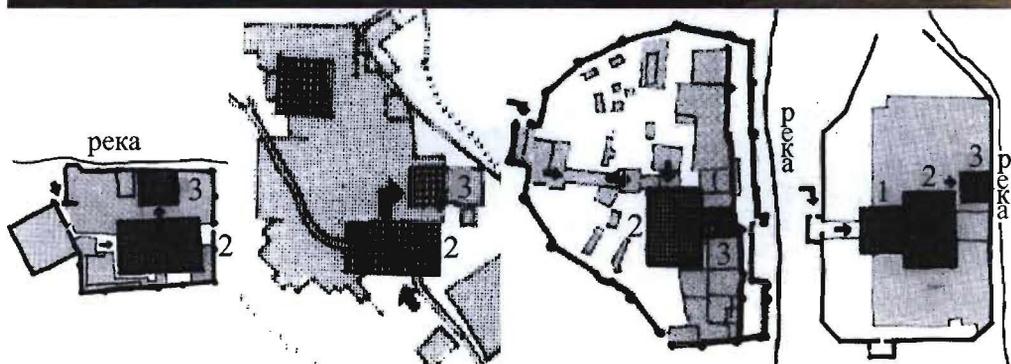
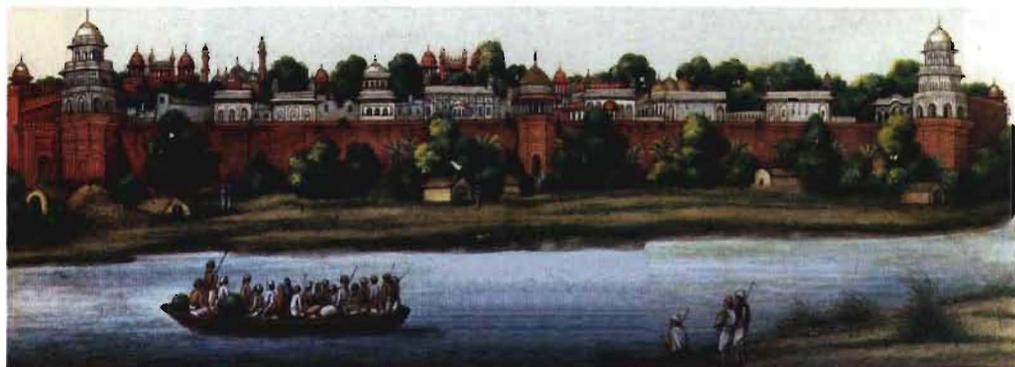
Кабинетик Микеланджело в стене его дома,
бассейн Анупталао — он же духовный центр Ибодатхона,
вид из Хилватхоны Акбара (слева) и его платформа в ней (справа),
Хилватхона Шахджахана в цитадели Лахора.

43. ПАВИЛЬОНЫ УЕДИНЕНИЯ-ХИЛВАТХОНА XVI—XVII ВВ.

(Снизу вверх)

Два павильона Хава Махал Акбара у озера и при гареме в Фотихпур Сикри, и павильон Хава Махал Джахонгира в Лахоре, реконструированный Шахджаханом как Давлатхона.

44. ОТ ПАВИЛЬОНОВ-ХИЛВАТХОНА К БАШНЯМ ВОЗНЕСЕНИЯ НАД РЕКАМИ РАЯ

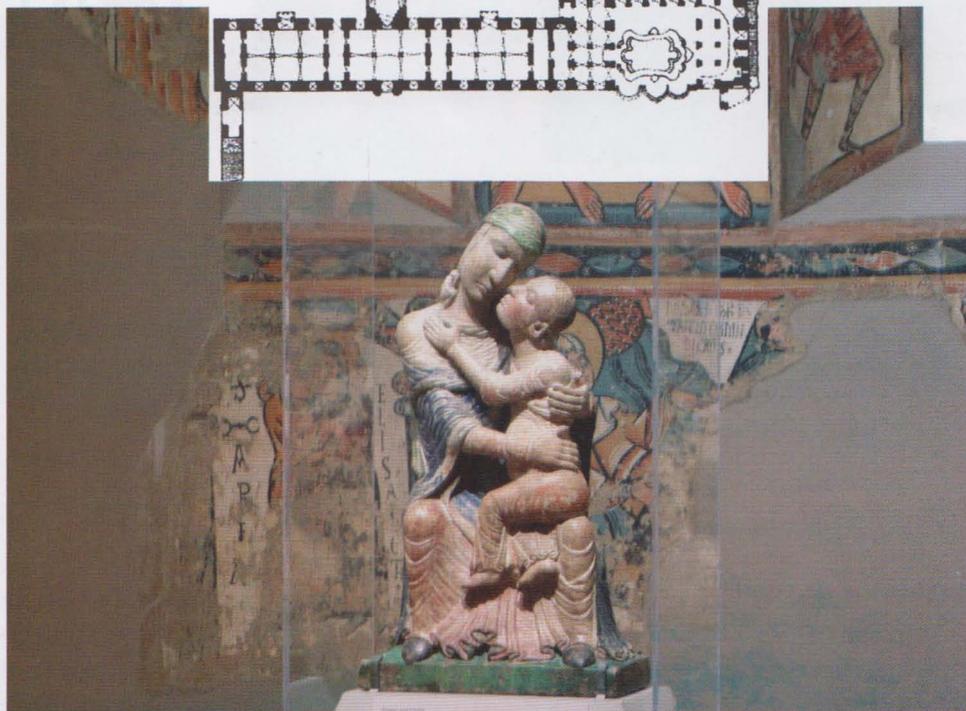
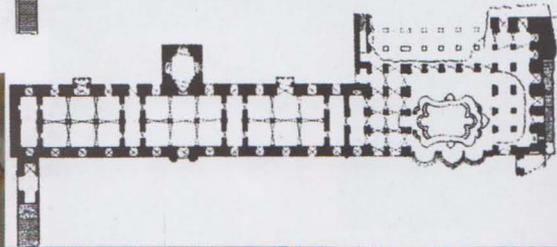
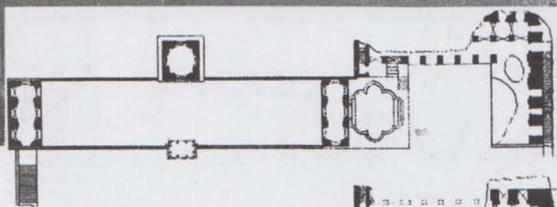
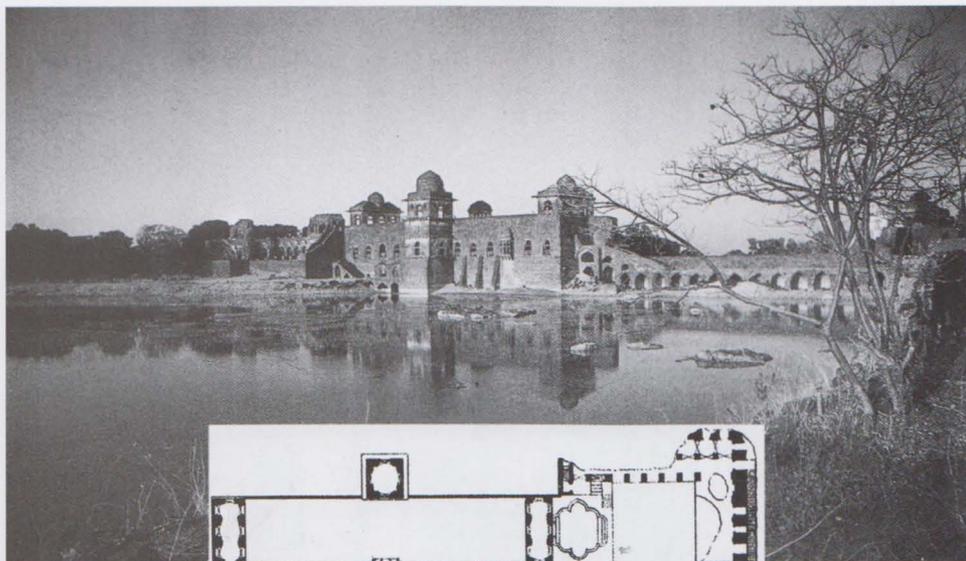
Вверху:

цитадель Шахджаханабада над рекой Джамна
(крайняя справа — Шах *Бурдж* или Шахская башня).

Внизу:

церемониальные оси цитаделей Лахора, Фотихпур Сикри,
Агры и Шахджаханабада.

1 — Ногорахона, 2 — Девони Омм, 3 — Девони Хос.

45. ЖЕНЩИНА — ДУХОВНЫЙ ПАРТНЁР

(Снизу вверх)

«Богородица и дитя» (Италия, 1125—1150 гг.),

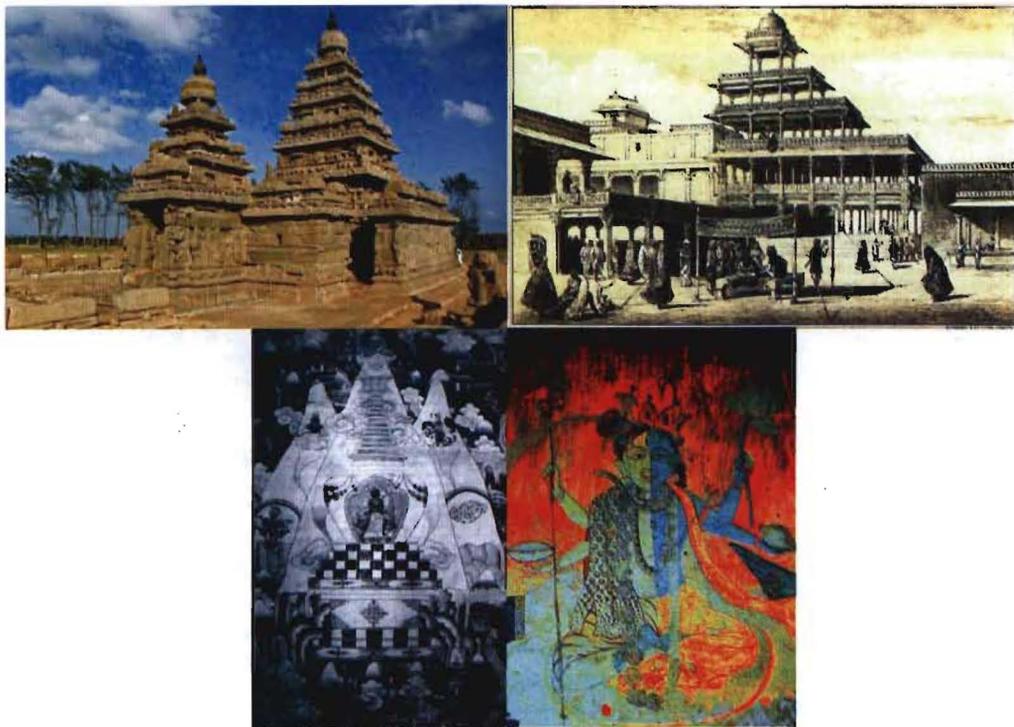
Джахан Махал (Дворец-корабль, 1469 г.) — планы и общий вид.

46. ПРОТОТИПЫ ТРОНА АКБАРА

(Слева направо)

Извергающаяся из пасти дракона змея Тантры,
 змеи в Павильоне Казначея,
 колонны в форме змей-нага,
 консоли минаретов в Ахмадабаде,
 рождающий орган как древо плодородия в Хараппе,
 древоподобный трон Акбара.

47. ПРОТОТИПЫ ПАНЧ МАХАЛА

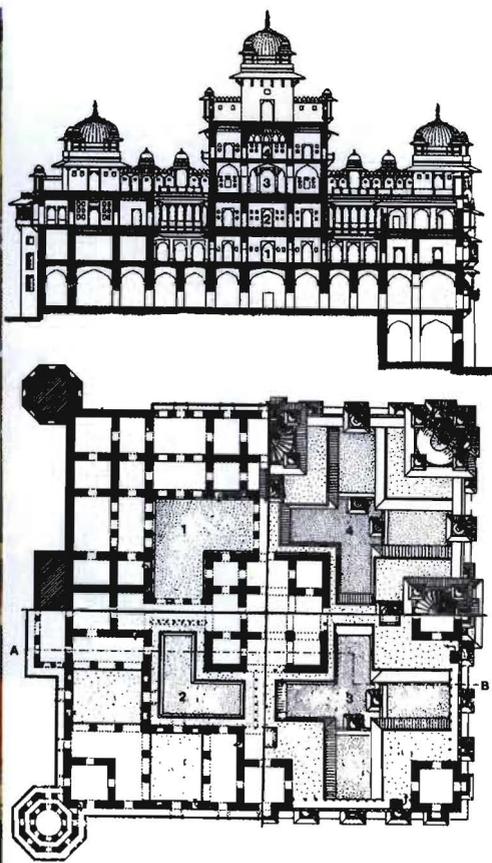
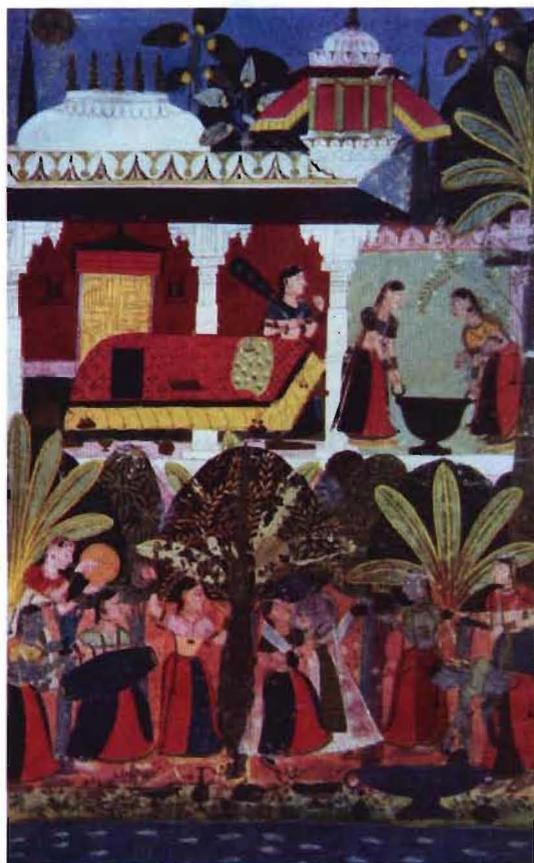
(Снизу по часовой стрелке)

Гора и мудрец в ней (миниатюра Тибета),

храмы Махабалипурам,

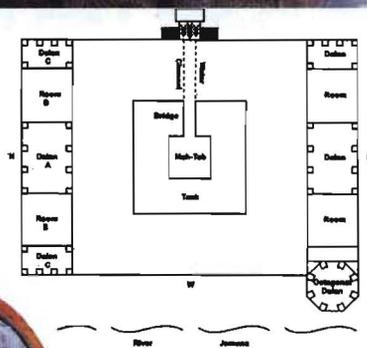
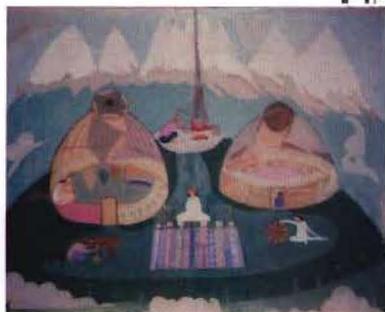
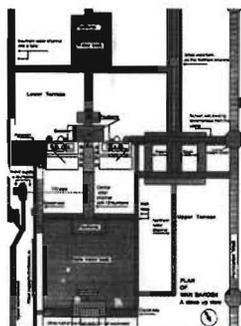
акварель «Акбар играет с женщинами в Пачиси»,

храмовая роспись Шивы, Шакти и Кундалини.

48. ТАНТРИЧЕСКИЕ АКБАР И ДЖАХОНГИР

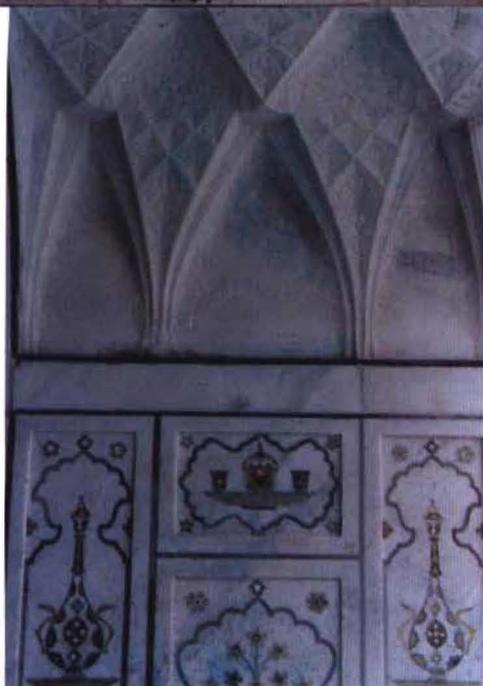
Миниатюра «Кришна на весеннем празднике»
и дворец Говинд Миндир.

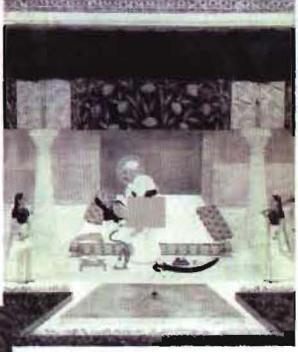
49. НУРДЖАХОН ТРАНСФОРМИРУЕТ ТЕМУРИДСКИЙ САД

(Снизу вверх)

Миниатюра 1615 г. «Джахонгир и Нурджахон», монгольский кюриен и «Яйлак» О.К.Татевосяна, план и фото Махтаби Джахонгира в саду Бабура, генплан сада Хасан Абдал.

50. КРУЖЕВА НУРДЖАХОН
Галерея мавзолея Этимод уд-Даула
и свод *айвана* Тадж Махала.

51. ТАНТРИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ БЕЗ МИСТИКИ

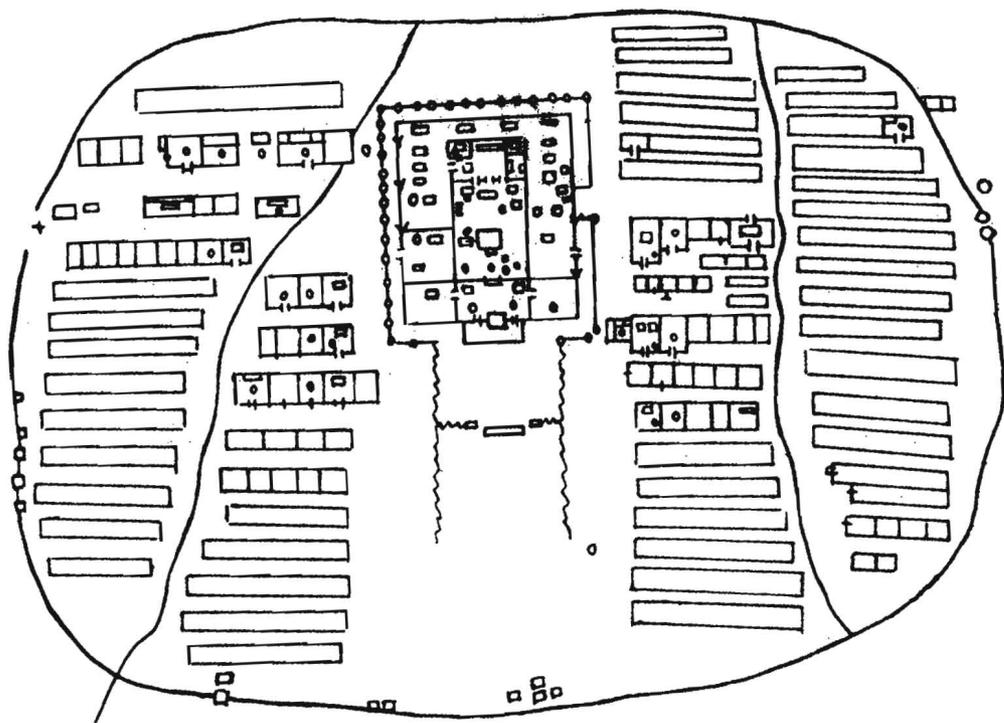
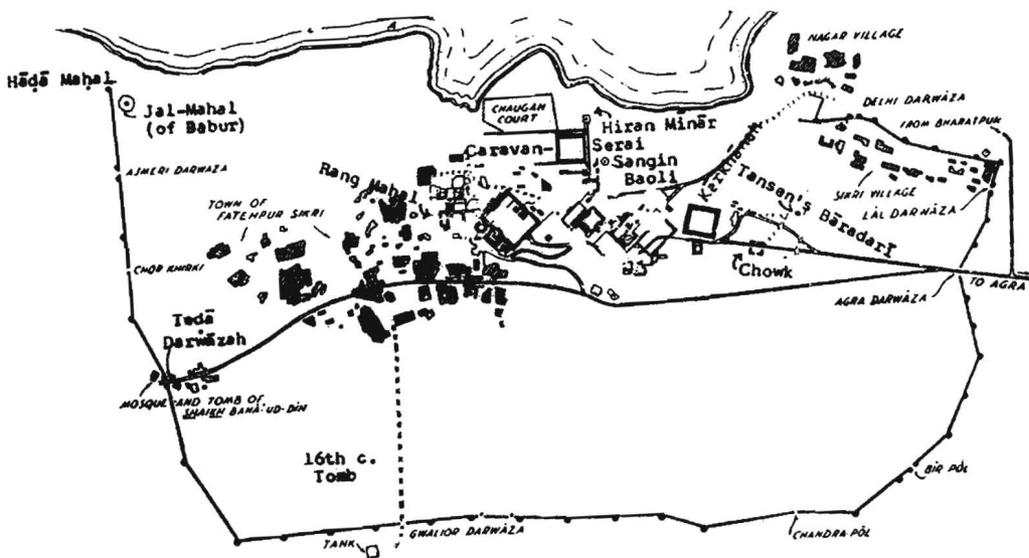
(Снизу вверх)

Китайский буддийский рельеф VI—VII вв.,
 миниатюра «Мухаммадшах в любви»,
 павильон Саван.

52. МОНГОЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ

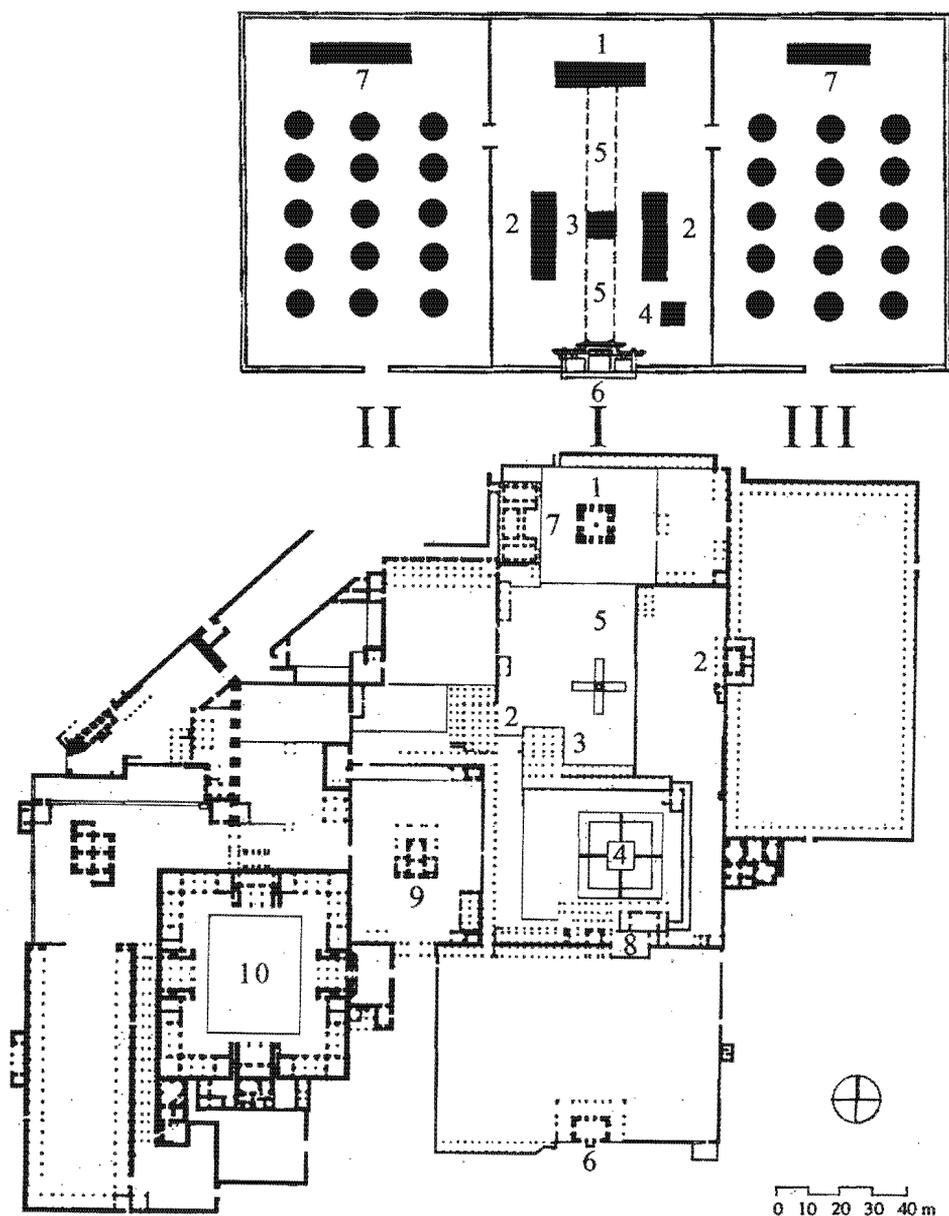
Полотно художника Дамдинсурэна Д. (1869—1939 гг.).

53. МОНГОЛЬСКИЙ ГОРОД И ГОРОД АКБАРА

Планы:

монгольского города (внизу)
и Фотихпур Сикри (вверху).

54. МОНГОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ДВОРЦОВЫЙ КОМПЛЕКС АКБАРА

I — Главный двор монастыря и Двор государства Акбара,

II — гарем и III — Девони Омм Акбара;

1 — Главный храм и Девони Хос, 2 — Боковые храмы и Панч Махал со входом в

Девони Омм, 3 — Священный алтарь и Павильон для еды и напитков,

4 — Сигнальная башня и минарет Ибодатхона, 5 — Высокий путь,

6 — Священные ворота и Окно-джарокха, 7 — кладовые, 8 — Хилватхона,

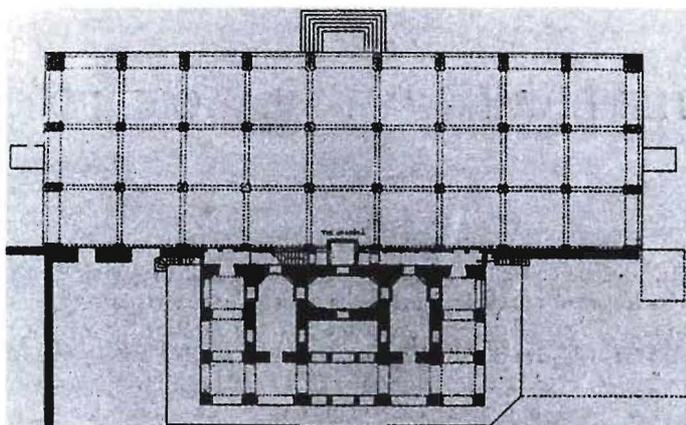
9 — Гостиная, 10 — гарем.

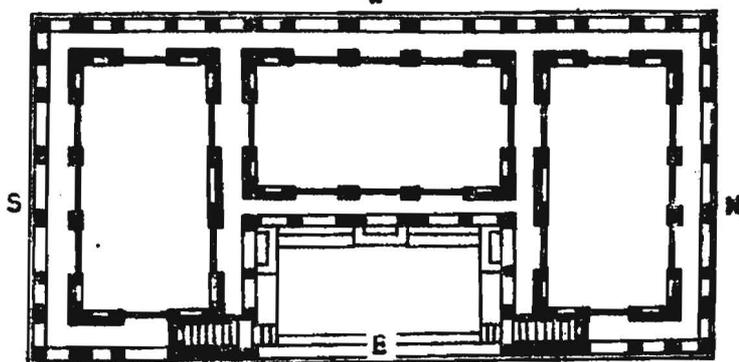
55. СЕЛЬДЖУКИДСКИЙ АНСАМБЛЬ

Внизу: сельджукидское блюдо XII—XIII вв.

Вверху: Девони Хос, Хазинай Хос и Павильон Казначея.

W

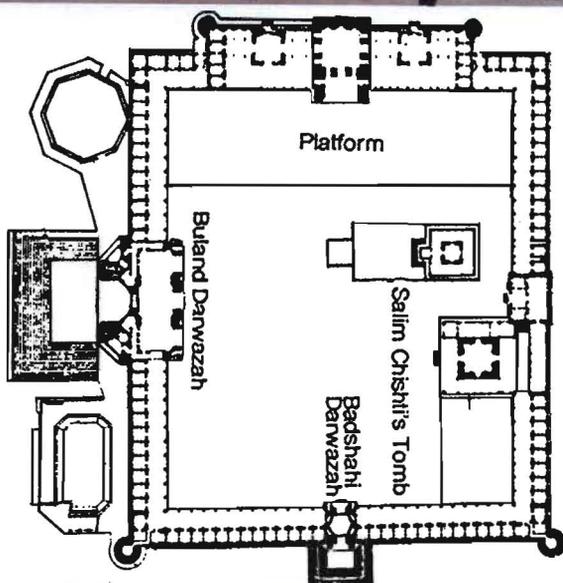
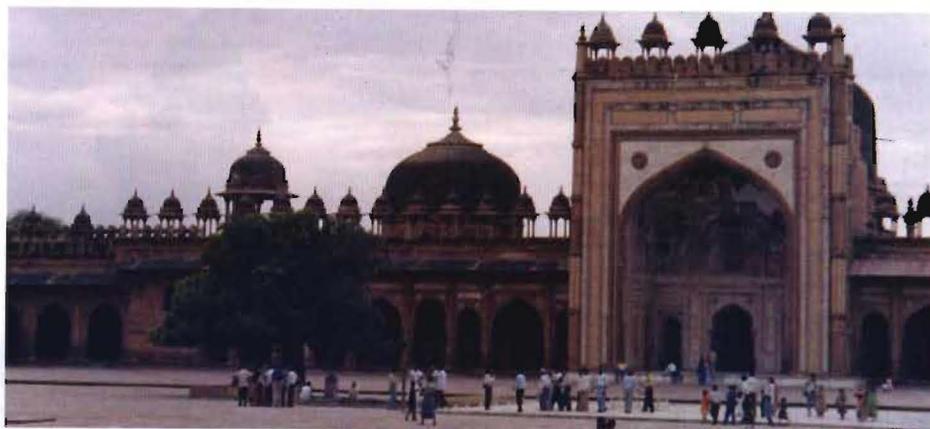
56. ОТ СЕЛЬДЖУКИДСКИХ ТЕНТОВ К КАМЕННЫМ ДВОРЦАМ

Планы:

Джарокха Давлатхона Хосу-Омм в Лахоре (вверху)

и Хазинаи Хос в Фотихпур Сикри (внизу).

В середине - галерея Хазинаи Хос.

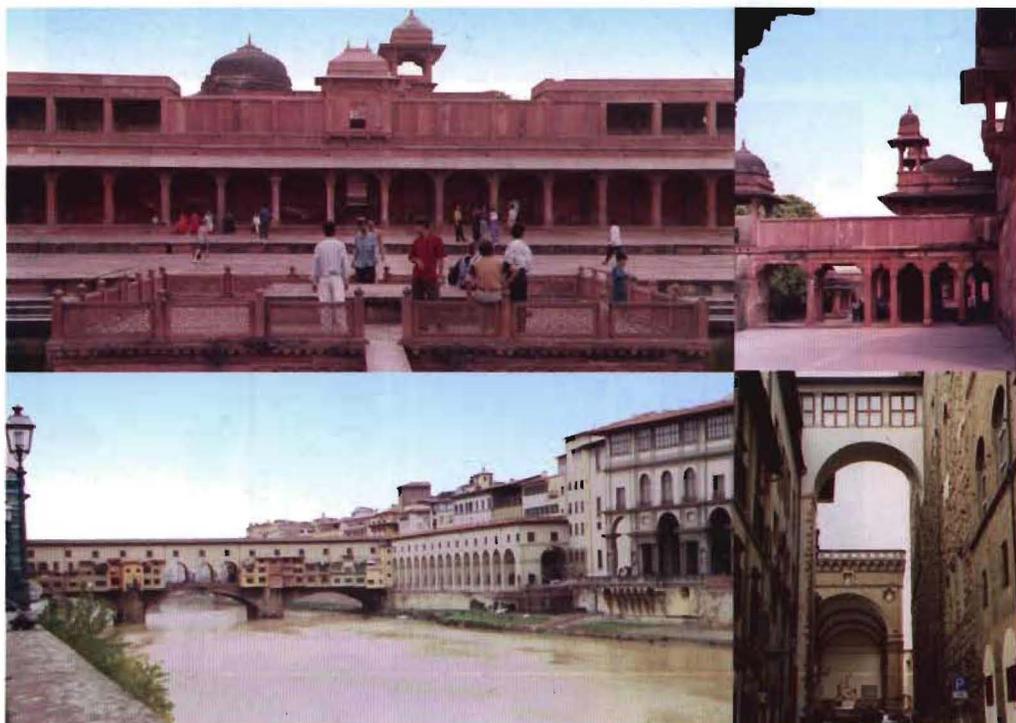

57. ФЛОРЕНТИЙСКАЯ ПЛАТФОРМА

Снизу вверх:

Салон Пятисот во Флоренции (фото)

и мечеть Джами в Фотихпур Сикри (план и фото).

58. ФЛОРЕНТИЙСКИЙ КОРИДОР

Из апартаментов Элеоноры сквозь Уффици к рынку
на мосту Понте Веккио (внизу)

и из гарема Акбара к базару Фотихпур Сикри (вверху).

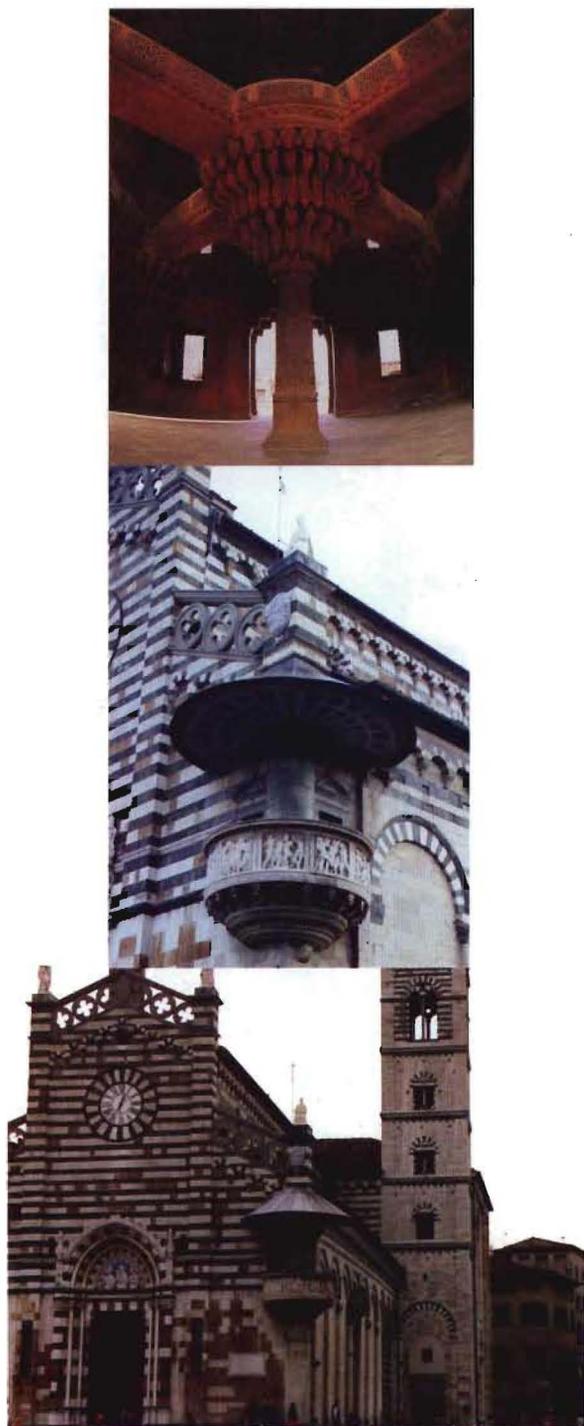
59. СОЛОМОН И АКБАР

Храм молитвы Соломона (реконструкция Дж. У. Келчнера)
и Панч Махал Акбара.

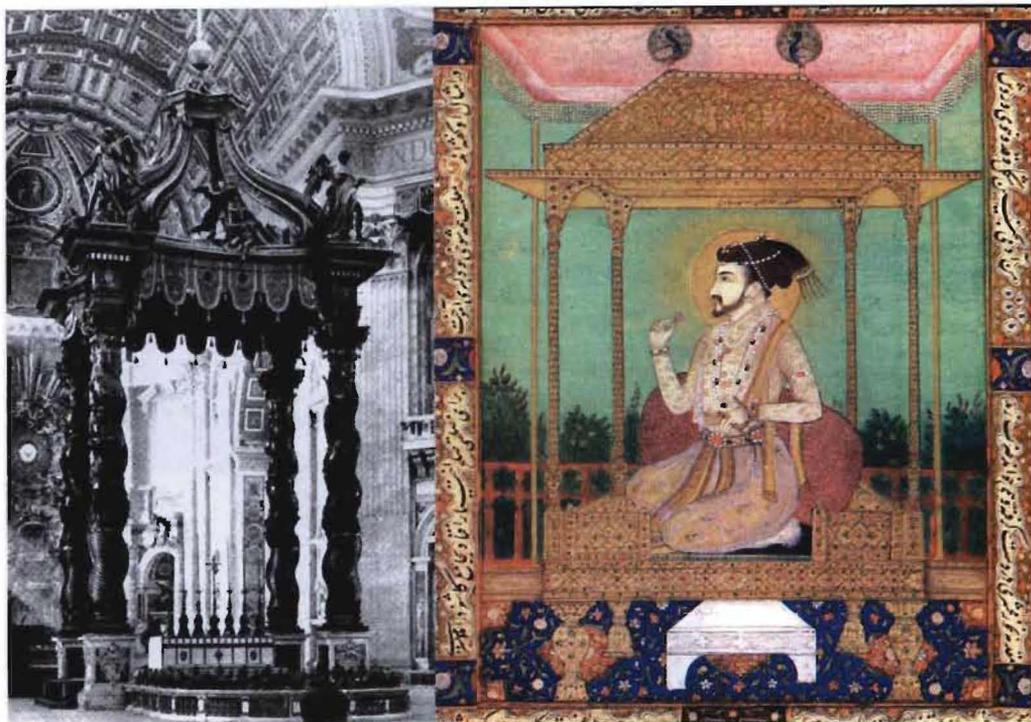
60. ПЕРВЫЕ ТРОНЫ АКБАРА

Трон в Фотихпур Сикри
и трон-джарокха в цитадели Лахора.

61. ТРОН АКБАРА В ФОТИХПУР СИКРИ

(Снизу вверх) Кафедра собора в Прато близ Флоренции и трон в Девони Хос.

**62. ПОКРЫТИЕ НА ЧЕТЫРЁХ КОЛОННАХ
НАД ОБОЖЕСТВЛЁННОЙ ЛИЧНОСТЬЮ**

Балдахин Дж.Л.Бернини
и Тахти Товус Шахджахана.

63. ТЕМУР В ДЕТАЛЯХ НИШИ-АЙВАНА И СИМВОЛИКЕ ТРОИЦЫ
Вверху: айван Темура в Девони Омм Агры.
Внизу: умывальник-лавабо Франции.

64. ТРОН ПРАВИТЕЛЯ ПОД БОГОМ

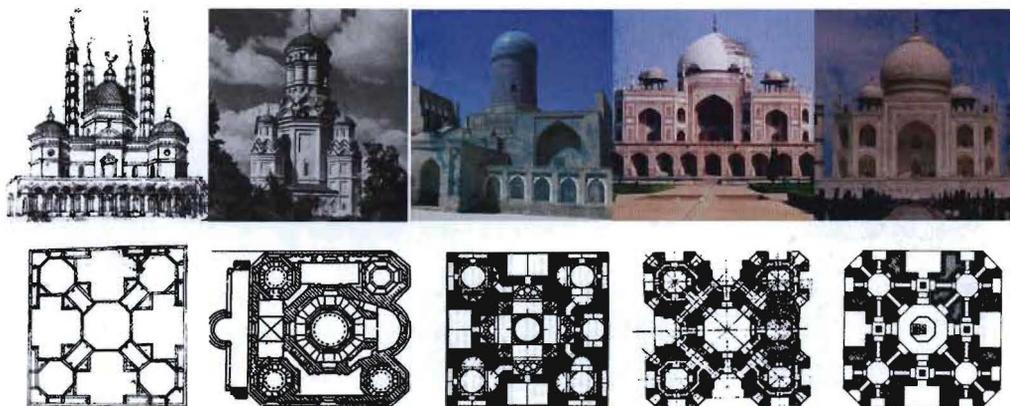
(Снизу вверх)

Тахти Такдис Хосрова II,

трон в цитадели Бухары,

трон в цитадели Шахджаханабада,

Орфей на темуридском древе.

65. РЕНЕССАНС И ПРОТОТИПЫ ТАДЖА

Планы и фасады:

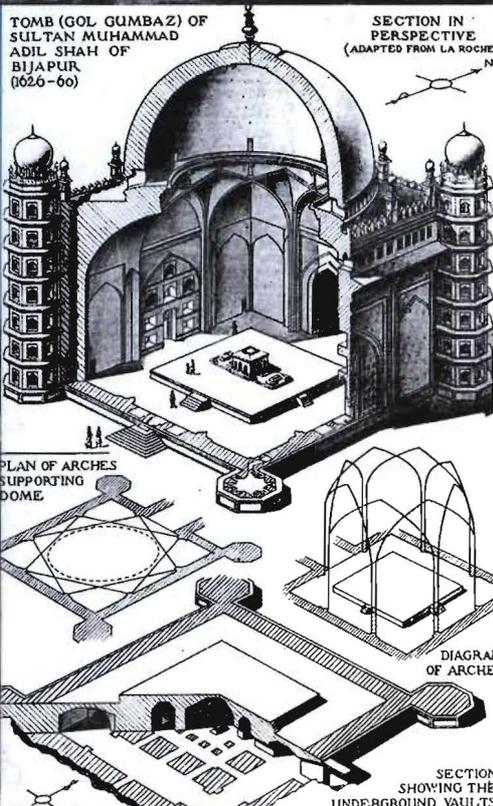
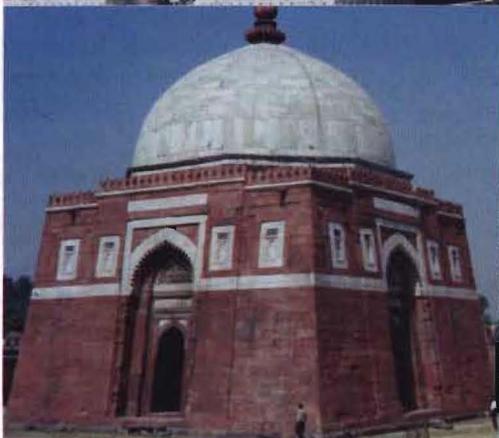
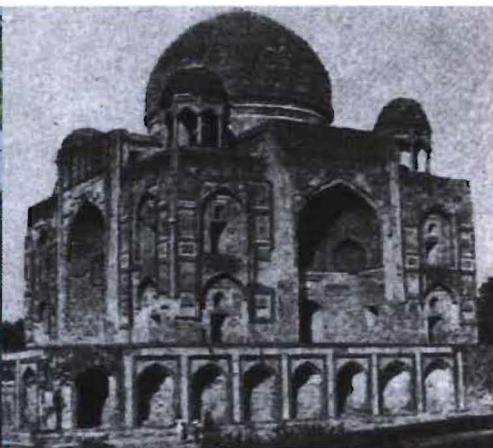
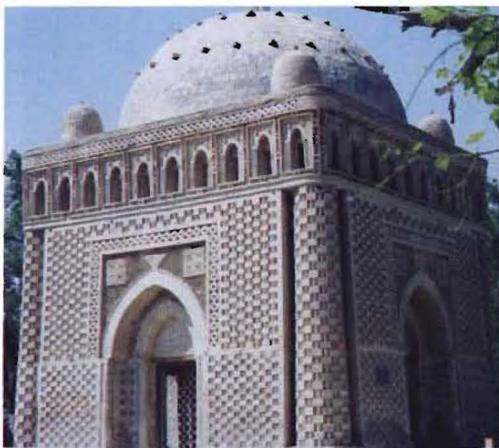
храм (1461—1464 гг.) Филарете для идеального города Плюсиаполис,

церковь (1547 г.) Иоанна Предтечи в Дьякове,

хонакох (1558 г.) Абдуллахана для Касым Шайха в Кармана,

мавзолее (1556—1565 гг.) Хумаюна в Дели,

Тадж Махал (1631—1648 гг.) в Агре.

66. МАВЗОЛЕЙ САМАНИДОВ И ТЮРКСКИЕ ПРОТОТИПЫ ТАДЖА

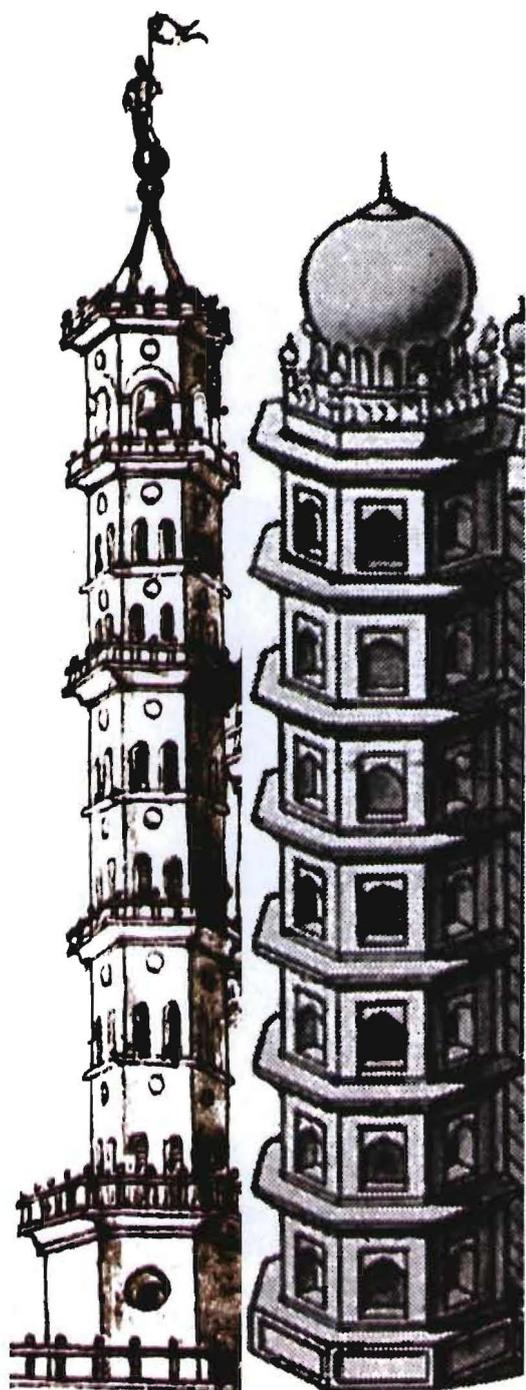
Мавзолеи (сверху вниз):

Саманидов (IX—X вв., Бухара),
 Гиёсиддина Туглака (1324 г., Дели),
 Хушанг Шаха (около 1440 г., Манду),
 Абдурахима Хани Ханан (1626 г., Дели),
 Гол Гумбаз (1626—1660 гг., Биджапур).

67. СИМВОЛ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЛОТОС В ТРОНАХ И КУПОЛАХ

Будда (VII—X вв., Китай),
 тронный двор цитадели Самарканда,
 купола мавзолея Ширин Бека Ака (XIV в., Самарканд)
 и мечети Вакил (XIV—XV вв., Шираз),
 трон и купол Султана Манду Абдуллахана Узбека (миниатюра 1600-х гг.)

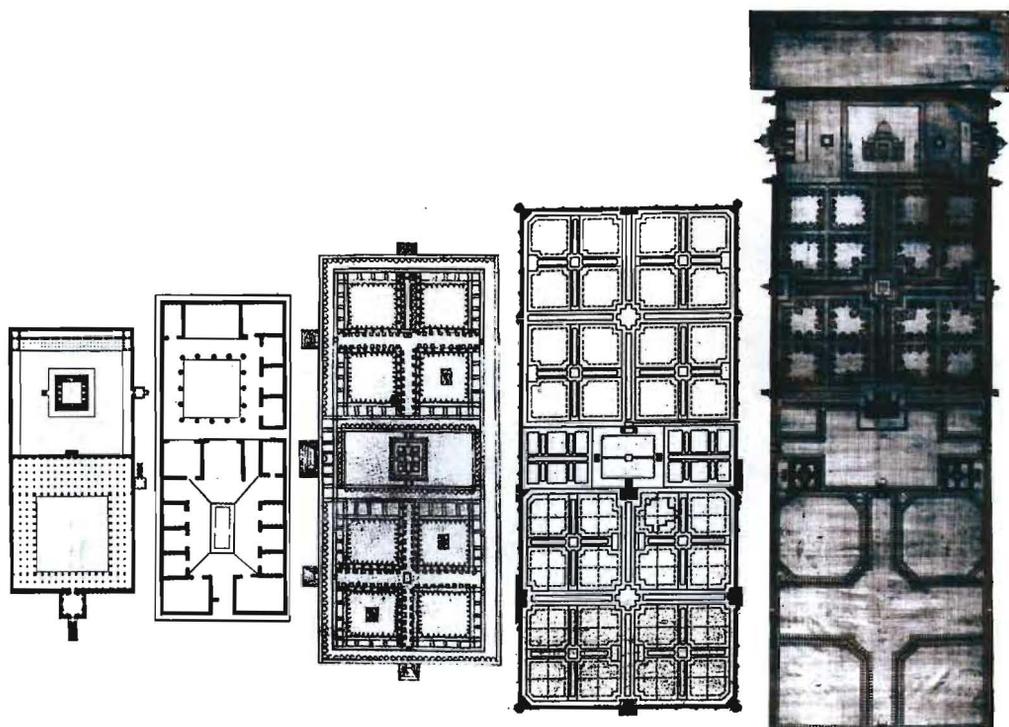
68. 8-Й ДЕНЬ ВОСКРЕСЕНИЯ И ВОЗНЕСЕНИЕ СКВОЗЬ 7 НЕБЕС

8-ярусная башня храма города Плюсиаполис
и 7-ярусная башня мавзолея Гол Гумбаз.

69. СТИЛЕВОЙ РАЗЛАД ВОРОТ И МАВЗОЛЕЯ

Ворота в сад, и мавзолей Джахонгира.

70. ПРОТОТИПЫ ДВОРОВ ТАДЖА

Дворы:

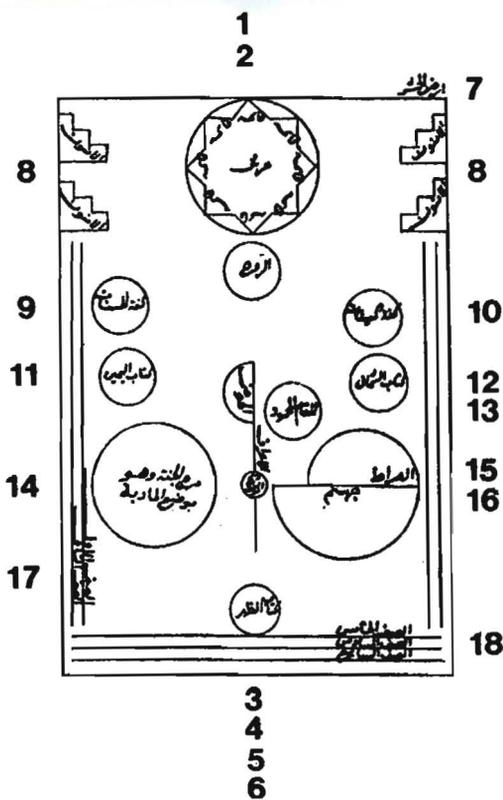
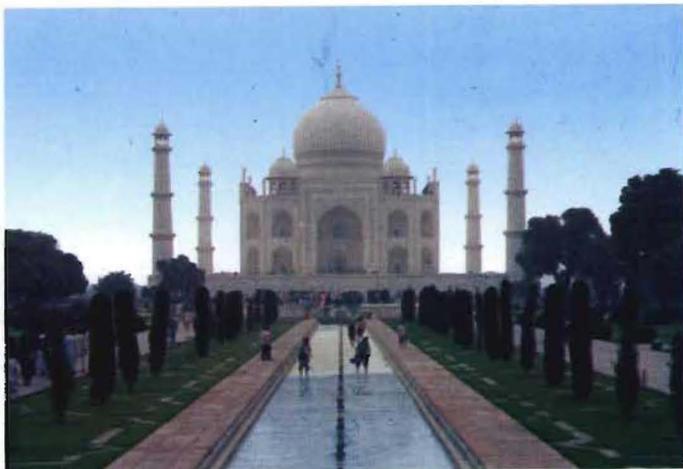
Хушанг Шаха,

древнеримского жилого дома *таблинум*,

Оспедале Мажжоре,

сада Шалимар,

Тадж Махала.

**71. ПЛАН СУДНОГО ДНЯ
ОТ ИБН АРАБИ**

- 1 — Трон Бога,
- 2 — Дух,
- 3 — Водоём,
- 4/5 — Ось добра и зла,
- 6 — Секретари,
- 7 — Место сбора,
- 8 — Находящиеся в безопасности,
- 9 — Весы добра,
- 10 — Весы зла,
- 11 — Правые секретари,
- 12 — Левые секретари,
- 13 — Место для похвалы,
- 14 — Сад Рай и место великого празднества,
- 15 — Мост-Сирот,
- 16 — Ад,
- 17/18 — Ряды.

72. БЕЗУПРЕЧНЫЙ БЕЛОМРАМОРНЫЙ СТИЛЬ
Девони Хос Лахора, 1645 г. (внизу),
и мечеть у могилы Бабура в Кабуле, 1646 г. (вверху).

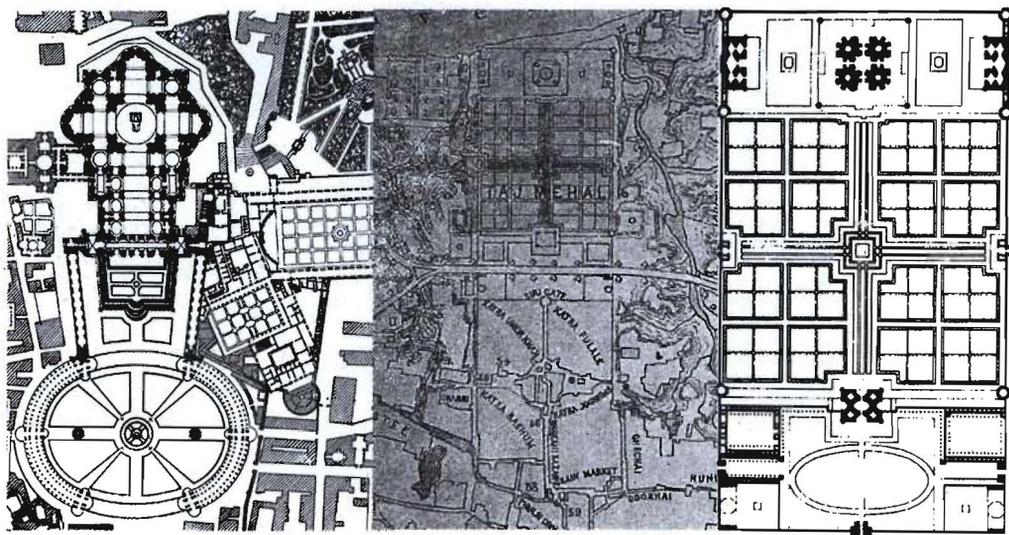

73. МИЛАНСКИЙ ПРОТОТИП ТАДЖА

Оспедале Мажжоре:

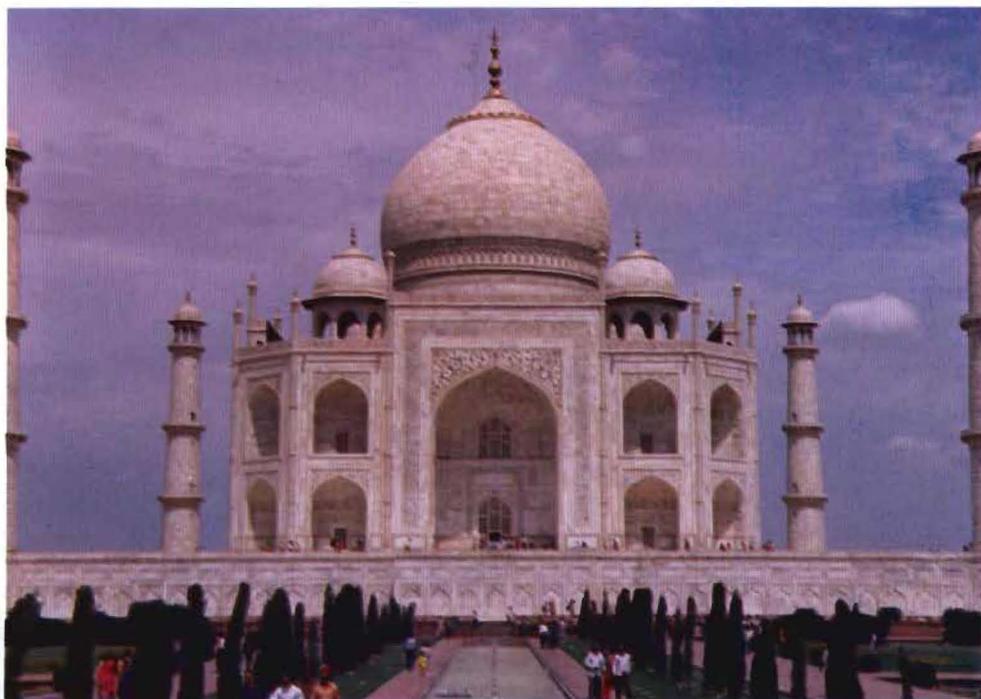
вход в центральный двор (внизу)

и вид на двор и церковь (вверху).

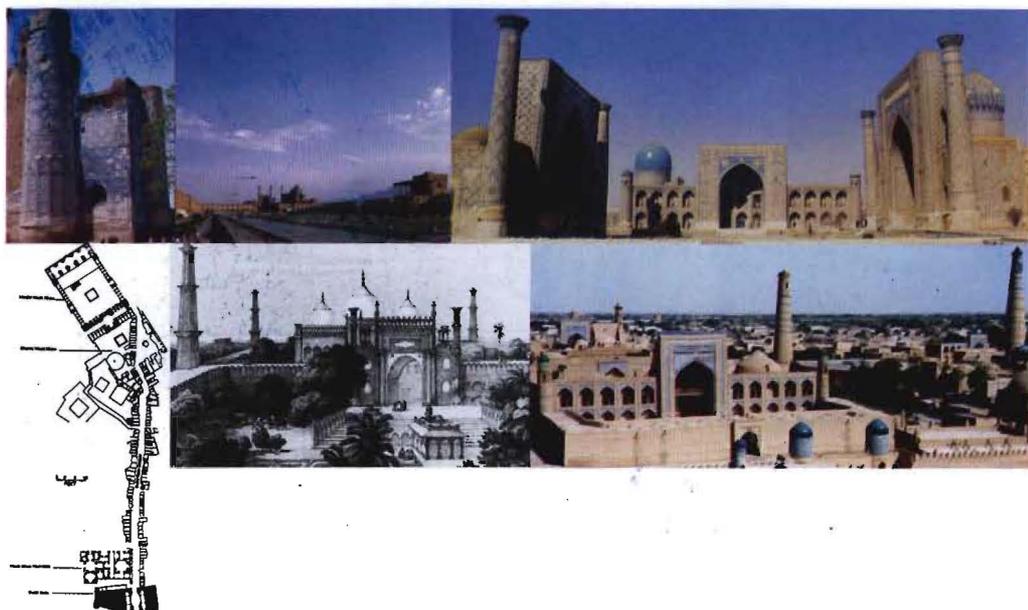
74. ЭЛЛИПС КАК ОБЪЯТИЕ ВЕРЫ

Площадь-эллипс Дж.-Л. Бернини в Риме (слева),
улица через Джиловхону (в центре),
и тропы-эллипс Джиловхоны (справа).

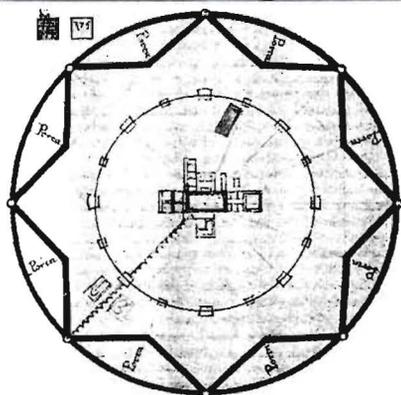
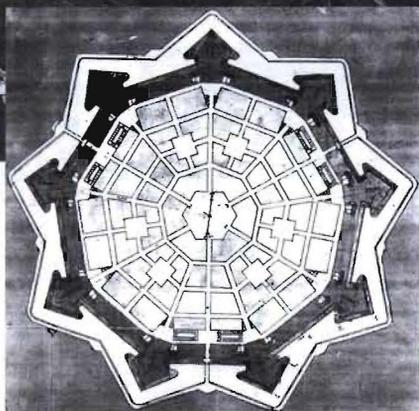
75. ЦЕЛЬНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА РИТУАЛА

Интерьер церкви Сан Сальваторе ди Оннисанти во Флоренции,
и кульминация Тадж Махала.

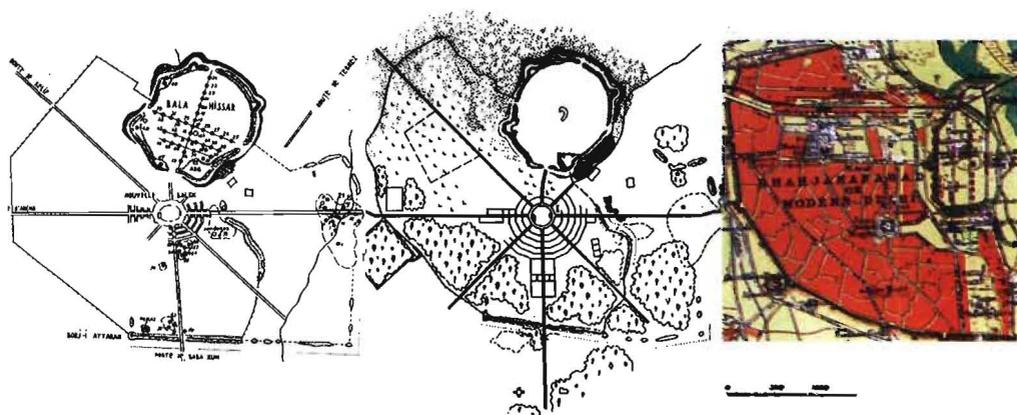
76. СТИЛЬ ТЕМУРА В КЕШЕ, ИСФАХАНЕ, САМАРКАНДЕ, ЛАХОРЕ, ХИВЕ

Дворец Аксарай (1380—1404 гг.),
мечеть Масжиди Шах (1612—1638 гг.) площади Майдани Шах,
площадь Регистан (1417—1660 гг.),
площадь и мечеть (1643 г.) Вазир Хана,
мечеть Бадшахи (1674 г.),
мадраса (1871 г.) Мухаммада Рахим Хана.

77. ИТАЛИЯ ВОЗРОЖДАЕТ МНОГОГРАННЫЙ ГОРОД ВИТРУВИЯ (Снизу вверх)

План Филарете для города Сфорцинда (1462—1464 гг.),
план города Пальманова (с 1593 г.) Дж.Саворнан и Б.Лорини в области Фриули,
вид города с воздуха.

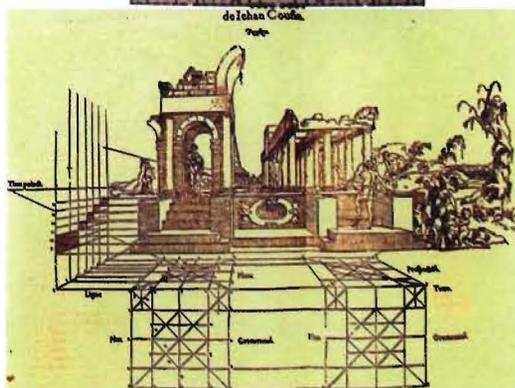
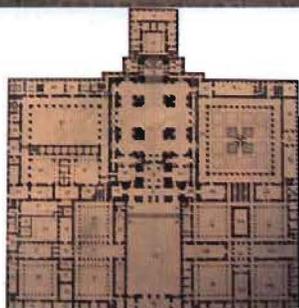
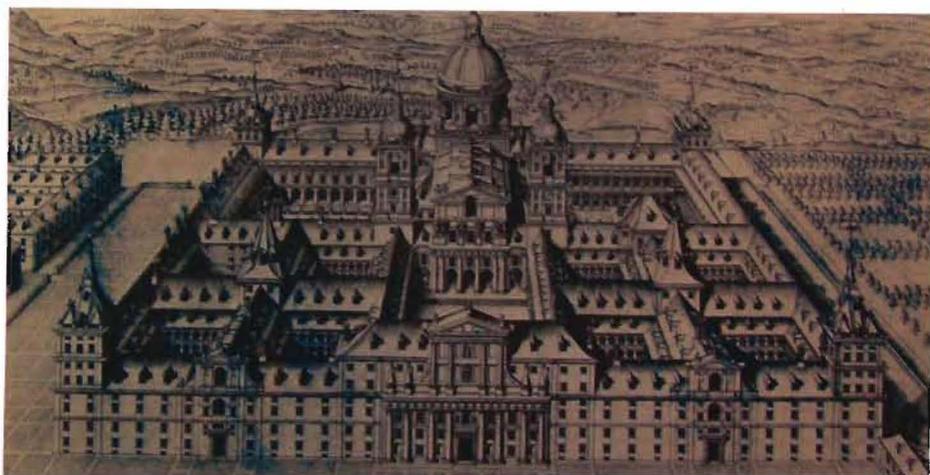
78. ПЛАН И ЦЕНТР БАЛХА В ШАХДЖАХАНАБАДЕ

Темуридский Балх,

Балх в середине XX в.,

Шахджаханабад.

Мечеть Джума Шахджахана расположена на месте центра Балха.

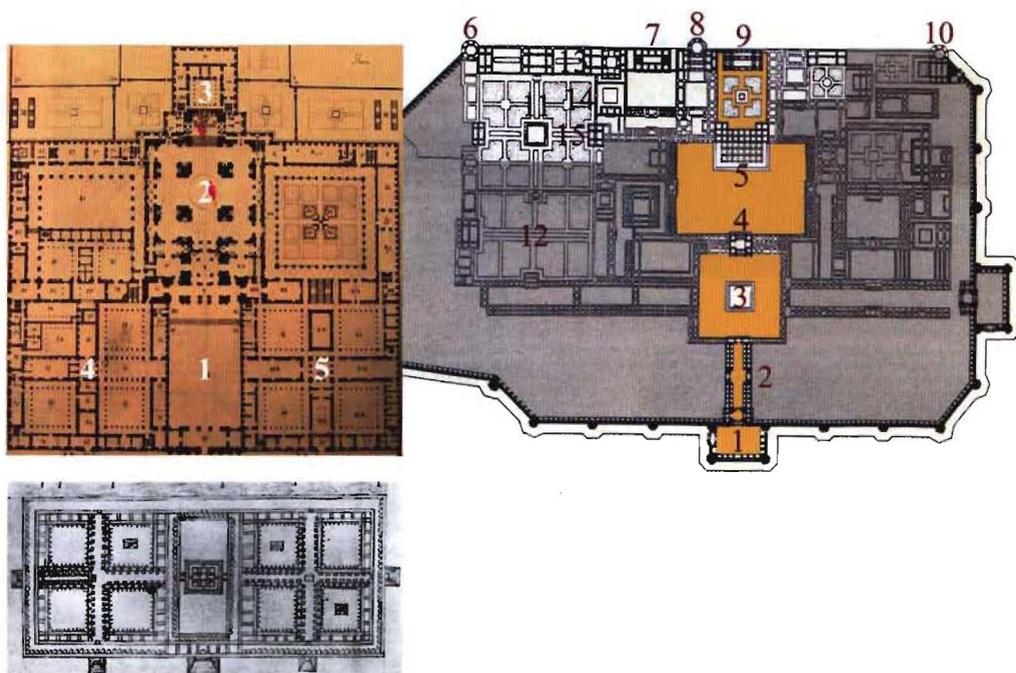
79. ВОЗРОЖДЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ОТ ФИЛАРЕТЕ ДО ЭСКОРИАЛА

Снизу вверх:

план Оспедале Мажжоре (1456—1465 гг.),

перспектива по Ж. Кузену (1501—1560 гг.),

план и перспектива дворца-монастыря Эскориал (1563—1584 гг.).

80. СТРОГИЕ ЦЕРЕМОНАЛЬНЫЕ ОСИ: ЭСКОРИАЛ И ЦИТАДЕЛЬ ШАХДЖАХАНАБАДА

Планы (снизу по часовой стрелке):

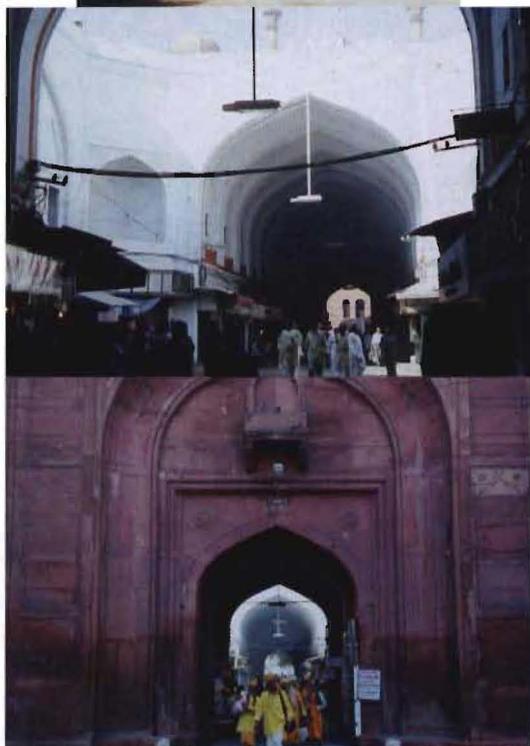
Оспедале Мажжоре (1456—1465 гг.),

Эскориал (1563—1584 гг.),

цитадель Шахджанабада (1638—1648 гг.).

Эскориал: 1 — Двор королей, 2 — Храм, 3 — Апартаменты, 4 — семинария, 5 — монастырь.

Цитадель: 1 — Лахорские ворота, 2 — базар, 3 — Джиловхона, 4 — Ногорахона, 5 — Девони Омм, 6 — Шах *Бурдж*, 7 — Девони Хос, 8 — Мусамман *Бурдж*, 9 — Ранг Махал, 10 — Асад *Бурдж*, 11 — сад Хаёт Бахш, 12 — сад Мехтаб, 13 — хаммом, 14 — мечеть Моти, 15 — павильон Саван.

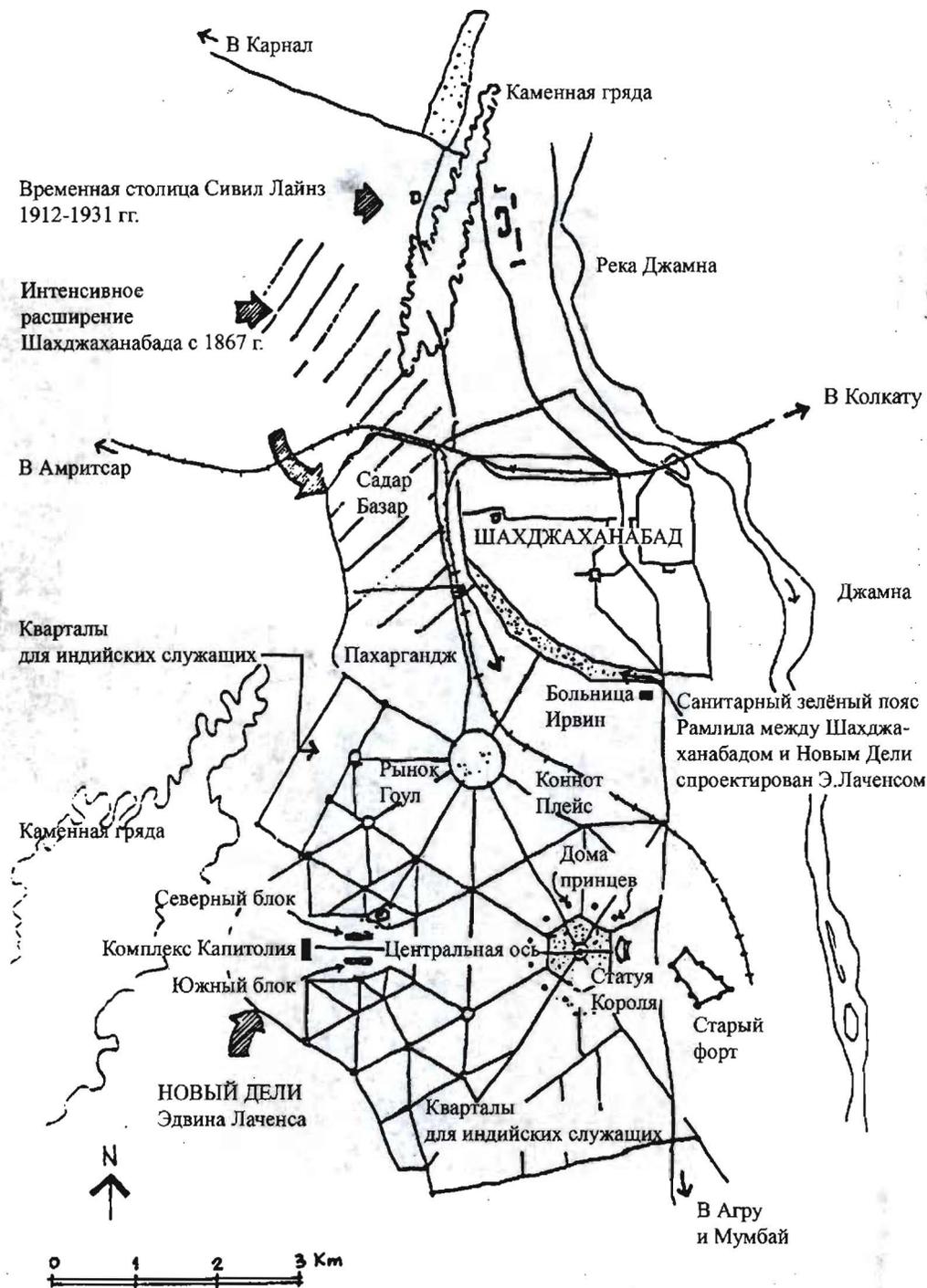

81. АРХИТЕКТУРА ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ОСИ ЦИТАДЕЛИ ШАХДЖАХАНАБАДА

(Снизу вверх)

Лахорские ворота,
базар Чатта Чоук,

Ногорахона и Девони Омм (на переднем плане).

82. ШАХДЖАХАНАБАД И НОВЫЙ ДЕЛИ

Эскиз Ш.К. Саха

07/4

«Многолетнее исследование в сотрудничестве со специалистами разных стран, новаторское в структуре и заключениях, полезное широкому читателю и специалистам многих сфер знания».

– Акбар Хакимов,
профессор,
доктор искусствоведения,
академик Академии художеств
Узбекистана.

«Архитектура Темуридов в таком широком охвате изучена впервые и со знанием мнений исследователей по каждому мельчайшему элементу. Автором введены в науку новые материалы и концепции, коренным образом меняющие существующие точки зрения об архитектуре Темуридов».

– Додо Назилов, профессор,
доктор архитектуры,
Ташкентский государственный
технический университет.

Шукур Аскарлов — доктор архитектуры, профессор архитектурного факультета Ташкентского архитектурно-строительного института, академик Международной Академии архитектуры стран Востока (МААСВ). Автор монографии «Регион-пространство-город» (Москва, Стройиздат, 1988), «Методологических рекомендаций по проектированию», более 100 статей по истории и теории архитектуры и градостроительства. Соавтор «Концепции развития градостроительства Узбекистана в условиях формирования новых социально-экономических отношений» (Ташкент, ТАСИ, 2008).

АРХИТЕКТУРА ТЕМУРИДОВ

На первой странице обложки:
«Темур и Шахджахан».
Миниатюра рукописи «Подшохнома»,
около 1657 г.